

А. ВОРОНКОВА

ЛИЧНОЕ
СЧАСТЬЕ

Детская книга

Любовь Федоровна Воронкова

Личное счастье

Сканирование – Алла Кузнецова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161139

*Личное счастье: Государственное Издательство ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ Министерства Просвещения РСФСР; Москва; 1961*

Содержание

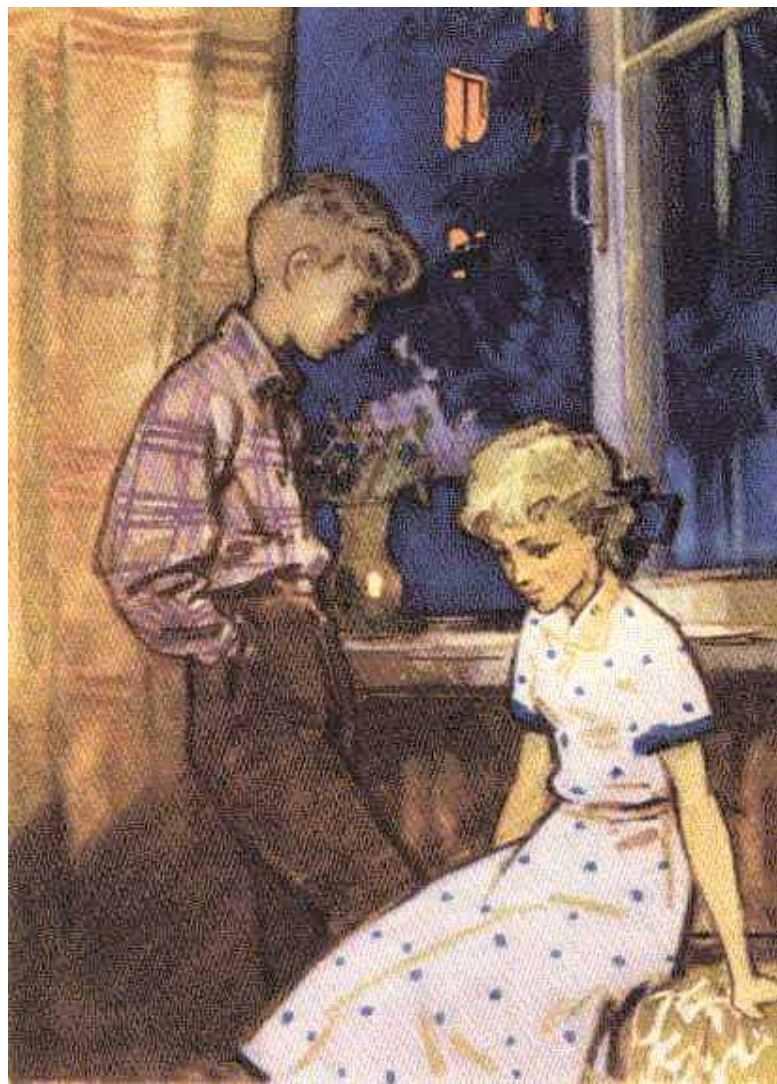
НАЧАЛО ТРЕВОГИ	11
АНТОН В ПЛЕНУ	20
ВИШНЕВОЕ ВАРЕНЬЕ	35
НАРУШЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ	45
ПИР У ТАМАРЫ БЕЛОКУРОВОЙ	53
ПРИНЦ ГАМЛЕТ	65
АНТОН ЗАПУТАЛСЯ	84
ОМРАЧЕННЫЙ ПРАЗДНИК	93
ТОСКА	99
ИЗЮМКИН МИР	113
БЕСПОЛЕЗНЫЙ РАЗГОВОР	127
МАЛЕНЬКИМ НУЖНЫ СТАРШИЕ	136
РАЗОЧАРОВАНИЕ	148
СНОВА ЯШКА КЛЕТКИН	160
ТАМАРЕ ДАЮТ ПОРУЧЕНИЕ	171
НОЧНЫЕ ЭЛЬФЫ	183
ТЕЛЕГРАММА	199
НЕУДАЧНАЯ ВСТРЕЧА	213
«СЕСТРИЦА АЛЕНУШКА»	225
МОСТИК СЛОМАЛСЯ	238
ТАМАРА ИЩЕТ СЧАСТЬЯ	256
СТОЛКНОВЕНИЕ	268
ЗВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА	282

ЯШКА ОБЪЯВЛЯЕТСЯ	291
ЖИЗНЬ ПОВОРАЧИВАЕТСЯ НЕОЖИДАННО	298
РАДОСТНЫЕ ВСТРЕЧИ	309
КРУПНЫЙ РАЗГОВОР	323
ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ	349
К ЧИТАТЕЛЯМ	356

Любовь Воронкова
ЛИЧНОЕ СЧАСТЬЕ

НАЧАЛО ТРЕВОГИ

Автобус уходил все дальше и дальше по улице. Блеснув красным кузовом, он повернул за угол и исчез. И все исчезло – веселые и заплаканные лица детей, глядевшие из окон, их цветные шапочки, панамки... Исчез и клетчатый платочек, которым махала Изюмка, прощаясь с Антоном и Зиной. Уехали.

Зина понимала, что грустить тут нечего. Маленькая сестренка отправилась с детским садом на дачу, к солнышку, к реке, к лесу... Только радоваться надо, что так счастливо удалось устроить Изюмку. Впрочем, и устраивать-то особен-

но не пришлось: в заводском комитете знали, что у Стрешневых умерла мать. А кому же, как не сиротам, нужна особая любовь и забота?

Грустить, конечно, нечего. Однако у Зины в ее темных ресницах все-таки заблестели слезинки. На всяких проводах, даже если человек уезжает ненадолго и уезжает для отдыха и радости, присутствует затаенная печаль...

Вот только что щебетала здесь Изюмка, обещала поймать живую рыбку в реке и привезти Антону, а для Зины найти самый-самый красивый цветок в лесу. И все тревожилась, как бы у ее новой сумочки для носового платка не оторвалась тесемка, и все напоминала, чтобы папа купил ей книжку, которую обещал, чтобы он не забыл купить эту книжку... И вот – нет ничего. Только узорчатый след широких скатов автобуса на сырой от поливки мостовой.

Матери и бабушки, провожавшие детей, начали расходиться. У ворот детского сада наступила тишина. Слышней стал трамвай, проходящий по соседней улице. Отчетливей прозвенел на дереве дружелюбный разговор воробьев. Зина, сморгнув слезы, поглядела на Антона. Антон все еще стоял, устремив глаза на тот угол, за которым исчез автобус.

– Ну что ж, пойдем? – сказала Зина.

И тут же по привычке окинула его взглядом – все ли пуговицы на месте, не торчит ли где вырванный клоч. Ну, так и есть: рукав у рубашки разорван, штаны в известке. И почему это мальчишкам вечно надо куда-то лазить, пачкаться, рвать

все на себе?

Антон поднял на Зину голубые задумчивые глаза:

– А мы с тобой к ним поедем?

– Конечно, поедем. В родительский день.

– И с папой?

– И с папой обязательно.

Зина и Антон шли рядом по узкому тротуару своей старой, осененной липами и тополями улицы. Деревья были зеленые, только что развернувшие молодую листву. Они еще не успели запылиться и стояли, празднично осыпанные маленькими солнечными огоньками. На дощатом, лиловом от времени заводском заборе лежали ребристые тени. Оттуда, из-за этого высокого забора, взлетали веселые, задорные гудки паровозика, развозившего груз по заводскому двору.

С тех самых пор, как Зина живет на свете, слышит она эти тонкоголосые отрывистые гудки. Раньше она думала, что там ходит большой паровоз с золотой звездой на груди и с огненными глазами. Он являлся из дальних странствий, из тех неизвестных заманчивых далей, которые лежат за пределами московских окраин. Он приходил, промчавшись сквозь дремучие леса, он дышал жаркими запахами цветущих степей, он, может быть, пил студеную байкальскую воду...

Позже, когда со школьной экскурсией Зина вошла в заводской двор, она увидела маленький черный паровозик, бегавший по узким рельсам от склада сырья к цехам и от цехов к складам. Бегал и гудел-покрикивал, чтобы люди сторонни-

лись с его путей, хоть он и маленький, но все-таки паровоз же! Зине тогда стало очень смешно – ну и воображала этот паровозик, ну и обманщик!

Однако и сейчас, на своем пятнадцатом году, услышав знакомые гудки, Зина почувствовала то же сладкое и немного грустное волнение детских лет; те же неясные мечты о дальних странствиях затуманили ей глаза. Пятнадцатая весна... Уже пятнадцатая весна, а Зина еще нигде не была, кроме бабушкиного деревенского Подмосковья. А мир так велик, так огромен и разнообразен!

Но скоро, уже теперь совсем скоро Зина закинет походный рюкзак за плечи и выйдет из ворот. Надолго, почти на все лето, она уйдет из дома. Их школьная группа – все хорошие, крепкие ребята, все ее друзья и подружки. Как же весело будет им идти по солнечным дорогам, углубляться в лесные чащи, купаться в реках и озерах, ночевать у костров, под звездами! Сколько песен они запишут, сколько соберут гербариев, сколько зарисовок акварелью сделает она, Зина!.. Ой, уж скорей бы!

Антон вдруг пронзительно свистнул, и Зина, очнувшись от своих весенних дум, вспомнила, что он идет рядом.

– Ты что это, Антон? – строго сказала она.

– А что?

Зина уловила в его голосе чуть-чуть вызывающую нотку. Это что-то новое – Антон был всегда послушным и мягким. Может, даже чересчур мягким...

– Зачем ты свистишь?

– А там Алешка Маркин идет, из нашего класса. Вот я ему и свистнул. Все так свистят.

– Кто же это – все?

– Все. И Клеткин так свистит.

– Клеткин! – Зина покачала головой. – Нашел товарища. Он же на три года старше тебя. Чего ты все к нему лезешь? На голубях помешался?

– Не на голубях, – нехотя возразил Антон. – Он их сам не любит, только гоняет.

– Так что же тебе у него сладко?

Антон, не отвечая, сплюнул сквозь зубы.

– А это что – тоже клеткинский шик? – спросила Зина.

Антон поморщился. Но Зина не отставала:

– Клеткин тоже так плюет?

– Он еще дальше умеет, – возразил Антон. – Он может за семь шагов в человека попасть.

– Значит, ты отстал. Только за три шага можешь попасть в человека!

Зина нахмурилась, лицо ее стало чужим, холодным. Но Антон будто и не заметил этого. Он шел, засунув руки в карманы, рассеянно и независимо поглядывая по сторонам. С какого-то времени, Зина не заметила с какого именно, Антон перестал держаться за ее руку, когда им случалось вместе идти по улице. Ну что ж, значит, большой становится, уже не хочет ходить за ручку!

Эта мысль отозвалась в ее сердце неожиданной горечью. Почему? Неужели потому, что Антон становится большим?

Прислушавшись к себе, Зина поняла, что нет, не поэтому. Это очень хорошо, что Антон подрастает, что он уж не такой робкий и податливый. Только почему же, подрастая, человек должен отходить от своих близких, от тех, кто его опекает и заботится о нем? Неужели и от мамы, если бы она была жива, Антон вот так же замыкался бы, закрывал бы свою душу, всегда такую доверчивую и открытую? Еще не так давно Зине стоило только слегка нахмуриться, как Антон уже виновато заглядывал ей в глаза своими широко открытыми глазами, в которых можно было прочесть все его мысли, все до одной! Он так всегда торопился восстановить дружбу с Зиной, он так держался за нее, за старшую сестру, как листик за ветку...

А нынче – вот он идет, руки в карманы, свистит, плюется. И словно дела ему нет до того, что думает об этом Зина!

Входя во двор, Антон опять плюнул сквозь зубы, словно выстрелил из рогатки.

– Продолжаешь? – холодно спросила Зина.

Антон опять ничего не ответил.

– Придется с отцом о тебе поговорить. Что с тобой творится?

– Ну что я сделал-то? – хмуро возразил Антон. – Скорей уж с отцом! Только и знаешь.

Во дворе, на лавочке под кленом, Зину ждала Фатьма Ра-

химова, ее подруга с детских лет. Фатъма сидела, склонившись над книгой, длинные черные косы ее сбегали по плечам, от густых ресниц падала нежная тень на смуглые, побледневшие за зиму щеки.

Услышав шаги, она подняла ресницы. Взгляд ее был далеким, он еще был устремлен в тот праздничный, в тот мучительный и роковой день, когда Джемма, увидев, как Овод обрывает лепестки розы, узнала в нем своего Артура.

Фатъма улыбнулась Зине. Но тут же ее крупные красные губы задрожали и Фатъма неожиданно всхлипнула.

– Ты смеешься или плачешь? – спросила Зина, присаживаясь на скамью.

– Смеюсь, – ответила Фатъма, утирая слезы. – Это я только из-за Овода... А так, конечно, смеюсь!

– А я-то, думаешь, не плакала из-за Овода? – сказала Зина. – И, если снова начну читать, опять заплачу. Как он их любил – и отца, и Джемму!

– Любил, а мучил! Ну зачем он Джемму так мучил? Мне очень Джемму жалко...

У Фатъмы снова навернулись слезы.

– А мне нет, а мне не жалко, – сдвинув брови, прервала Зина: – она за другого замуж вышла.

– Ну, а если Артур погиб? Ведь она же думала, что он умер!

– Все равно. Раз он умер и раз он был не виноват – значит, и она должна быть верной. А она уж скорей замуж. Я бы ни-

когда, никогда бы так не сделала!

– А он должен был понять и простить!

– Где же Антон? – вдруг спохватилась Зина и, оглядываясь, встала со скамьи. – Куда же он делся?

Двор был полон утренней свежести и тишины. Девочки-первоклашки прыгали через веревочку. Малыш из квартиры номер два с восторгом теребил кустик мокричника, выросший у забора...

Антон не было.

– Наверное, в пионерский лагерь убежал, – сказала Фатьма.

Зина озабоченно покачала головой:

– Если бы в лагерь! Иногда придешь туда посмотреть, что он там делает, а его и след простыл – бегаёт неизвестно где, неизвестно с кем. Обманывать начал.

– Антон? Обманывает? Что ты! – Фатьма улыбнулась. – Да он же простота, он и обмануть-то не сумеет!

– Понемножку учится... – Зина вздохнула, светло-серые глаза ее помрачнели. – Ну вот куда он сбежал? Неужели опять к этому Клеткину?

Зина заглянула за угол флигеля. Прошла к воротам, поглядела на улицу.

– Да, может, он дома давно? – крикнула ей Фатьма.

– Дома никого нет. Ключи у меня, – ответила Зина, чувствуя, как у нее начинает ныть сердце от каких-то неясных подозрений.

Фатъма вскочила, откинув на спину свои длинные жесткие косы.

– А давай сбегает в лагерь, посмотрим!

АНТОН В ПЛЕНУ

Ветерок слегка пошевеливал красное полотнище с приветливой надписью «Добро пожаловать!», приглашающей в окруженный зеленью светлый и веселый мир пионерского лагеря.

Недалеко от старых улиц с узенькими тротуарами и подслеповатыми домишками недавно поднялся новый квартал. Величаво и уверенно встали одетые розоватым и белым камнем дома с большими окнами, с балконами, с цветами и газонами у входных дверей.

Среди этих красивых домов, кое-где еще не достроенных, была оставлена широкая площадка для городского пионерского лагеря. Всего год назад открылся этот лагерь, а уже молодые кудрявые липы окружили его, вдоль свежеекрашенного забора поднялись кусты сирени и акации, зацвели левкой и золотые шары, среди лагеря появились беседки, уголок спорта, маленькая библиотека, площадка для младших школьников. Посреди лагеря поднялась мачта пионерского лагерного флага, а линейку, всегда посыпанную свежим песком, обвела зеленым квадратом полоска густого дерна.

Очень много людей потрудились здесь. И пионеры, и комсомольцы, и учителя, и родители, и заводские шефы. Ребята, оставшиеся в городе, любили свой лагерь: он спасал их от одиночества, безделья и скуки, от пыльных, тесных дворов

и темных задворков, которые особенно томительны в жаркие дни лета.

Каждый день, ровно в десять, над лагерем красной птицей взлетал лагерный флаг, слышался пионерский горн, голоса рапортующих вожатых. И целый день лагерь звенел песнями, смехом, радостью кипучей ребячьей жизни.

– Всегда здесь полно, – сказала Фатьма, когда песок лагерных дорожек легонько захрустел под их ногами, – как в улье все равно.

– Да, хорошо здесь. Занятий разных сколько: хочешь – играй, хочешь – читай...

– Хочешь – поливай цветы, – добавила Фатьма.

– Да, вот видишь, не всем это интересно. Некоторых все тянет куда-то...

Они прошли мимо беседки, где занимался кружок «Умелые руки». Ребята азартно мастерили что-то из яркой цветной бумаги, резали, клеили, примеряли. Фатьма не утерпела, подбежала к ним. Оказалось, ребята мастерят шапочки ко Дню цветов. Шапочки эти будут не простые, они будут как цветы – шапочка-ромашка, шапочка-колокольчик, шапочка – яблоневый цвет.

В тени старого дерева, на круглой скамеечке, сидели две девочки с вышиванием в руках. Пожилая, с сединой на висках, с двойным подбородком женщина в очках, видно чья-нибудь бабушка, учила девочек вышивать. Яркие, разноцветные нитки цвели в их корзиночках, как цветы.

В дальнем углу, за густыми сиреневыми кустами, слышались не очень стройные голоса – там разучивали какую-то песню.

– Дай-ка я сбегаю большую клумбу посмотрю, проверю, как мои юннаты работают, – сказала Фатьма. – А то раза два забудут полить – и прощай георгины.

Фатьма, взметнув косами, убежала на свой юннатский участок. А Зина поспешила на площадку младших школьников, куда с самой весны ходит Антон. Щебет ребячьих голосов, смех и веселые крики сливались с азартным воробьиным щебетом. На площадке раскачивались качели. В углу под навесом стучали молотки мастеров кружка «Сделай сам». На открытой полянке ребяташки бегали, запуская змеев. Змеи, причудливые, расписные, со смешными рожами, то беспомощно клонились к земле, то взмывали выше деревьев, выше крыш высоких новых домов.

Зине навстречу выбежала румяная шалунья Поля-Полянка:

– Зина, Зина пришла! Рисовать будем.

Вслед за ней, соскочив с качелей, подошел тоненький, нежный Витя Апрельев.

– Рисовать? А разве сегодня вторник?

Зина вела у них кружок рисования. Но приходиться она могла только один раз в неделю, а ребятам хотелось рисовать каждый день.

Зина вышла на площадку, оглянулась. Антона не было.

Дежурная вожатая, крепкая, немножко неуклюжая, всегда веселая пионерка Саша Тюльпанова, сунула Вите в руку веревочку от змея, который запускала, и подошла к Зине. Она подошла запыхавшаяся, вытирая со лба пот и еще не отдохнувшая от беготни и смеха.

– Здравствуй, Зина! Здравствуй, Зина! – пропела она.

И тотчас со всех сторон хором откликнулись ребячьи голоса:

– Здравствуй, Зина! Здравствуй, Зина! Здравствуй, Зина!

– Здравствуйте, здравствуйте! – ответила Зина, стараясь улыбнуться. – Саша, скажи, ты Антона не видела?

Саша беглым, сверкнувшим взглядом окинула площадку:

– Он не приходил сегодня, Зина. Я здесь с самого утра. Да он уж и давно не приходит.

– Давно?

– А разве ты не знала? Я думала, может, он заболел. Или к бабушке уехал.

– Да, он немножко болел, – торопливо сказала Зина, чувствуя, что краснеет от стыда, – он только сегодня вышел.

Ребята на качелях поссорились и подрались. Вожатая обернулась на крик, а Зина, торопливо пробормотав: «До свиданья», – бросилась к выходу. Фатьма догнала ее у ворот.

– Ну чего ты убиваешься? Придет твой Антон, никуда же не денется. Ну хочешь, еще где поищем?

– Я знаю, где он, – ответила Зина, – только я не пойду туда.

Да и некогда было Зине идти, пора готовить обед.

Хмурая, расстроенная, она чистила картошку, жарила мясо. Хотела было, как всегда, сварить манную кашу, но вспомнила, что не для кого. Изюмки уже нет дома. Как-то она там? Наверное, приехала. Может быть, уже обедает. Вот небось тарасит глаза – какие большие деревья кругом! Сколько цветов! Какие бабочки летают!

Ласковые мысли об Изюмке немножко развлекли Зину. Как хорошо, что девчушка может побегать по травке, позагорать на солнышке! А в воскресенье Зина поедет к ней. Вот-то будет радость, вот-то наслушаются они рассказов с отцом и Антоном!

Но вспомнила про Антона, и снова стало сумрачно на душе. Как же случилось, что они так разладили с братом?

Антон явился к концу дня, перед тем как прийти отцу с работы. Он вошел как-то чересчур независимо, искоса взглянув на Зину. И, словно не зная, куда себя девать, походил по комнате, взялся за книжку, отложил ее. Потом лег животом на подоконник и стал смотреть во двор.

Зина молча следила за ним. Она ждала его взгляда, ждала, что он обратится к ней, скажет что-нибудь. Но Антон делал вид, что ничего не замечает.

– Где ты был? – наконец спросила Зина. – Опять у Клетки на? Ведь я просила не ходить к нему!

– А я и не был у Клетки на! – торопливо, не глядя на нее, ответил Антон. – Почему это у Клетки на?

– А где же?

– Ну где? На пионерском дворе был.

– Антон, повернись, пожалуйста, ко мне. Что же ты – разговариваешь со мной, а глядишь куда-то в окно? Разве это хорошо?

– Ну а что ж такого? – возразил Антон.

Однако нехотя сполз с подоконника и повернулся к Зине.

– Антон, – Зина изо всех сил старалась сдержать гнев и говорить спокойно, – ты не был на пионерском дворе. Почему ты обманываешь меня?

– Нет, был! Был! – упрямо повторил Антон. – Я там был! Спроси у ребят, спроси!

– Я спросила. Тебя там не было.

– Нет, был! Нет, был!

В его голосе зазвенели слезы. В широких, открытых глазах Антона Зина увидела какое-то смятение – не то страх, не то вызов, не то отчаяние... Зине стало нестерпимо жалко его. Что с ним делать? Может, успокоить его, посадить рядом с собой на диван, поговорить с ним по душам? Ведь так делала мама, чуть подметит, что у Зины какая-то невзгода. Посадит, бывало, ее рядом с собой и скажет: «Давай поговорим, дочка!» И Зина ей все расскажет. А мама выслушает и всегда найдет, чем успокоить Зину, всегда подскажет, что надо сделать и как лучше поступить. Поговоришь так с мамой – и все невзгоды рассеются. Как хорошо было с мамой жить на свете! Весело, просто, легко! Зачем ты умерла, мамочка?!

Поговорить с Антоном... Но ведь Зина-то никогда не

обманывала маму, а этот смотрит Зине в глаза и говорит неправду. В семье у Стрешневых презирали ложь. Но что делать с Антоном, ведь он уже не в первый раз обманывает ее! Зина сколько раз объясняла ему, что лгут только трусы и подлые люди, и, если человек лжет, значит, он скрывает что-то нехорошее. Но Антон никогда не сознается, что говорит неправду. Может быть, не приласкать, а наказать следует его за это?

– Хозяйка, – закричала из кухни соседка Анна Кузьминична, – суп-то бежит, всю плиту залило!

Зина вскочила и побежала в кухню.

Вытирая плиту, она услышала, что хлопнула входная дверь. Кто-то пришел?.. Нет, все тихо. Неужели Антон... Зина поспешно направилась в комнату. Антона не было. Он скрылся, словно ждал, когда выйдет Зина из комнаты.

Зина огорченно заглянула в спальню, хотя знала, что Антона и там нет. Убежал! Лишь бы не разговаривать с Зиной. Теперь придет вместе с отцом, дождется его во дворе и придет. Он знает, что Зина не захочет расстраивать отца и при нем ничего не скажет Антону.

«Что хочет, то и делает! – почти со слезами подумала Зина. – Весело ему!»

Но Антону совсем не было весело. Его жизнь уже давно пошла вкривь и вкось. Если бы он был покрепче характером и если бы он знал, что дела так сложатся, он давно бы все рассказал Зине.

Антон очень любил Зину. Когда не стало матери, Антон почти не отходил от старшей сестры, словно боялся, что вдруг и она куда-нибудь исчезнет. Зина заняла мамино место. Она сажала их с Изюмкой обедать, она знала, какую рубашку надо надеть Антону, она помогала разобраться в задачке, если Антон становился в тупик, ей он рассказывал о всяких школьных делах, у нее он спрашивал обо всем, чего не мог понять сам... Он не любил приходить домой, если Зины не было дома. Даже тогда, когда у них жила бабушка, без Зины ему казалось скучно и сиротливо. Иногда он ходил ее встречать – Зина позже приходила из школы, чем Антон, – и шел вместе с ней, держась за руку. Они шли и болтали с Зиной, а с ними всегда шла Зинина подружка Фатьма. И часто кто-нибудь из старших ребят-школьников шел с ними – Андрюша Агатов, Ваня Синицын, Дима Козырев... Так весело было!

И как-то случилось, что Антону встретился на улице Яшка Клеткин.

– Хочешь моих голубей поглядеть?

Антон шел встречать Зину. Но он не посмел отказать Клеткину. Уж если Клеткин заговорил с таким малявкой, как Антон, – разве откажешь?

Голуби обольстили Антона. А Яшка, которого все маленькие ребяташки на улице боялись, ошеломил Антона своей добротой. Он дал ему погонять стаю, а потом сказал, что пускай Антон когда хочет, тогда к нему и приходит.

Однако отец, услышав, что Антон сегодня гонял голубей, раз и навсегда запретил ему ходить к Яшке. И задворки, заваленные грязными сугробами, где за старым сараем торчала Яшкина голубятня, стали для Антона желанной, но запретной зоной.

Однако все это прошло и забылось бы, если бы Яшка не являлся время от времени перед глазами Антона, если бы, словно невзначай, мимоходом, не вмешивался в его жизнь. Однажды в конце зимы он встретился им с Зиной, когда она шли из школы. Засунув руки в карманы, Яшка остановился и осклабился:

– Уа! Уа! Деточка – за ручку держится!

Зина не обратила на него внимания. Но Антон шага через три тихонько высвободил из ее руки свою руку.

– Ты что, Антон?

– Ничего. Шнурок развязался.

Он отстал на минутку, потерял крепко завязанный шнурок. Но когда догнал ее, то за руку больше не взялся. И уже никогда больше не брал Зину за руку: Яшкино «уа, уа» запрещало ему эту ласковую детскую повадку. А Зина ничего не заметила.

В яркий предвесенний день, когда весело позванивали сосульки под крышами, Антон шел из школы, беззаботно размахивая портфелем.

И тут снова перед ним появился Клеткин.

– Чегой-то веселый больно?

– Пятерку получил! – еле сдерживая счастливую улыбку, ответил Антон.

– Пфу, – пренебрежительно усмехнулся Яшка и сплюнул сквозь зубы, – тоже нашел радость! А я в школу больше не хожу. Очень-то надо.

– Как – не ходишь? – Антон оторопел, он не мог себе представить, чтобы это было возможно. – А отец тебе – ничего?

– А отцу что? – резко ответил Клеткин, глаза его стали узкими и злыми. – Он, что ли, за меня экзамены будет сдавать? Пускай сдает. Не может? Ну и я не могу. Не хочет? Ну и я не хочу. Все. Сеанс окончен.

Клеткин засунул руки в карманы и, небрежно насвистывая, пошел по улице.

Антон задумчиво смотрел ему вслед. Он был ошеломлен. Вот смелый человек, а? Не захотел экзамены сдавать – и не стал. Ушел из школы, да и все. И никого, даже отца не боится! А вот он, Антошка, наверное всегда будет малявкой, «уа-уа».

Вскоре Антон еще раз убедился в Яшкином геройстве.

Однажды дворник начал бранить Яшку за то, что он сломал молодое деревце. Если бы дворник так закричал на Антона, Антон летел бы домой не чуя земли и, наверное, полгода боялся бы встретиться с дворником. А Яшка не побегал. Он сунул руки в карманы, сплюнул в сторону дворника и небрежно сказал:

– Слыхали. Все. Сеанс окончен.

Дворник побежал было за ним с метлой. А Яшка лишь отскочил от него шагов на пять и пригрозил:

– Смени пленку. А то все эти твои елки-палки перелломаю!

Дворник махнул рукой:

– И откуда у нас, в советское время, такой дурной народ берется? И учат их, и дворцы им строят. А на что такой дубине дворцы?

И ушел.

Антон сияющими глазами смотрел на Яшку. Сам дворник, сам Данила Петрович сдался, не справился с Клеткиным! Весь этот вечер Антон учился плевать сквозь зубы, чтобы хоть немного быть похожим на Яшку Клетки на.

С тех пор, словно привороженный, Антон бродил по улице в надежде встретить Яшку, стоял у ворот двора, где жил этот отчаянный человек, заглядывал в калитку. Иногда, заведя стаю голубей, взлетающую над крышами в голубом утреннем сиянии, он бросал игру, отходил от ребят и меч-

тательно глядел, как поблескивает под солнцем голубиное крыло, как стремительно падают птицы вниз темными комочками и, вдруг взвиваясь, тонут в небесной синеве... В такие минуты Антон не слышал и не видел никого, он был там, с Яшкой, на глухом пустыре за сараем, который неотступно тянул его к себе тревожным очарованием запрета.

Яшкина жизнь обрывками доносилась до него. Антон видел, как иногда Яшка вскакивает в трамвай и уезжает куда-то в «центр». Ему было известно, что Яшка не пропускает ни одной кинокартины в их заводском клубе. «Тарзана» Яшка смотрел много раз и по-тарзаньи умел кричать даже лучше, чем сам Тарзан. Люди пугались по вечерам, когда из тьмы заднего двора неслись над улицей его дикие завывания, а маленькие ребята вздрагивали в постелях. Вздумал было в ответ ему завывать и Антон, но отец так рассердился, что осталось только немедленно умолкнуть и украдкой вздохнуть.

Яшка любил поговорить о кинокартинах, И всё-то он знал, и всё-то понимал. «Попрыгунья»? Мура! «У стен Малапаги»? Тоже мура. «Смелые люди» – это ничего, смотреть можно. «На заставе» – тоже ничего... И Антону было ясно, что нет такой картины на экране, о которой у Яшки не было бы своего мнения. Это был очень знающий человек!

– А вы что знаете, улитки? – сказал однажды Яшка Антону и еще двум-трем ребяташкам, которые разинув рот слушали его рассказы. – А вы что видели?

Антон хотел сказать, что они с Зиной ходили в Зоопарк,

потом в Кукольный театр, но тут же раздумал. Яшка скажет: «Детки! В Кукольный театр, за ручку, уа-уа!»

– Да, – сказал он, – хорошо, у тебя деньги есть. В кино небось без билетов не пускают.

– «Деньги есть»! – передразнил Яшка. – А кто мне их дает, деньги-то? Своим разумом добываю. Вот есть у тебя разум?

Антон поежился, он что-то не знал – есть ли у него разум? Кажется, есть. Но тогда почему же он не добывает денег?

– Ну, есть или нет?

– Есть, – нерешительно сказал Антон.

– А догадка есть?

– Нету, – сдался Антон.

– Вот то-то, что нету. А денег кругом сколько хочешь.

Клеткин раздул широкие ноздри, и короткий нос его с глубокой переносицей стал похож на маленький шалаш.

– Денег сколько хочешь, только бери.

Ребятишки жадными глазами глядели на Клетки на и не знали, верить ему или не верить.

– А где они? – простодушно спросил Антон.

– Где? У любого человека. Вот идет по улице человек, а у него обя-за-тельно в кармане деньги есть.

– Да! Полезешь, а он тебя за руку! – сказал кто-то из ребятишек.

– Конечно, за руку. И в милицию. А уж там тебе – всё. Сеанс окончен! И правильно. Не лезь в чужой карман.

– А тогда как же? – растерялся Антон.

– Эх, догадки у вас ни у кого нет. Попросить надо. «Дяденька, дайте две копейки! Шел за хлебом, потерял, теперь не хватает, от мамки попадет!» Вот и все. Кто же две копейки пожалеет? Пожалуйста! Ты сейчас: «Спасибо, гражданин!» А как отошел – опять: «Тетенька, две копейки... Не хватает!» – и еще тебе. Часу не пройдет, а денег у тебя уже на два сеанса. Понятно?

В этот вечер Зина заметила, что Антон, сидя за книжкой, часто задумывается о чем-то. Сидит, будто читает, а у самого глаза уперлись в скатерть и мысли где-то очень далеко.

– Ты спишь? – окликнула его тогда Зина и засмеялась: – Папа, смотри, наш Антон, наверное, стихи сочиняет, вон как задумался!

Но Антон в это время решал вопрос: попросить – так же плохо, как в карман залезть, или это ничего? Если спросить об этом у отца или Зины, то они оба удивятся и рассердятся, почему такие мысли бродят у него в голове, и, пожалуй, тотчас догадаются, что он виделся с Яшкой.

Конечно, Антон никогда и не подумает залезть кому-нибудь в карман. Чтобы Антон стал жуликом? Да от одного этого слова мурашки бегут по спине. Антон никогда не взял бы чужих денег. Вот пришел бы он, например, в школу, а там на полу валяются деньги. Так разве он взял бы их? Просто поднял бы и отдал учительнице. Но попросить... А что плохого, если попросить? Ведь человек, если не захочет, то и не даст. А если даст – значит, ему не жалко...

Вечерами Антона увлекали мечты. Зина делала уроки, готовилась к экзаменам. Отец что-то чертил, напряженно сдвинув брови, – он ведь тоже учился, хотел получить настоящее образование. Изюмка тихо играла на диване, строила домики из спичечных коробок. А потерявший спокойствие Антон, забыв про книгу, звенел пригоршнями мифических¹ монет в карманах. Жизнь заманчиво и радостно раскрывалась перед ним, кинокартины одна за другой вспыхивали на экране. И разве только кино? А мороженое? Сливочное, клубничное, с вафлями... А конфеты? Только подойти к ларьку – и любая конфета твоя!

Если бы Зина повнимательней поглядела на него в тот вечер, она бы заметила, что Антон не дремлет над книгой и не сочиняет стихов. Она бы поняла, что в душе ее младшего брата происходит что-то неладное, а если бы поняла, то сумела бы выспросить обо всем и вовремя предостерегла бы его. Но Зине тогда и в голову не приходило, что Антон может что-нибудь скрыть от нее, и она опять ничего не заметила.

¹ Мифический – существующий только в воображении.

ВИШНЕВОЕ ВАРЕНЬЕ

Успех пришел не сразу. Антон начал с того, что робко остановил женщину с желтой хозяйственной сумкой, спешившую в магазин.

– Две копейки? – сурово переспросила она, остановившись на ступеньке магазина. – Это на что же тебе?

– На кино, – растерявшись, ответил Антон.

– Ишь ты, какой быстрый! – Черные глаза этой женщины так и жгли Антона. – А два шлепка не хочешь? Давай-ка веди меня к своей матери, я у нее спрошу, почему она тебе разрешает побираться? Ну-ка, веди, веди!

– У меня нету мамы! – испуганно крикнул Антон. И, видя, что женщина хочет взять его за рукав, бросился бежать.

После этого они с Яшкой Клеткиным сидели на старых досках за сараем, среди грязных предвесенних сугробов, и Яшка поучал его:

– А ты никогда к таким не подходи. Если с авоськой – то подальше. Эти и на рынке из-за каждой копейки торгуются. Вот как моя мать – полдня простоит, если что на копейку дешевле. А ты хочешь, чтобы она тебе две копейки дала! Эх, нет у тебя смекалки, чего нет, того нет!

Яшка почесал свою косматую, заросшую голову, сдвинув ушанку на ухо. Антон заметил, что руки у Яшки черные и что вообще неизвестно, когда он был в бане.

– А тебе не влетает от матери... что не умываешься? – осторожно спросил Антон.

– А ей-то какое дело? – удивился Яшка и растопырил короткие пальцы. – Грязные, да? Ну и что же? Мои руки! Не ее.

Антон легонько вздохнул: попробовал бы он так ответить Зине. Другой раз до смерти не хочется мыться, прямо тоска берет. Но Зина все равно заставит, а то еще и сама начнет щеткой тереть.

– А это потому, что ты волю над собой даешь, – объяснил ему Яшка. – Вот они и делают с тобой, что хотят. Со мной небось никто ничего не сделает!

Смелый человек этот Яшка Клеткин, отважный. Не то, что Антон, который каждого Зининога слова слушается.

– А ты подходи всегда к дядькам, – учил дальше Яшка Клеткин, – если с работы идут, с завода – к ним не подходи. Эти строгие. А ты к тем, которые с портфелями. Они спешат всегда, а в карманах у них постоянно мелочь. Даст и не посчитает, лишь бы ты отстал от него. А ты тут же и отстанешь, целоваться не обязательно. Вот и все – сеанс окончен.

Яшка вытащил из кармана пачку папирос, с треском раскрыл ее, взял папиросу, закурил. Он сидел нога на ногу, плевался длинными плевками и пускал дым из широких ноздрей. Антон чувствовал себя ничтожеством.

– Хочешь? – Яшка протянул Антону папиросу.

Антон затянулся и тут же закашлялся до слез.

– Мал еще, – небрежно сказал Яшка. – Уа, уа!

Это «уа-уа» было нестерпимо. Подожди, Антон докажет, что никакой он не «уа».

Дня через два он пришел к Яшке, звеня монетами в кармане. Это уже не был звон, созданный мечтами. Это звенели настоящие монеты. Забравшись за сарай, Антон и Клеткин пересчитали их. Клеткин забрал себе половину за науку. Антону было не жалко, пусть берет. Тут осталось и ему на дневной сеанс.

В этот день Антон украдкой сбежал из школы и посмотрел «Подвиг разведчика». Вот это была картина!

Антон не сводил глаз с экрана, сердце у него замирало. Иногда Яшка напоминал ему, чтобы закрыл рот, но Антон только отмахивался.

За обедом он проговорился:

– Знаешь, Зин, а как шпион-то за ним ходил... Я чуть не умер!

– Какой шпион? – удивилась Зина.

– А ты разве не смотрела «Подвиг разведчика»?

– Я смотрела. Только тебя с нами тогда не было. Ты что, сегодня в кино ходил?

– Да.

– А кто тебе билет купил?

– Ну, мы всем классом ходили... Мы же... Анна Павловна покупала.

– Только на скатерть не плескай, – сказала Зина. – Что ты так ложкой болтаешь? Смотри, суп-то через край летит!

Зина забеспокоилась, что Антон прольет суп, и не увидела, как он смутился, как мучительно покраснел.

Скверно было в этот час на душе у Антона. Обманул Зину, свою любимую старшую сестру!

После обеда он помогал ей мыть посуду. Сам вызвался сходить за хлебом. Играл с Изюмкой, пока Зина готовила уроки. И все заговаривал с ней, ласкался... А Зина думала, что, может быть, Антон сегодня почему-нибудь вспомнил маму, затосковал, и старалась сама быть с ним поласковой.

«Никогда я больше не пойду к этому Яшке Клеткину, – покаянно думал Антон, лежа в постели, – не пойду, и все! «Это он так думал сегодня. А назавтра снова стоял у Клетки на во дворе.

– Ты уже настролял что-нибудь? – спросил Клеткин.

– Нет еще, – ответил Антон, – и потом... я больше не буду.

Вдруг наши узнают...

Клеткин презрительно сплюнул:

– Уа-уа. Сеанс окончен. А я хотел тебе одно дело сказать.

Ну раз так – катись колбаской по Малой Спасской.

– А что? Какое дело? – заинтересовался Антон.

– Дело простое, как стеклышко. Ты варенье любишь?

– Какое?

– Ну вишневое, например.

Антон улыбнулся, не понимая, к чему речь.

– Конечно, люблю.

– А поел бы сейчас вареньица?

– Конечно, поел бы. А где оно у тебя?

– Оно у меня пока что стоит вон в той квартире, за окном.

Видишь?

Клеткин показывал на чье-то окно в первом этаже старого деревянного флигеля. Там за стеклом на подоконнике стояла литровая банка варенья, перевязанная голубой тесемкой. Антон широкими, недоумевающими глазами посмотрел на Яшку.

– У тебя?.. Да разве это у тебя? Это же у чужих!

– Пока что у чужих. А вот, если ты войдешь в квартиру и скажешь: «Можно мне ну... Анну Ивановну?» А тебе скажут: «Таких тут нету». Ты опять: «А мне сказали, что она сюда переехала». Ну и еще что-нибудь. Там старая такая тетка живет, заговори ей зубы, а потом скажи: «Ну, значит, я ошибся»... Вот и все. И уходи. Целоваться не обязательно. Понял?

Антон кивнул головой.

– Понял.

– Сумеешь?

– Сумею. А для чего?

– Эх, нет у тебя смекалки. Никакой! Это игра такая. Ну ступай. А потом приходи за сарай.

Антон все так и сделал, как велел ему Клеткин. Поговорил с доброй старой женщиной, которая открыла ему дверь. А потом отправился за сарай, радуясь, что так хорошо сумел разыграть ее. Яшка сидел на старых досках и открывал банку

с темным вишневым вареньем. Голубая тесемка валялась на почерневшем, подтаявшем сугробе.

– Ой! – удивился Антон. – Откуда? Как?

– А так, – спокойно ответил Клеткин, – садись и ешь. Разговаривать после будешь.

Они ели варенье прямо из банки через край. Темные, налитые сладостью вишни таяли на языке. Антону сначала казалось, что, если бы у них было хоть пять таких банок, он все варенье смог бы съесть один. Он старался повыше запрокинуть банку, чтобы как можно больше попало в рот этой тягучей, густой вишневой сладости. Варенье текло по подбородку, попадало за воротник, длинные медленные капли падали на рубашку, на распахнутое пальто. В банке оставалось чуть поменьше половины, когда Яшка вдруг оттолкнул варенье:

– Ешь сам. Не хочу больше.

Но и Антон, к своему удивлению, больше не хотел, чересчур сладко, приторно до отвращения. Ни одной этой набухшей сладостью ягоды он больше не мог взять в рот.

*Иногда сидят на старом Боровом и смотрят в банку с темными
каштановыми вареньями.*

– Ешь, чего ты, – сказал Яшка. – Сам же хотел варенья!

– Отнеси лучше домой, – попросил Антон.

То, что полчаса назад казалось ему необыкновенной, похожей на чудо удачей, сейчас было невыносимо тягостным и противным.

– Ешь, ешь, – настаивал Клеткин. – Куда это мне домой нести? Думаешь, мать за ворованное похвалит?

«Ворованное»!

Антон вдруг прозрел. Пока он разговаривал со старой

женщиной, Яшка вытащил банку в форточку. У Антона что-то задрожало внутри. Он встал и начал мыть жестким, остеклившимся снегом липкие руки, оттирать пальто. Брошенная тесемка от банки пронзительно голубела на сугробе.

– Ты что это? – насторожился Клеткин и по-недоброму прищурил и без того узкие глаза. – Может, пойдешь расскажешь? Предателем хочешь быть?

«Предателем»? Антон всегда знал, что предатели – это самый подлый народ на земле, что предателей все презирают, что лучше умереть, чем стать предателем.

– Никакой я не предатель, – сказал Антон расстроено, – только я не хочу... ворованное.

– А, когда наелся, теперь «не хочу»? Ну и не надо. Но смотри, – добавил Яшка с угрозой: – если кому доведешь – то ведь и я доведу. Воровали вместе и ели вместе. Мне-то мой отец ничего не скажет, а вот твой-то отец с тобой поговорит!

У Антона по спине пробежал озноб.

– А я и не скажу... Чего ты еще! Буду я говорить, что ли? Я и не собираюсь даже...

– Пока ты не соберешься, до тех пор и я не соберусь, – сказал Яшка, снова принимаясь за варенье, – а если ты соберешься – пощады не жди. Все. Сеанс окончен, целоваться не обязательно.

Антон ушел от него с внутренней дрожью. Несчастный, презирающий себя, он пришел домой и сразу стал укладываться спать.

– Ты что это? – удивилась Зина. – Еще и восьми нет!

Антон молча снимал рубашку. Зина, приглядевшись к нему, испугалась.

– Да ты болен, Антон! Сейчас я тебе чаю с малиновым вареньем дам.

– Не хочу я варенья, не хочу! – вдруг зарыдал Антон и зарылся головой в подушку.

– Ну так и есть, заболел! – Зина принялась укрывать Антона сверх одеяла теплой шалью. – Ой, скорей бы папа приходил! Надо доктора...

– Да не заболел я, не заболел! – с рыданиями повторял Антон. – Не надо мне доктора, не заболел я!

У отца сразу осунулось лицо, когда он увидел Антона в постели. Смерили температуру, оказался легкий жар. Отец заставил Антона проглотить таблетку и все подходил к нему, все прикладывал руку к его вспотевшему лбу, заглядывая ему в глаза темными встревоженными глазами:

– Ты что ж это, брат? Смотри у меня. Никто тебе разрешения не давал болеть-то!

У Антона от этих ласк и забот еще безысходней томилась душа. Он снова и снова начинал плакать: из-за того, что отец и Зина его так любят, а он их обманывает; из-за того, что он теперь вор и если отец узнает, то выгонит его из дома. А если и не узнает, то все равно Антону – вору и обманщику – невозможно будет жить на свете.

Изюмка, увидев, что Антон плачет, тоже заревела. И у Зи-

ны, глядя на них, навернулись слезы на глаза.

– Ну полно, что вы, я ведь тут, с вами... – Отец начал и не договорил, сел рядом с Антоном у его постели. Он чувствовал, что если скажет еще что-нибудь, то и у самого сорвется голос и тогда он совсем расстроит своих детей, которые так рано остались у него без матери.

Антон взглянул на него, на его усталое, встревоженное, с подчеркнутыми скулами лицо... Может, взять сейчас, да и рассказать обо всем отцу? Вот тогда и болезнь сразу пройдет и все станет ясно, как жить дальше. Вот сейчас возьмет да и расскажет. Антон приподнялся было... Но решимость тут же оставила его. Он глубоко вздохнул и закрыл глаза. Нет, он не может сказать отцу такие страшные слова, что его Антон – вор и обманщик. Ему было тошно, вишневое варенье душило его тягучим отвращением. А из глаз все не уходила, куда бы он ни глядел, тесемка от банки, пронзительно голубеющая на темном дырчатом снегу.

Антон глубоко вздохнул и закрыл глаза. Нет, он ничего не скажет отцу. Но уж теперь-то он больше никогда не пойдет к Клеткину. Никогда!

НАРУШЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

Зина почти не знала Клетки на. В школе он у них был всего один год, да и то перед экзаменами скрылся. Зина слышала, что пионеры из четвертого класса ходили к нему домой, но он от них спрятался. Ребята пошли еще раз – их встретил пьяный Яшкин отец и выгнал из квартиры. И что же Антону нравится там, что интересного он там находит?

Клеткин был просто противен Зине. И потому, что он ходил вечно немывтым, с оторванными пуговицами. И потому, что он нахально смеялся над пионерами и над всеми их делами, считая все их заботы детскими забавами, «уа-уа». И больше всего потому, что он уводил у нее Антона, что он делал их кроткого, простодушного Антона похожим на себя, со своими плевками, со своим презрением ко всем хорошим ребячьим делам.

Теперь, когда Изюмка уехала и занятия в школе окончились, Зина решила как следует заботиться о младшем брате.

– Больше не отпущу от себя Антошку!

И утром, прибрав комнату, она весело сказала:

– Антон, знаешь что – не поехать ли нам с тобой на Выставку?

Антон едва поверил своим ушам:

– На Выставку? И меня возьмешь?

– Конечно.

Он глядел на Зину прежними открытыми, широкими глазами, в которых так и лучилась огромная ребячья радость.

– А кто еще поедет?

– Я и ты.

Антон со счастливым визгом запрыгал на одной ножке. Зина почувствовала угрызения совести – как же мало занимается она Антошкой, как мало думает о его радостях! Правда, некогда ей – то уроки, то хозяйство, то пионерские поручения... Но нет, нет, это не оправдание. У них нет матери, а она – старшая сестра!

Зина с нежностью посмотрела на Антона. Дурачок! В третий класс перешел, скоро в пионеры будут принимать, а он еще вон какой дурачок! Зина засмеялась, поймала Антона и шутя отшлепала его.

– Расти, Фома, прибавляй ума!

– Прибавлю, прибавлю! – смеясь, закричал Антон. И, заглядывая сестре в глаза, спросил: – Зина, а можно нам и Петушка взять?

– Петушка? Ну что ж. Если мама пустит, возьмем и его.

Антон побежал звать Петушка. Зина оделась, натянула на голову свой старенький, съезжившийся голубой берет и подошла к зеркалу. Зеркало, висевшее в простенке, было словно кусочек зеленоватой неподвижной воды, ни одного луча солнца не проникало к нему. И словно из воды проглянул оттуда милый облик белокурой девочки с серьезными светлосерыми глазами, с нежно очерченными темными ресница-

ми. Эти неожиданно черные ресницы на безбровом светлоглазом лице придавали ему какую-то особую трогательную прелесть. Но Зина не видела этой прелести, она не нравилась себе – «вся белесая, как опенок какой». Если бы ей хоть чуточку быть похожей на Тамару Белокуруву! Для Тамары природа красок не пожалела: яркие каштановые кудри, яркие синие глаза, черные бровки дугой, словно выведенные кисточкой. Родятся же на свет такие красивые люди!

Зина со вздохом отошла от зеркала. Ну где они там, эти малявки?

Сильно хлопнула в прихожей дверь. Антон и Петушок бурно ворвались в комнату.

– Пустили! – кричали они в два голоса. – Мама пустила! Только не велела убежать от Зины!

Вслед за ними неслышно вошла Фатьма.

– Это что здесь такое? Новгородское вече, что ли, крик такой?

Узнав, что собрались на Выставку, Фатьма разочарованно подняла брови:

– Ну вот. А я ведь за тобой, Зина!

Зина сунула в карман ключи от квартиры и, проверяя, не забыла ли взять с собой деньги, рассеянно спросила:

– А что? Куда?

– К Тамарке. К двум часам. Какой-то пир затеяла, вот и зовет теперь нас всех. Антонина Андроновна говорит: «Пусть к тебе все твои подружки соберутся, надо же попрощаться

на лето».

Антон и Петушок сразу притихли. Они со страхом глядели на Зину, ожидая, что сейчас все может рушиться, и в то же время не веря этому. Не может быть, чтобы Зина допустила такую несправедливость, ведь она же им обещала!

Зина медленно, словно еще не сознавая, что делает, стащила с головы свой голубой берет.

– А кого еще она позвала?

– Симу Агатову позвала, Андрюшку. Кажется, Васю Горшкова.

– Горшкова-то надо бы. Он ей всю зиму по математике помогал.

– Еще Гришку Брянцева.

– Ну уж Брянцева обязательно: она его из-за одного галстука позовет! Он же теперь при галстуке ходит!

Зину уже начинал увлекать разговор, в ее глазах заиграли огоньки.

– Потом какая-то еще ее подруга придет, маминой знакомой дочка, – скороговоркой продолжала Фатма, – потом какой-то знакомый этой подруги... Ну, в общем, весело будет!

Антон легонько потянул Зину за рукав. Зина оглянулась на него вся уже отсутствующая, вся уже устремленная туда, в это необычайное событие – пир у подруги!

Круглое лицо Антона было красноречивым – на лбу собрались горькие складочки, губы сложились сковородником, а в широких голубых глазах бегали слезинки.

– А как же мне с ребятами?.. – нерешительно сказала Зина.

Но Фатьма не отступала:

– Ну, а что ребята? Сегодня поиграют на пионерском дворе. А завтра съездите на Выставку. Вот и все. Правда, ребяташки?

– Нет. Не правда, – глухим голосом ответил Антон.

Зина села на диван и притянула к себе Антона.

– Антон, – сказала она, глядя ему в глаза, – видишь, какое дело-то? Выставка и завтра будет на том же месте, а этого бала завтра уже не будет. И подумай-ка, все мои подруги соберутся, все мои товарищи, а меня не будет с ними. Разве это хорошо?

Петушок, насупившись, молча направился к двери. Антон вздохнул и понурил голову. Он ничего не мог противопоставить красноречию Фатьмы и Зины, кроме своей горести.

– Ведь ты же не эгоист, Антон, правда? – продолжала Зина, хотя сердце ее сжималось.

Она знала, как трудно отказаться от радости, в которую человек до конца поверил. Она никогда не нарушала своих обещаний. Но сегодня... А может, все-таки поехать на Выставку?

– Артемий тоже придет, – как бы между прочим сказала Фатьма, разглядывая какую-то книжку на Зинином столике. – Тамара его звала...

При этих словах чашки весов вздрогнули и перемести-

лись. Чашка, на которой лежали радости Антона, взлетела кверху.

– Ну скажи, Антон, ведь ты же не эгоист? – продолжала Зина. – Ты же можешь потерпеть до завтра, а?

Антон, ни слова не говоря, начал снимать новую курточку, которую Зина только что надела на него. Зина изо всех сил крепила сердце, чтобы не махнуть рукой на весь этот бал.

Атмосферу трагедии разбил легкий смех Фатьмы:

– Ну почему столько расстройств, чего вы оба нахохлились? Чудак ты какой, Антон! Привык ходить за Зиной, как хвостик все равно. А уже большой!

– Нет, что ты, – стараясь задобрить Антона, возразила Зина, – он у нас знаешь какой самостоятельный. За хлебом один ходит. И еще куда-то по своим делам ходит, даже я не знаю! Ну не тужи, Антон, завтра мы обязательно поедем с тобой на Выставку. Ладно?

– Ладно, – коротко, со вздохом согласился Антон.

– А сейчас ты пойдешь в пионерский двор. Ладно? Возьми конфетку, ступай.

Проводив Антона, Зина вернулась в комнату с расстроенным лицом.

– Ну что ты, Зина, – ласково упрекнула ее Фатьма. – Ну какая беда случилась? Нельзя же все только для ребят, для себя тоже что-нибудь нужно... Ты в каком платье пойдешь?

Это был самый верный ход, чтобы переключить направление мыслей.

Зина достала из шкафа белое в голубой горошек платье и голубую ленту в косу.

– Как думаешь – ничего? У меня ведь нет другого.

– Что ты! – восхитилась Фатьма. – Очень хорошее! Оно тебе так идет, прямо Белоснежка!

– Уж скажешь!

– А я в этом... – Фатьма расправила подол своего полосатенького платья. – Я подпушку выпустила. Не заметно?

– Ничуть не заметно!

Радость предстоящего праздника захватила Зину. Где-то в душе было беспокойно – обидела она Антона! Но тысячи оправданий заглушали это неприятное чувство. Ведь надо же и ей когда-нибудь попраздновать, ведь это ее пятнадцатая весна! Слишком тесно набиты ее дни всякими заботами и делами, а повеселиться и порадоваться так хочется!

Зине казалось, что ноги ее совсем не касаются тротуара. Они шли с Фатьмой, взявшись за руки, будто маленькие, и смеялись из-за каждого пустяка. У Фатьмы расстегнулась резинка от чулка – расхохотались до слез. Зина, заглядевшись, попала в канавку с водой – чуть не умерли со смеху. Весеннее солнце щедро светило им, воробьи кричали им: «Здравствуйте!», окна домов приветливо глядели на них, старые деревья кивали им свежими ветками, полными трепетных солнечных огней.

«Это наши девочки, – словно говорила старая улица, – я помню их еще первоклашками. Они вместе бегали в шко-

лу. Я помню, как дружно топали по асфальту их маленькие ноги. Правда, случилось однажды, что эти девочки перестали верить друг другу, перестали ходить вместе. Но это была ошибка, ошибка! А теперь они уже выросли, на груди у них комсомольские значки. Наши девочки никогда не снимают этих значков, наши девочки гордятся ими! Вот как весело идут подружки, как горят их щеки, как сверкают глаза – ну что ж! Пускай повеселятся, они такие молоденькие!»

ПИР У ТАМАРЫ БЕЛОКУРОВОЙ

Тамара Белокурова ждала гостей.

Ее мать Антонина Андроновна, нарядная, как павлин, ходила из комнаты в комнату, оглядывая свои владения – все ли стоит на местах, стерта ли пыль с полированных столов и шкафов, красиво ли разложены пестрые подушки на диванах.

Новая домработница Анна Борисовна, пожилая, толстая и ворчливая, была не так расторопна, как Ирина. А Ирина ушла. Поступила, видите ли, в техникум. Переехала в общежитие. Ну что ж, пусть узнает, как жить на стипендию. Здесь ела что хотела, первый кусок ее – а как же у них, у домработниц? Как ни гляди – не углядишь! А там живо поясок свободен станет. Вспомнит еще свою хозяйку Антонину Андроновну!

С чувством тревоги она заглянула к Тамаре. Ну так и есть: постель еще не убрана, всюду валяются чулки – на стульях, на диване, даже на письменном столе. Да разве Ирина допустила бы это?

– Анна Борисовна! – с рокотом отдаленного грома в голо-се позвала Антонина Андроновна. – Пожалуйста-ка сюда!

Анна Борисовна степенно вошла, вытирая фартуком мокрые, покрасневшие от горячей воды руки. Лицо ее, круглое, поблекшее, хранило выражение собственного достоинства, а

светлые, выцветшие глаза смотрели спокойно и сурово.

– Анна Борисовна, это что же за безобразие такое, а? – Антонина Андроновна дала волю своему гневу и мощному голосу. – Скоро придут гости, а здесь... Это что же?!

– Непорядок, – согласилась Анна Борисовна. – Только, думаю, девушка сама должна за собой постель убирать. Мои дочери, бывало, с шести лет за собой убирали.

– Ваши дочери! – Антонина Андроновна пожала своими широкими толстыми плечами. – Но если ваши дочери такое отличное воспитание получили, то как же они позволяют вам по чужим кухням ходить? Хорошие дочери до этого не допустили бы!

По лицу Анны Борисовны прошла мрачная тень, две горькие морщины появились у рта.

– Да, плохие у меня дочери, – слегка понуриив голову, негромко сказала Анна Борисовна: – Одна в партизанском отряде погибла... Другая вместе со своей санчастью под Сталинградом могилу нашла...

Антонина Андроновна смутилась.

– А что я по чужим кухням хожу, – продолжала Анна Борисовна, принимаясь застилать Тамирину постель, – так надо же работать где-нибудь. Не сказать, что нуждаюсь, я за своих дочек пенсию получаю. Да ведь не без дела же сидеть. Не урод ведь я, не калека еще. Совестно по земле-то без дела ходить. Работа – какая бы ни была – все работа. А человек без работы – это как сорняк в поле. Кому он нужен, только

зря хлеб ест.

Анна Борисовна ловко заправила постель и заспешила в кухню – у нее там что-то жарилось.

– Скажите, – проворчала Антонина Андроновна, – «сорняк в поле»! Это что же, не про меня ли? А разве я ничего не делаю? За хозяйством смотрю, дочь воспитываю. Целая квартира на моих руках. Да еще работница. И все одна управляюсь, без мужа...

Воспоминание в муже совсем погасило праздничное настроение Антонины Андроновны. Она машинально взяла со стола тоненький скомканный Тамарин чулок и опустилась на стул. Вот уже третий год, как инженер Белокуров по призыву партии уехал в МТС. И с тех пор – ни встречи, ни звука его голоса, ничего... Только денежные переводы и на переводах коротенькие сообщения о том, что он здоров, что все благополучно, и просьба к Тамаре, чтобы писала почаще. И ни разу он не позвал к себе Антонину Андроновну, и ни разу ни полслова о том, что скоро вернется. Ведь два года отработано, срок закончился. Но этот странный человек словно и забыл, что у него есть родной дом, что у него есть семья... В чем дело?

Впрочем, пусть поступает как знает. Антонина Андроновна ему не скажет ни слова, у нее тоже есть гордость. Рано или поздно приедет. Вот тогда-то она и отыграется! «Ты обо мне совсем не заботишься!» – «А ты обо мне заботился, когда оставил одну?» – «Куда же вы собрались с Тамарой, мне же

одинокو одному!» – «А мне не было одиноко одной, когда ты жил там, в своем совхозе?» Уж она найдет, как расплатиться с ним и за тайную обиду его пренебрежительного молчания, и за то, что не звал ее к себе, не тосковал о ней, и за то, что не находил времени побывать дома – то у него посевная, то у него уборка, то у него хлебосдача... Все для него важно, все нужно, все интересно, кроме жены. А жена для него словно собака – сторожит квартиру, и ладно.

Слезы обиды и оскорбленной женской гордости закипели в груди Антонины Андроновны, подступили к горлу. Что делать, что ей делать, в конце концов? И сколько же это можно еще терпеть?

Постукивая каблучками лакированных туфель, в комнату вошла Тамара. Антонина Андроновна тотчас овладела собой.

– Убери комнату. Что это все разбросано у тебя?

– Но я уже оделась! – Тамара развела руками. – Почему ты мне раньше не сказала?

Тамара была похожа не то на бабочку, не то на розовый цветок. Яркие каштановые волосы, коротко подстриженные и завитые, кудрявой шапочкой лежали на голове. Шелковые розовые оборки топорщились над голыми руками, топорщились и на широком подоле.

– Ведь я же вся сомнусь!

– А ты не знала, что за собой убирать нужно? Вон у Анны Борисовны дочери с шести лет убирали.

Тамара улыбнулась:

– Но ведь у Анны Борисовны работницы не было. И вообще, мама, – продолжала Тамара, убирая чулки в ящик письменного стола, – мне кажется, что нам с работницами не везет. Ирина такая дерзкая была, она меня так мучила!

– Мучила? – Антонина Андроновна встрепенулась, как наседка, заведывая коршуна. – Как это мучила? А почему ты мне не говорила?

Ирина, молодая задорная девушка, бывало, дразнила Тамару за двойки – но об этом не стоит говорить. Ирина презрительно обходилась с ней, когда заставляла Тамару подслушивающей у дверей – об этом тоже не стоит. Ирина стыдила ее за неряшливость – пожалуй, и это тоже...

– Да что вспоминать! – Тамара тряхнула кудрями, словно отгоняя ненужные мысли. – Я тогда маленькая была, сейчас-то она не посмела бы. Но вот эта... Мне кажется... Мне кажется, что она тебя, мама, просто не уважает!

Антонина Андроновна нахмурилась. Она и сама чувствовала, что Анна Борисовна только служит ей, но совсем не уважает ее.

– Все понятно, – сказала она, невольно вздохнув. – Был бы отец дома, так все бы меня уважали. А вот как осталась женщина одна, так всякий норовит обидеть.

Антонина Андроновна горестно подперлась рукой. Этот исконный бабий жест, пришедший из старой крестьянской семьи, знавшей и нужду, и недород, и тяжкую заботу о зав-

трашнем дне, жест, унаследованный от матери, бабок и прабабок, покоробил нарядную барышню Тамару.

– Мама, ты сейчас запоешь «Раз полосыньку я жала»...
Антонина Андроновна встала и гордо выпрямилась, словно напрочь отрекаясь от своих извечно работавших на земле предков.

– Я не знаю, что думает твой отец, – сказала она с раздражением, – когда кончится это его самомучительство! Если бы хоть понять, для чего он это делает, кому хочет угодить или угрозить? Ведь не объясняет же ничего!

Тамара повернула к себе карточку отца, стоявшую на ее столе. Худое лицо, запавшие черные глаза, иронический склад губ... Таким он уезжал от них, чужой, замкнувшийся, отгородившийся от них с матерью своими, только ему известными делами и заботами. Возникло видение – весна, дымящийся сырой асфальт перрона, пронзительные до боли гудки электричек. На площадке поезда дальнего следования стоит отец. Поезд уже трогается, а отец все повторяет Тамаре:

«Так приедешь? Договорились?»

И Тамара сквозь слезы улыбается ему и тоже повторяет:

«Приеду, обязательно приеду!»

Но вот два года прошло, а Тамара так и не собралась к отцу. Мать, уязвленная тем, что отец зовет только Тамару, будто ее, его жены, и нет здесь, ни разу не напомнила Тамаре о ее обещании.

Что делать, так сложилась жизнь. То она ездила с мамой выбирать дачу, а потом они переезжали туда. И на другое лето так же. На даче собрался веселый круг знакомых, танцы, игры, прогулки, лодка на Москве-реке... И так все дальше и дальше отходила в прошлое эта площадка вагона, и облик отца, и его зовущий голос. А теперь – куда же ехать? Он и сам скоро вернется домой.

На даче Тамара подружилась с дочкой Лидии Константиновны Олечкой. Маме очень нравилось это знакомство. У этой семьи была своя дача, своя машина. Что ни говори, а очень удобно иметь таких друзей. Лидия Константиновна помогла снять дачу Антонине Андроновне, она охотно подвозила ее и Тамару из города на своей машине. Антонина Андроновна садилась в машину с затаенным негодованием на отсутствующего мужа. Разве, если бы он был нормальным человеком, у нее тоже не было бы своей машины?

Тамара втайне завидовала Олечке, но это не омрачало ее настроения. Ей нравилось быть нарядной среди нарядных, ей нравилось ничего не делать среди ничего не делающих, ей нравилось мчаться в машине (пускай в чужой) мимо колхозных полей, где над чем-то трудились обожженные солнцем люди. Ей нравилось мечтать, лежа в гамаке, среди яблоневой прохлады. Радость трепетала в каждой ее жилке, когда на соседней даче собирались гости и Олечка, никогда не изменявшая неподвижного русалочьего выражения лица, приходила звать ее.

Там, среди Олечкиных друзей, Тамара увидела и отличила одного. Высокий, стройный, с черным изломом бровей, с насмешливо-добрым взглядом. Таким, только таким, как Ян Рогозин, был Гамлет, принц Датский. Вот увидят его сегодня девчонки и все до одной умрут от зависти!

Тамара отодвинула портрет отца, ее глаза уже не видели его. Она вскочила, встряхнула свои оборки.

– Мама, а как ты думаешь, можно мне твои серьги надеть?

– Потеряешь. Они же дорогие!

– Ну, мамочка, что ты! Я примерю, ладно?

Тамара сбегала к матери в комнату и явилась оттуда в материных бирюзовых серьгах.

– Что, скажи, некрасиво, да? Ну скажи, может, снять?

– Оставь, пусть будут. – Антонина Андроновна откровенно любовалась дочерью. – Ты ведь все равно на своем поставишь!

Сбор гостей был назначен на два часа. А в половине третьего квартира уже гудела от говора, от смеха, от звонких восклицаний.

Улыбаясь доброй улыбкой, вошла тихая белокурая Зина Стрешнева. Вместе с ней, смущаясь и краснея, явилась чернобровая Фатьма, неизменная Зинина подружка.

Пришел Вася Горшков, их одноклассник, первый ученик по математике. Он столько раз помогал делать Тамаре задачки, что ей совестно было не позвать его. Долговязый, в потертых, с пузырями на коленках штанах, с вихром на голове,

которого он так и не смог ни примочить, ни пригладить, Вася вошел и сразу застеснялся. Он не ожидал, что попадет в такую богатую квартиру, он не смел наступить на ковер, разостланный в прихожей. Вася попятился было к двери. Однако товарищ его, Гришка Брянцев, который везде чувствовал себя как дома, схватил Васю за рукав.

– Хозяйка! – закричал он. – Гость удирает!

Тамара, как птичка, подлетела к ним:

– Ничего подобного, никто не удерет! Проходите в комнаты, ребята!

Раздался новый звонок, вошла Сима Агатова, а с ней – неуклюжий увалень Андрей Бурмистров. Тамара сделала перед ними шуточный реверанс, придерживая кончиками пальцев свои розовые оборки. Тамара и Сима тайно и давно не любили друг друга. Но Сима староста, нельзя не позвать...

– Что это ты прямо как на сцене, – улыбнулась Сима, стараясь изо всех сил быть доброжелательной. – Реверансы, серьги. Это что, для игры?

– Почему для игры? – так же изо всей силы стремясь казаться веселой и простодушной, засмеялась Тамара. – Моя бабушка в пятнадцать лет замуж вышла. А мне уж и серьги нельзя надеть?

И все бы сошло хорошо, если бы Тамара удержалась и не добавила:

– Я же ведь не в школе и не на комсомольском собрании!

– Ах, вот как! – тотчас подхватила Сима, все так же улыбаясь, но уже с недобрыми огоньками в глазах. – Значит, у тебя два лица: одно для комсомольского собрания, другое для дома?

Тамара изобразила чрезвычайно почтительное сожаление:

– Это что – выговор по комсомольской линии? Но я еще не подавала заявление о приеме!

Тамара, шурша оборками, повернулась на одной ноге, Сима прошла в комнату. Они обе поняли, что сделали ошибку: Тамара ошиблась, что позвала Симу, а Сима ошиблась, что пришла.

Андрей, добродушный и неуклюжий, как медвежонок, ничего не заметил. Он видел, что встретились две веселые, задорные подружки и, любя, немножко пощипали друг друга.

– А шарады ставить будем? – сразу спросил он. – Я уже придумал одну!

Тамара ввела гостей с столовую, велела садиться. Разговаривая с ними, она всем существом своим слушала – когда же раздастся тот звонок, которого она так ждала...

И звонок раздался. Тамара бросилась в прихожую:

– Олечка! Лидия Константиновна! – И тут же, с упавшим сердцем, проронила нечаянно: – А где же?..

Олечка поняла:

– Приехал, приехал. Он зашел в кондитерскую.

Тамара порозовела от счастья. Приехал!

– Мама, мама! – закричала она. – Лидию Константиновну встречай!

Антонина Андроновна тотчас явилась из своей спальни, в которой укрывалась от Тамариных гостей.

– Наконец-то! – пропела она. – Как я рада! А то ведь у нас так: народу полно, а встретить некого!

Лидия Константиновна, рыхлая, подкрашенная блондинка, протянула сверкающую кольцами руку:

– Очень рада повидаться с вами, дорогая. Но не будем мешать детям.

Помогая Олечке раздеться, Тамара украдкой быстро рассмотрела ее наряд. Ну совсем простое платье. Только почему оно держится таким пузырьем? Ах, да оно же капроновое!

Ну конечно, разве Тамарина мать позаботится о том, чтобы и Тамара была модно одета! Вот всегда она должна удариться лицом в грязь. Сшила ей какое-то шелковое. А зачем ей шелковое, когда все носят капрон или тафту!

Олечка, худенькая, хрупкая, с короткими взлохмаченными волосами, бегло оглядела себя в зеркало. Ее большие неподвижные глаза под красивыми, высоко поднятыми бровями не выражали ничего. На первый взгляд даже и не понять было – живой это человек, с мыслями, с чувствами, с бьющимся сердцем, или искусно сделанная красивая кукла, которая говорит, движется, ходит только потому, что внутри ее работает какой-то хитроумный механизм.

– Уж ты не больна ли, девочка? – спросила Антонина Андроновна и тут же изобразила тревогу на своем румянном лице.

Олечка молча повела на нее ничего не выражающими глазами:

– Я вполне здорова.

– Она у нас как водяная лилия, не правда ли? – негромко, но так, что Олечка все-таки слышала, сказала Лидия Константиновна. – Однако давайте уйдем, дорогая, не будем им мешать.

ПРИНЦ ГАМЛЕТ

Гости сразу разделились на званых и избранных. Тамара почувствовала, что ее новая подруга никому не понравилась. Гришка Брянцев сделал за спиной у Олечки недоумевающее лицо, словно стараясь понять, что это такое. Глаза Симы Агатовой насмешливо сверкнули, а этот дурак Андрюшка Бурмистров уставился на Олечку и глядел не спуская глаз, как она двигается, как она, поклонившись, сразу села и протянула ноги, будто очень устала. Андрей глядел на нее до тех пор, пока Сима не дернула его за рукав:

– Ты что? Съесть ее хочешь?

Андрей вспомнил, что неприлично так вот, в упор, разглядывать человека. Да, кажется, и разглядывать было больше нечего.

– Кривляка, – сделал он вывод.

И Олечка с этой минуты потеряла для него всякий интерес.

Тамара, оскорбленная за подругу, села с ней рядом. У них сразу начался какой-то разговор вполголоса. Тамара рассказывала о чем-то с нарочитым оживлением, то хмурилась, то задыхалась от смеха. А Олечка еле улыбалась, еле отвечала, еле приподнимала тяжелые ресницы – она во что бы то ни стало должна была сохранить свой стиль «водяной лилии».

Тамара разговаривала с Олечкой, а сама искоса поглядывала

вала на своих одноклассников, на своих друзей, с которыми так и не подружилась. Она радовалась недоброй радостью, чувствуя, что обижает их и что они вот сидят и молчат, никому здесь не нужные, и не знают, что им делать. Тамара мстила, как могла, мстила за то, что она была плохой пионеркой и плохой ученицей, мстила за то, что, боясь отказа, не подавала заявления в комсомол, мстила за то, что обманывала и лгала им, зная, что они презирают ее за это. Мстила за то, что она так и осталась среди них чужой, несмотря на внешние приятельские отношения, за то, что они никогда не доверяли ей. И вот теперь, нарядная, красивая, в своей богатой квартире она может, наконец, показать, что она не их поля ягода, что у нее в друзьях вот такие богатые, вот такие «стильные», вот такие, приезжающие на вороной сверкающей «Волге»...

А остальные гости и действительно не знали, что им делать. Зина и Фатма забились в уголок дивана и сидели тихо, как птицы, попавшие в клетку. Вася хмурился и все подбирал под стул долговязые ноги: он страдал от того, что ботинки у него с побелевшими от футбола носами, что брюки у него не отутюжены, что надо лбом у него торчит неукротимый вихор, словно хохол у попугая.

Сима покусывала губу, в черных глазах ее горели сердитые огоньки. Она понимала, что происходит, но еще не знала, как вырваться из этого положения. Понимал это и Гришка Брянцев. Он поглядывал то на одного, то на другого своими светлыми узкими озорными глазами.

«Зачем мы сюда пришли? – спрашивал его взгляд. – Не встать ли да не уйти торжественно?»

Словно подхватив его мысль, Вася вдруг встал и решительно направился к двери. Он больше не мог и не хотел терпеть мучительного положения гостя, которого лишь допустили в дом.

Тамара вскочила, шумя оборками:

– Ты хочешь обидеть меня, Горшков?

Она с упреком глядела ему прямо в глаза. Горшков опустил ресницы:

– Да нет... Чего там – обидеть... Дела у меня есть.

– Никаких дел у тебя нет! – резко возразила Тамара. – Как не стыдно!

– Пошли, ребята, на волейбольную площадку! – объявил Гришка Брянцев. – Чего тут сидеть! Зря только галстук надевал!

Сима с готовностью встала.

Зина и Фатьма поднялись вслед за ней. Если Сима уходит, то...

У Тамары гневно загорелись глаза, щеки побледнели.

«Ну и уходите, – хотелось ей крикнуть, – вылетайте! Пожалуйста!»

Она сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони, чтобы сдержаться и не крикнуть этого. Она только сверкала почерневшими глазами, не зная, что сделать...

В это время прозвучал звонок. И в комнату вошел новый

гость.

– Ян! – Тамара почти побежала ему навстречу. – Наконец-то!.. Знакомься, мои товарищи по школе. И подруги.

В этом слове «подруги» невольно прозвучала ироническая нотка, и девочки, почувствовав ее, переглянулись.

Но что такое вошло в комнату вместе с Яном Рогозиным? То ли его простодушная белозубая улыбка, то ли добрые и какие-то радостные глаза, то ли веселый голос его, а вернее, все это вместе сразу рассеяло нервную атмосферу. Высокий, стройный, с густыми блестящими волосами, зачесанными назад, он был весь какой-то подтянутый, щеголеватый. Чувствовалось, что его радует собственная внешность, радуется то, что красив, что хорошо одет. Но эта его радость никого не обижала и не задевала; наоборот, всем глядевшим на него тоже хотелось радоваться вместе с ним и его красоте, и его щеголеватости, и его присутствию. И даже цветок в петлице никого не смешил.

В первую минуту мальчики настороженно подобрались, а девочки застеснялись. Только Олечка не изменила раз заданного выражения лица, она слегка кивнула Яну своей растрепкой-прической и чуть-чуть покривила губы, изображая улыбку. Но стоило Яну заговорить, как все почувствовали себя свободно, всем стало просто, весело, готовая вспыхнуть ссора погасла.

– Да тут дивная компания! – радостно, словно он никогда в жизни не надеялся очутиться в такой очаровательной ком-

пани, воскликнул Ян, пожимая руки ребятам. – Как я рад, ребята, честное слово!

С девочками он был почтителен. Зеленоватые красивые глаза его ласково светились из-под длинных ресниц. Зина оробела, когда он подошел к ней, вскочила, как маленькая девочка-второклашка вскакивает перед учителем. Смуглая Фатьма опустила глаза и вдруг залилась густым румянцем: ей показалось, что этот красивый восемнадцатилетний юноша как-то по-особенному поглядел на нее и пожал ей руку. Только одна Сима встретила его ироническим взглядом. Она быстро справилась с первым смущением и совсем холодными глазами за несколько минут успела разглядеть Яна. И как странно – она увидела его совсем другим, чем остальные ребята. Ее сместили маленькие, чуть заметные бакенбарды, которые тянулись у него от виска до половины уха. Она еле удержалась, чтобы не фыркнуть при виде цветка в петлице его голубого пиджака. Сима сдержалась, но насмешка светилась в ее глазах, Сима не сумела, а может, и не захотела ее скрыть.

Ян тотчас почувствовал это.

– Не приемлете? – негромко, с усмешкой спросил он.

– Посмотрим! – в тон ему ответила Сима.

У Яна пропала улыбка, брови приподнялись и горестно изогнулись. Мгновенный облик задумавшегося над жизнью, чем-то разочарованного и тоскующего человека мелькнул перед ней и тут же исчез. Ян уже улыбался:

– Товарищи, а я притащил торт! – объявил он. – Может, сейчас прямо и съедим, а?

– Давайте! – Фатьма подпрыгнула на стуле и хлопнула в ладоши.

– Давайте! Ура! – тотчас подхватил Гришка Брянцев. – Это нам в полдела!

Но Тамара остановила их:

– Ничего подобного! Торт к чаю. А пока давайте играть.

– В шарады, – сказал Андрей, – я уже придумал.

– Отлично! Отлично! – радостно поддержал Ян. – Мы с Андреем начинаем. Кто с нами? Фатьма, хотите?

Фатьма вспыхнула и вскочила:

– Да!

– Я тоже! – немедленно заявила Тамара. – Начинаем!

Ян подошел к Олечке:

– А вы?

– О, нет...

Тамара ревнивыми глазами следила за ними. Да, конечно, он глядит на нее! Вон как заломились у него брови, каким долгим, тоскующим взглядом смотрит он на Олечку, взглядом Гамлета, принца Датского... Ну конечно, Олечка нежная, воздушная, держится как принцесса какая. Конечно, Олечка ему нравится. А разве может ему нравиться она, Тамара, крепкая, грубая, как молодая лошадка, она даже топает, когда ходит!

Но Ян отошел, а Олечка осталась на месте. Нет, Тамаре

показалось. Он такой же веселый, как и был. Только вот что это он все глядит на Фатьму? Сколько уже раз она из его уст слышит сегодня это имя – Фатьма, Фатьма, Фатьма!

И Тамара в глубине своей ревнивой души уже почти жалела, что дала угаснуть ссоре, что не выгнала вон всех этих девчонок, всех своих «дорогих» подруг.

Шарады, шарады! Живо была устроена сцена – отодвинули стол и стулья. Из шкафа полетели всякие шарфы, кофты, простыни... Из отцова кабинета явился старый портфель.

Ян был талантлив. Он играл, он дирижировал, он тут же, по ходу действия, сочинял песенки. Публика хохотала, и сами актеры хохотали, убегая за кулисы. И даже Сима, правда то и дело цапаясь с Яном, увлеклась игрой. Зина не участвовала в шарадах. Она была бессменной публикой. Она стеснялась играть, а кроме того, что-то неясное тревожило ее. Она отгоняла эту тревогу, не хотела задумываться и доискиваться причины такого неподходящего настроения. Вытирая слезы, выступившие от смеха, Зина смотрела на Фатьму и, удивляясь, не узнавала ее. Как смела была сегодня Фатьма, как живо и находчиво отвечала она на реплики Яна! Она танцевала, изображала то разбойницу, то няню, то доктора с трубкой. Фатьму словно зажгли изнутри, она так и сияла, так и светилась вся счастьем и радостью.

Казалось, что все накрепко подружились. Всем было просто и весело. И даже Вася забыл, что у башмаков разбитые носы, что брюки у него не отглажены, а на голове торчит ви-

хор.

В столовую все пришли смеющиеся, разгоряченные, со следами грима на раскрасневшихся лицах. И здесь, за чаем и тортом, неизвестно как, снова возникла и разгорелась ссора. Она возникла незаметно, постепенно, словно огонь пробилась из-под остывшего было пепла.

Ян принялся рассказывать анекдоты. Иногда получалось очень смешно, так смешно, что гости чуть не падали со стульев от смеха. Но иногда в этих анекдотах проскальзывало что-то такое, что немножко коробило, и смех становился нарочитым, смеялись, потому что полагается смеяться, если рассказывают анекдот.

А у Зины веселье неудержимо пропадало. Смеялась она ради приличия, даже не вслушиваясь в разговор. Все смеются – значит, надо засмеяться и ей. Но что же случилось, почему так все померкло кругом, стало таким будничным и неинтересным?

Да, конечно, это так: не пришел Артемий. А ведь его-то она и ждала все это время. Артемий не носил таких красивых голубых костюмов и цветов в петлице, он не умел играть в шарады, сочинять песенки и рассказывать анекдотов... И рук девочкам он никогда не пожимает, куда там! Смотрит так сурово всегда, что и не подступишься, а спорщик – лучше не связываться. И все-таки с ним всегда так хорошо, так интересно! Его присутствие – как свежий ветер, как распускающаяся листва... Ну, в общем, Зина не знала, с чем срав-

нить то светлое, чистое настроение, которое наполняло ее в присутствии Артемия.

Под шум голосов и всплески смеха Зина вспомнила, как они с Симой и с Фатьмой пришли навестить больную учительницу, свою дорогую Елену Петровну. И Андрюшка с Васей пришли. Сидят в ее желтой комнатке на коричневом диване. И Артемий, брат Елены Петровны, здесь же. И, конечно, спор.

«Туманность Андромеды»? Да, тем, кто любит лущить семечки всякой бездарной уголовщины, кто не интересуется будущим науки, у кого спит фантазия, да, тем эту книгу читать не стоит!»

Общий смех, взлетевший над столом, вернул Зину к действительности. Она удивленно оглянулась, оказывается, смеялись над ней.

– Ты заснула? – кричал ей Гришка Брянцев. – Побаюкать тебя?

– Она замечталась, эта Белоснежка с черными ресничками, – сказал Ян с улыбкой, – о чем?

Зина покраснела:

– Да нет, я так. Ни о чем!

– Смотрите на нее – как алый цветок! – продолжал Ян.

Но Тамара тотчас прервала его:

– Ребята, кто был на Выставке? Я все еще не соберусь никак! Говорят, так интересно – и спутники там, и ракеты...

Упоминание о Выставке больно ударило Зину по сердцу.

«Антон! Бедный парнишка... Зачем я обманула тебя сегодня? И где ты бегаешь сейчас, один?!»

– Ты о чем? – заметив, как омрачилась Зина, тихонько спросил Андрей.

– Я про Антона вспомнила. Мне надо домой.

Тамара услышала. Она все видела и слышала сегодня.

– Вот еще! – возразила она. – Все только Антон, да Изюмка, да обед, да посуда... У тебя совсем нет личной жизни, Стрешнева!

Зина смущенно покосилась в сторону Яна:

– Почему же? А разве, если я забочусь о младших... и все для них делаю, разве это и не моя личная жизнь? Их – и моя.

– Если все для других, то это уже не личная жизнь, – вдруг флегматично произнесла Олечка.

Она так долго молчала, словно ленилась произнести слово, так безучастно, отсутствующе держалась, что это ее вступление в разговор было всеми замечено. Улыбка чуть-чуть тронула ее губы, Олечка была довольна: уж если она решилась заговорить, так пусть слушают как следует, а то ведь она и опять замолчать может.

– Все для других, – медленно продолжала она, – как это скучно!

– Вот это странное рассуждение, – внезапно осмелев, сказал Вася, машинально взъерошив свой и без того непокладистый вихор. – «Скучно»! А что же тогда весело – все для себя, что ли?

– Горшков, – оборвала его Тамара, – если ты хорошо знаешь математику, то это еще не значит, что ты все на свете понимаешь!

– Ничего, ничего, – ласково вмешался Ян, – Горшков понимает. Да и все люди понимают. Ведь если я, к примеру, ем эту конфетку, – он содрал бумажку с «Мишки на Севере», – то мне все-таки она вкуснее, чем если эту конфетку ест кто-нибудь другой.

– Смотри кто этот другой! – совсем забыв о том, что он в гостях, закричал Вася. – Если это буржуй, фашист какой-нибудь ест, то конечно. А если мой друг, мой товарищ ест или братишка – так почему же? Пускай ест на здоровье. Мне это так же приятно!

Ян рассмеялся, закинув голову.

– Колоссально! – простонал он. – Циклопично!

Олечка снисходительно пожала плечами:

– Некоторые люди так привыкают притворяться, что даже... перед самим собой, не в состоянии быть искренними.

– Ну почему же притворяться? – добрым голосом возразил Ян. – Мальчик просто еще очень... ну, наивен, что ли... Политграмоту знает.

– Вы хотите сказать, что я дурак? – вспыхнул Вася. Небольшие бесцветные глаза его заискрились, веснушки утонули в горячем румянце, который охватил не только лицо, но и уши и шею.

Андрей неуклюже приподнялся.

– А почему это вы считаете, что мы притворяемся? – спокойно обратился он к Олечке. – Потому что вы думаете не так, как мы?

– Вася все сказал правильно, – краснея и теребя кончик скатерти, вступила Зина в этот начинавший закипать враждой разговор. Зина ни за что не стала бы ни с кем спорить сейчас, но она почувствовала, что обязана поддержать друзей в таком принципиальном вопросе. – Бывает, что тебе гораздо больше радости, если отдашь конфетку другому. Ну вот хотя бы Антону или Изюмке, чем съесть самой. Я это не выдумываю и не притворяюсь. Я это знаю.

— В холле, — сказала Сима, — и выслушайте похвалы
мои.

— Они тоже не притворяются, Зина, — громко, звенящим от волнения голосом и стараясь, чтобы слышали все, сказала Сима. — Ты вот это знаешь. И я знаю. И Фатьма, и Вася, и Андрюшка. А эти люди, — Сима сверкнула горячими, злыми глазами в сторону Олечки, — этого не знают. Они просто не подозревают, что кого-нибудь в жизни можно любить больше, чем себя, и что-нибудь в жизни ставить выше, чем свое я! Наступило молчание. Тамара скомкала свою салфетку. Она еще раз страстно пожалела, что позвала Симу.

Очень кстати вошла Анна Борисовна и поставила на стол горячий пирог с малиновым вареньем. Темные заманчивые ягоды лежали будто на блюде, окруженные пахучей подрумянившейся корочкой.

– Ешьте пирог, – сказала Тамара.

Но ни одна рука не протянулась к пирогу.

– Какая отповедь, – все так же ласково, с той же улыбкой сказал Ян. – Но если бы вы, Сима, захотели разговаривать очень-очень честно, начистоту...

– А разве я разговариваю не честно?!

Сима побледнела от негодования.

– Я не хочу сказать, что вы лжете, нет, нет... – Ян сделал рукой примиряющий жест. – Но ведь мы все люди. Не правда ли? И ничто человеческое нам не чуждо. И если вы заглянете в себя поглубже, то все-таки увидите, что и вы человек. Такой же, как все. А человеку – каждому! – свойственно любить прежде всего самого себя. И с этим ничего не поделаешь. Только нужно, чтобы хватило честности признать это.

Сима встала. Смуглое лицо ее побледнело еще больше.

– Я комсомолка, – сказала она, – и выслушивать пошлости не хочу.

Сима решительно вышла из-за стола.

– Правильно! – крикнул Вася и тряхнул вихром. – Я тоже не хочу.

Андрей последовал за ними, пробормотав на ходу: «До свидания». Неловко зацепившись за стул, он опрокинул его.

Ян весело и дружески засмеялся. Но Андрей, красный как свекла, поднял стул, поставил на место и, ни на кого не взглянув, пошел из комнаты.

– Этажерку не опрокиньте, – нежно посоветовала ему вслед Олечка.

Зина быстро и растерянно поглядела на всех – на красиво-го Яна, у которого горестно сломались высокие черные брови, на Тамару с сердитыми слезами в глазах, на притихшую Фатьму, на Гришку Брянцева, смотревшего с любопытством на все это, как на внезапное представление...

– Пойдем, – сказала Зина Фатьме, – пойдем!

– Но, Зина! – умоляюще схватив за руку, остановила ее Фатьма. – Ну зачем все это! Зачем обижать...

– А у некоторых это в обычае, – любезно объяснил Ян: – поесть, попить и...

– ...и оскорбить хозяина, – закончила Олечка.

Слыша, что ребята в прихожей уже оделись, Зина вырвала у Фатьмы руку и выбежала из комнаты, забыв попрощаться.

Гришка Брянцев тоже встал было, но посмотрел на пирог... Эх, что за пирог лежит на столе, румяный, набитый вареньем, нарезанный дольками, – бери да ешь! И снова уселся.

Фатьма смущенно катала хлебный шарик по скатерти и мучительно боролась с собой: остаться, уйти?

Услышав, что в прихожей хлопают двери, Антонина Андроновна вышла из своей комнаты:

– Что, еще пришел кто-нибудь?

– Нет, – сдержанно ответила Тамара, – некоторые ушли.

– Некоторым не понравилось наше общество, – все с той же доброй улыбкой сказал Рогозин.

Олечка сидела с неподвижным лицом, с заданным выражением глаз и чуть приподнятыми бровями. Так держала себя одна заграничная актриса. Кто-то сказал, что Олечка похожа на нее. Возможно, что это была неправда, но Олечка этому поверила и так старалась сохранить это сходство, что оно стало правдой. Бедная девочка с убогим воображением, сама не замечая этого, превратилась в неподвижную куклу. А ей казалось, что вот теперь-то она достигла той красоты с обольстительной прелести, о которой другие могут только мечтать.

– Грубые мальчишки и грубые девчонки! – узнав в чем дело, сказала Антонина Андроновна. – Да и что с них спрашивать? Семьи-то ведь у них какие – слесаря да вальцовщики. А то, если хотите, и дворники!

Фатьма опустила голову, пропадая от стыда.

«Уйди! Уйди сейчас же! – твердила она себе. – Чего ты сидишь здесь? Ведь тебя оскорбляют!»

И сидела как прикованная, не находя в себе мужества встать и показать всем, что она обиделась. Что сказала бы ее мать, гордая дворничиха Дарима, если бы слышала и видела все это!

– А почему вы так говорите? – простодушно спроси!:

Гришка Брянцев, набивая рот пирогом. – Разве если рабочее, то уже, значит, и плохие?

– Это только значит, что они не умеют воспитывать своих детей, – отозвалась из-за широких плеч Антонины Андроновны мать Олечки, – вот и все, молодой человек!

– А что, Антонина Андроновна, – не смущаясь, продолжал Гришка, пододвинув себе еще дольку пирога, – ведь в вы тоже из нашего рабочего класса. Ведь вы на заводе раньше диспетчером работали.

– Это еще что за новости! – вспыхнула Антонина Андроновна. – Сплетни какие-то!

– Да что за сплетни? Это все знают. А что тут обидного? Уж вы вроде и забыли, где живете. Страна-то ведь наша рабоче-крестьянская, не буржуазная какая-нибудь. И слесаря, и дворники у нас такие же люди, как вы! А то еще бывают и получше...

– Ах, что ж это я! – прервал Гришку Рогозин. – Пластинку же я принес!

И тотчас завел патефон. Разбитый слащавый тенор затянул какую-то заунывную любовную песню. Пел он по-русски, но русские слова произносил странно, словно забыв, как они звучат.

Обе матери снова ушли к себе, недовольные и негодующие. Ян тихонько подпевал тенору. Искоса поглядев на Фатьму, он сказал не то спрашивая, не то утверждая:

– Нравится?

Фатьме не нравилось. Но ей хотелось угодить Яну.

– Да, нравится. Только он что – не русский?

– Он русский. Лещенко. Просто он уже давно живет за границей.

– Эмигрант, значит, – сказал Гришка.

– А музыка нравится? – Ян будто не слышал Гришку, он говорил только с Фатьмой.

– Не знаю... Не совсем как-то...

Здесь Фатьма не сумела слукавить. Тамара нетерпеливо вмешалась в разговор:

– Но ведь это же заграничная музыка! А ей не нравится!

Гришка доел пирог и встал.

– Спасибо за угощение, – громко сказал он, хотя тенор брал свою самую жалобную ноту, – и пора домой. А что до этого певца, то, правду сказать, наш Бобик так же воет, когда ему долго есть не дают. Идем, Фатьма!

– Он, Гришка! – в отчаянии прошептала Фатьма и поспешила за ним.

Ян уходил последним. Тамара проводила его до двери.

– Ян, ты сердисься? – спросила она. В больших потемневших глазах у нее были слезы. – Я столько неприятностей пережила сегодня из-за них. Противные!

– Быть грубым проще всего, – снисходительно объяснил Ян.

Лицо его было грустно, задумчиво. Брови горестно изломались. Да, таким был принц Гамлет – оскорбленным, оби-

женным, непонятым.

– Но ты будешь приходить к нам, Ян?

– Конечно, буду, Тамара.

– Ко мне? – тихо спросила Тамара.

– К тебе, – так же тихо ответил Ян.

Он пожал руку Тамаре, заглянул ей в глаза проникновенным взглядом и исчез.

– Ну и парень! – Анна Борисовна, стоя в дверях кухни, покачала головой. – Ну и жох!

– Он настоящий Гамлет, правда, мама? – сказала Тамара взволнованно.

– Что хамлет, то хамлет, – согласилась Анна Борисовна, – по всему вижу.

АНТОН ЗАПУТАЛСЯ

Когда Зина убежала вместе с Фатьмой в гости к Тамаре, Антон, разочарованный, подавленный, вышел во двор. Очень трудно бывает человеку, если он всем существом настроился праздновать, примириться с тем, что праздник не состоялся. Надо снова подбирать концы всех отброшенных было повседневных интересов, чтобы продолжать обычную жизнь.

Петушок еще был во дворе.

– Пойдем в пионерский? – предложил Антон.

Петушок колебался.

– Пойдем... Только давай сначала в чижика поиграем, а?

– Давай!

Игра быстро развлекла ребят. «Чижик» летел то в один конец двора, то в другой, то давал свечу выше клена. Ребята вошли в азарт, кричали, хохотали. Антону повезло: он поймал свечу. Размахивая «чижилом», он бежал по двору и кричал: «Ура!»

И в ту же минуту увидел Яшку. Яшка неслышно подошел к нему и молча стоял в стороне, устремив на Антона узкие насмешливые глаза.

У Антона зануло сердце от предчувствия беды. То страшное и темное, от чего он спасался, снова настигло его. Веселье сразу исчезло, стало тоскливо и душно до слез.

Антон попробовал сопротивляться.

«А что он мне? – независимо подумал Антон. – На что он мне нужен? Пришел, ну и пусть стоит».

И он, уже с притворным весельем, продолжал игру, будто и не видел Клетки на.

– Эй, Антон! – крикнул тогда Клеткин. – Вареньица не хочешь?

Антон ударил мимо «чижика» – у него дрогнула рука. Но и Петушок промахнулся, не попал в клетку. Он схватил «чижик» и, снова прицеливаясь, крикнул Антону:

– Гляди в оба, защищайся! Сейчас ты погибнешь!

Но Антон уже не мог защищаться. В шутливых словах Петушка прозвучало для него страшное предупреждение. Защищайся! А как защищаться? Он опустил лапту, и «чижик» тотчас ловко вскочил в клетку. Но Антону было не до «чижика». Быстро взглянув на Яшку, Антон бросился домой.

Яшка в два прыжка догнал его:

– Ты куда? Жаловаться?

Жаловаться? А кому Антон будет жаловаться? Отец на работе, а Зина ушла к Тамаре. И Антон стоял перед ним, как кролик перед большой собакой.

– Нет, что ты, – начал он торопливо, – просто мне Зина домой велела. Вот я и побежал... И все...

Клеткин положил ему на плечо свою крепкую, хваткую непромытую руку.

– Если Зина велела – иди. Только мне нужны деньги.

– Идти на кино просить? – покорно спросил Антон.

– Не на кино. Это я и сам добуду, у меня – замыслы. Когда накоплю сколько нужно, скажу.

– А где у меня деньги? – растерялся Антон.

– Твои деньги у Зины в сумочке, понятно? Догадка есть или нету?

Антон опустил глаза, у него задрожали губы. «Защищайся, погибнешь!» Это крикнул ему его друг Петушок. Но как защищаться, что делать?! Клеткин тряхнул его за воротник:

– Я сказал. Ты слышал. Все, сеанс окончен. Сегодня вечером принесешь.

– Мне нельзя вечером из дому... Меня не пускают вечером...

– Ладно, учтем, – деловито согласился Яшка. – Значит, завтра, в это время. Только смотри, крупные не хватай, заметят.

Он повернулся и пошел, сунув руки в карманы и насвистывая песенку из фильма «Бродяга». Слух у него был верный, и свистел он очень хорошо.

Петушок с «чижигом» и лаптой все еще стоял у клетки.

– Ну что ж ты? – крикнул он, когда Яшка ушел. – Давай води!

– Я больше не играю, – померкшим голосом ответил Антон.

– Ага! Как тебе водить, так ты не играешь!

Но Антона эти укоры уже не трогали, он их не слышал.

С тяжелым сердцем, машинально считая ступеньки, Антон поднялся к себе на второй этаж.

– Антоша, хочешь оладушка? – крикнула ему из кухни соседка Анна Кузьминична.

Антон ответил еле слышно:

– Нет, не хочу.

В комнате было тихо, чисто, светло. Чуть пошевеливались за окном молодые кленовые листья. На подоконнике ярко краснела распустившаяся герань – маленькая шапочка красных цветов среди бархатных листьев.

«Расцвела! И когда это она успела?» – подумал Антон.

Где-то в соседнем доме пела женщина. Антон прислушался – живая или по радио? Нет, по радио. Женщина умолкла и тут же, почти без перерыва, мягкий мужской голос начал задушевную песню:

Забота у нас простая, Забота наша такая...

Антон очень любил эту песню. Заслышав ее, он немедленно включил радио. И вот уже прямо для него поют два хороших мужских голоса, рассказывают свое самое дорогое, самое задушевное.

И снег, и ветер, И звезд ночной полет...

Меня мое сердце В тревожную даль зовет!

Антон рассматривал герань, слушал песню. А внутри, где-то вторым планом, настойчиво, неотвязно, диктующе шло тяжелое течение мыслей. Надо достать денег. Надо взять их

из Зининой сумочки и отнести Яшке. Надо взять и отнести. Надо, надо, надо... Надо сделать это сейчас, пока никого нет. Взять и спрятать. А завтра отнести.

Антон вдруг заторопился. Чего же он тут стоит да раздумывает, пропускает нужное время? А если завтра Зина все время будет дома иди куда-нибудь уйдет и унесет сумочку?

Забота у нас простая,
Забота наша такая,
Жила бы страна родная,
И нету других забот...

«А у меня какая забота? – подумал Антон. – А у меня... деньги достать! Не буду, не буду я брать у Зины денег!»

Но тут же в его воображении возникло лицо отца, узнавшего от Яшки про вишневое варенье! Ой, что будет тогда?! Отец обязательно выгонит его из дому! А как Зина будет

плакать! И Анна Кузьминична, и соседка тетя Груша, все узнают. И во дворе, и в школе!

Нет. Уж лучше отдать ему эти деньги. Пускай только он отстанет.

Антон поспешно вошел в спальню, открыл незапертый комод, достал черную кожаную сумочку с испорченным замком и слегка потертую по краям. Мамина сумочка, это же мамина сумочка! Это мама ходила с этой сумочкой за покупками, мама держала ее в руках... А он, что же он-то делает? Ворует деньги из маминой сумочки!

Антон быстро сунул сумку обратно и захлопнул комод. Губы у него скривились, в три ручья хлынули слезы, он даже заревел слегка, но тут же и умолк, испугавшись, что услышит Анна Кузьминична. Всхлипывая и утираясь кулаком, Антон уселся на диван. Он не знал, что ему делать.

В шестом часу пришла Зина. С первого же взгляда она заметила, что Антон расстроен, что глаза у него покраснели от слез и что утирался он невымытыми руками. Она подозвала его к себе, заглянула в лицо, потеревшила его светлый вихорок.

– Ну, Антошка, – ласково сказала она. – Ну как тебе не стыдно! Как будто горе какое случилось – на Выставку не пошли. Неужели плакать из-за этого? Вот соберемся завтра, да и пойдем, и горю конец. Глупый ты еще какой, а?

– Когда пойдем, утром? – спросил Антон голосом, еще прерывающимся после недавнего плача.

– Утром. Как с делами по дому управимся, так и пойдем.

– А придем когда?

– Ну, уж это наше дело. Захотим – и весь день прогуляем.

И пообедаем там. И мороженого поедем на ледяной скале.

– На какой скале?

– Ну там такая белая скала стоит, на ней сосульки сверкают и белые медведи живут.

– Живые?

Зина засмеялась:

– Пожалуй, нам с тобой не поздоровилось бы, если бы живые! Скульптура такая. А под сосульками столики стоят.

– А сосульки не тают?

– Нет, Антон, ты совсем малютка! – снова засмеялась Зина. – Неужели ты думаешь, что они настоящие? Эх ты, чудачище ты наш!

Она обняла Антона за плечи, потискала его. Зина чувствовала себя виноватой перед ним, ей так хотелось загладить свою вину, сделать все, чтобы Антон развеселился, чтобы он забыл про свои слезы, чтобы он простил Зину за то, что она сегодня так обманула его. Если бы он знал, этот глупый Антошка, как скверно у нее на душе! Обманула ребят, отняла у них радость, заставила братишку сидеть здесь и плакать в одиночестве. А зачем, ради чего? Какое удовольствие она получила на этом пиру, какой долг выполнила? Тамаре вообще не нужно было ее присутствие. А уж то, чем кончился пир, и совсем получилось гадко. Убежала не простившись. И все убежали. А Фатьма осталась почему-то. Но самое глав-

ное разочарование было, конечно, в другом – Артемий не пришел. И как она могла поверить, что Артемий пойдет к Белокуровым, пойдет в дом, где когда-то так оскорбили его сестру, их дорогую учительницу, что она потом со слезами бежала по улицам?

Ведь тогда Елена Петровна пришла к Белокуровым, чтобы поговорить с Антониной Андроновной о Тамаре, о том, чтобы мать проследила за домашними заданиями Тамары, а Антонина Андроновна нагрубила ей и почти выгнала из дома.

«Дура я, и всё, – нахмурясь, с сердцем сказала самой себе Зина, – а еще Антона браню!»

Воспоминание о Елене Петровне, которую посмела оскорбить Антонина Андроновна, вызвало смятение в душе. Артемий не пошел к Белокуровым, потому что Елена Петровна его сестра. А почему Зина пошла? Ведь Елена Петровна ее учительница, ее лучший, самый умный и самый добрый друг! А Зина обрадовалась, побежала!

Зине хотелось надавать себе пощечин.

– Сейчас приготовим все к ужину и давай пойдем встречать отца. А? – ласково обратилась она к Антону. – Хочешь?
– Хочу, – вяло ответил Антон.

Зина внимательно посмотрела на него. А ведь с ним что-то творится. Неужели все Выставка виновата? Или у него рост такой тяжелый?

– Только мне нельзя завтра весь день на Выставке, – ска-

зал Антон, разглядывая царапину на коленке. – Мне в три часа надо...

Зина удивилась:

– Что тебе надо в три часа?

– Ну надо мне в одно место. Но делу.

– Ой, батюшки! – Зина от души рассмеялась. – Наш Антон уже взрослый человек, оказывается! Ему надо по делу!

Она смеялась и совсем не подозревала, в каком тяжелом плену томится ее братишка Антон.

ОМРАЧЕННЫЙ ПРАЗДНИК

На другой день утром Зина и Антон вошли в сказочно высокие ворота Выставки. Зина уже несколько раз была здесь, она уже знала, где павильон юннатов, и станция юных техников, и памятник Мичурину, и серебристый павильон радио, и стояла породистого скота, и, само собой, павильон мороженого...

Антон впервые вступал сегодня в этот волшебный город, который может только присниться во сне. Машинально придерживаясь за руку Зины, чтобы не потеряться, он тарасил вокруг изумленные глаза.

– Гляди, золотые фигуры! Они танцуют! Ух ты! И вода бьет... Зина, ты гляди!

– Да я гляжу, Антон. Только не показывай пальцем, я же все вижу и так.

– А они из чистого золота? Прямо из кусков? А где же такие глыбы золота нашли?

– Они только сверху позолоченные, Антон. Разве такие глыбы золота могут быть?

– Ух ты! А вода как играет! А как это сделано, что вода кверху бьет?

Зина еле успевала отвечать. Все волновало Антона, все ему нужно было знать, до всего допытаться. А Зине хотелось молчать. Свежесть солнечного утра, озаренная сверка-

нием фонтанов, зелень травы, нежная пестрота цветов, сияние неба сквозь причудливые арки восточных павильонов, фантастические дворцы, возникающие, как видения, из-за густых древесных крон, – все рождало неясные и тревожные мечтания. Зина с наслаждением ощущала свою просыпающуюся юность – так славно, с удовольствием ступали ее ноги по земле, таким легким и ловким ощущалось все тело, так приятно омывал ветерок ее приподнятое лицо и крепкие, тонкие, еще не успевшие загореть руки. Как хорошо, как волнующе хорошо жить на свете сегодня! Да и вообще хорошо.

Но Антон не уставал спрашивать. Ему уже было неважно, что Зина почти не отвечает, он сам спрашивал и сам же отвечал на вопросы, сам недоумевал и сам же, как умел, разрешал свои недоумения.

Впечатления, ошеломляющие и веселые, плотно ложились одно за другим. Иногда они переливались через край Антонова внимания, не хватало глаз, не хватало чувств все понять, все запомнить. Водометы среди драгоценных камней «Хозяйки медной горы», богато расцветченные груды земных плодов, фантастические, всё умеющие машины, мощные, словно отлитые из металла, породистые лошади, нежно-желтые, будто сливочные, телята... Неудержимо влекло к себе мерцающее лунным серебром здание химии. Подзывал и павильон юннатов, притаившийся среди цветущего белым цветом сада...

Антону казалось, что он сможет до самой ночи ходить по Выставке. Но, когда поднялось солнце и начало припекать его белобрысую макушку, Антон почувствовал, что жара и усталость полегоньку начинают одолевать его.

– Ну, что, набегался? – спросила Зина. – Может, пойдём поедем мороженого?

– Ой! – обрадовался Антон, который в азарте своих потрясающих открытий совсем и забыл о белом медведе, сидящем на ледяной скале.

Да, Зина сказала правду. Белая скала стояла среди зеленых деревьев, длинные радужные сосульки сверкали на ней, и белый медведь поглядывал на Антона сверху, когда они с Зиной поднимались по узкой лесенке.

Если сказать правду, девушка, разносившая в металлических вазочках холодные разноцветные шарики, была не очень-то приветлива. Зине и Антону пришлось порядочно подождать, пока девушка обратит на них внимание. Но ничто не могло испортить их хорошего настроения. Они отдыхали здесь в холодке, предвкушая удовольствие.

И вот оно, это удовольствие, наконец наступило: по четыре шарика лежало в их вазочках – сливочное, шоколадное, ореховое, крем-брюле. Антон осторожно трогал ложечкой то один шарик, то другой, стараясь уловить разницу во вкусе. Он был счастлив!

В эту счастливую минуту кто-то сидящий за соседним столиком спросил:

– Который час, Женя?

– Третий, – ответил женский голос, – успеем еще.

У Антона застыла ложечка в руках. Третий! Третий час! В три часа Яшка будет ждать его на задворках. И, если Антон не сделает то, что он велел, вся Антонова жизнь разобьется вдребезги.

Мороженое вдруг потеряло вкус. Гора, на которой сидел белый медведь, превратилась в груды белой извести, а волшебные сосульки оказались просто разноцветными стекляшками.

– Зина, пойдем скорей домой, – попросил Антон, – пойдем прямо сейчас, а?

Зина удивленно раскрыла глаза:

– Что это ты? А ведь мы еще на пруд хотели. И на круговом троллейбусе покататься!

– Нет, пойдем лучше домой!

– Да ты же еще и мороженое не съел!

Антон торопливо проглотил оставшийся у него полурастаявший шарик и слез со стула.

– Съел. Пойдем.

Зина только пожала плечами.

Антону казалось, что прошло очень много времени, пока Зина расплатилась, пока они спустились вниз по узкой каменной лестнице, пока дошли до высоких ворот. Дворцы и сквозные арки остались позади, они отходили за купы деревьев, как сон, приснившийся среди дня. Большой фонтан

шумел, будто осенний дождь, золотые статуи тяжело громогласно сидели у водоема, и уже ни лиц, ни улыбок, ни манящих рук не было у них, – лишь сплошные блики раскаленного золота, от которых слепли глаза.

– Да чего ты так торопишься? – сказала Зина, придерживая его бегущий шаг. – До вечера далеко еще.

Зина была чуть-чуть обижена. Так звал ее Антон на Выставку, ревел даже. А теперь, когда его желание исполнилось, он бежит домой и не оглянется на все эти чудеса, которыми только что восторгался. Не поймешь его никак!

Антон всю дорогу был молчалив и задумчив. Он еле понимал, о чем разговаривает с ним Зина, еле отвечал ей. В голове было только одно: как ухитриться достать из комода черную сумочку – Антон даже в мыслях избегал называть ее маминой, – как достать из сумочки деньги и как выйти с этими деньгами из дома, чтобы Зина ничего не заметила?

Придя домой, Зина тотчас сняла свое праздничное платье, надела халатик и поспешила на кухню.

– Сейчас будем чай пить, Антон. Мой руки.

– Ладно.

Но через пять минут, войдя в комнату, Зина увидела, что Антон исчез. Ей бросилось в глаза, что один из ящичков комода неплотно закрыт и уголок желтой скатерти торчит оттуда. Зина машинально поправила этот уголок и закрыла комод. Что же это с Антоном? Неужели опять Клеткин?..

А бедный Антон уже снова был во власти своей тоски.

Весь дрожа от того, что Зина чуть-чуть не застала его около комода, куда она кладет сумку с деньгами, он шел к Яшке, зажимая в руке рублевку.

Наступающее лето, игры на пионерском дворе, дружба с Зиной, сегодняшней праздник – все было омрачено. Он опять идет к Яшке. И никак нельзя ему не идти туда. И никак нельзя освободиться от этого.

Но может все-таки что-нибудь случиться. Вот, например, Яшка возьмет да и уедет куда-нибудь и никогда-никогда больше не вернется на их улицу. Или Яшкин отец вдруг скажет: «А не поехать ли нам жить в какой-нибудь другой город, а то что ж мы все в Москве да в Москве?»

А то еще может случиться, что милиция поймает Клетки на, когда он снова полезет за вареньем. Разве не может? Вот бы тогда хорошо стало жить Антону! Легко, просто, как всем ребятам, как Петушку, как Вите Апрелеву. И он бы, как все ребята, ничего не боялся, ничего не скрывал. Готовился бы в пионеры, как все. А сейчас? Разве может он – такой! – вступить в пионеры!

Все возможности освобождения прикидывал Антон, кроме одной, самой верной: взять да и рассказать отцу и Зине о том, что случилось. Но Антон даже и подумать об этом не мог, на такое признание у него ни за что не хватило бы духу.

А Зина по-прежнему ничего не замечала...

ТОСКА

У Тамары дни проходили словно в каком-то мучительном сне. Она не могла разобраться в своих чувствах, которые не давали ей покоя. Мимоходом виденное пламя в мартеновской печи их завода, которое шумело и бушевало за черной заслонкой, вот это самое пламя, казалось ей, шумит и бушует в ее душе, испепеляет ее.

Тамаре не с кем было поговорить. В школе у нее не оказалось настоящих друзей. Раньше, когда она еще училась в шестом классе, Тамара почему-то была уверена, что дружба с товарищами зависит только от нее. Захочет она подружиться с кем-либо, так подружится. Ей и в голову не приходило, что кто-то может отказаться от ее дружбы.

И вот сейчас, когда ей необходим был верный друг, подруга, которой можно до конца довериться, можно рассказать обо всем, что мучит душу, вот сейчас-то и оказалось, что у нее совсем нет друзей. Да и с кем подружиться Тамаре? Девчонки в классе все такие недалекие, сентиментальные. Ребята – грубые, примитивные. Одни вечно возятся на пришкольном участке, чего-то там сажают, что-то к чему-то прививают и делают вид, что это им очень интересно. Другие не вылезают из книг. Третьи носятся с пионерским лагерем, с какими-то кружками, с какими-то экскурсиями. А как одеты! Штаны широкие, пиджачишки потертые. А у Ва-

си Горшкова вечно колени на брюках вздуваются. И, главное, это им все равно, они даже не замечают этого!

Ах, Rogozin, Rogozin...

Если бы не встретился Тамаре этот человек, откуда бы она знала, какими бывают настоящие люди? Все стихи о любви, которые она читала, разве не о нем? Разве не о его глазах, похожих на озера, рассказано в тех стихах? Какой он особенный, какой непохожий на других, всегда задумчивый и печальный. Да, таким был принц Гамлет, не нашедший в жизни своего счастья.

Rogozin никогда не жалуется. Но Тамара знает, что ему нужна другая жизнь – яркая, нарядная, праздничная. Это всегда проскальзывает в его речах. Он так создан, он не виноват. Если садовый цветок вянет в огороде, этот цветок не виноват, что он садовый!..

Но что делать Тамаре?

Может, пойти с ребятами в поход? Лесные и полевые дороги, купание в реках, ночевки в колхозах... Тамаре тотчас представилось, как идет она с рюкзаком за плечами по знойному проселку. Солнце печет, ляжки трут плечи, хочется пить, ноги устали... А впереди этой дороге и конца нет! И сегодня, и завтра, и послезавтра все то же. Ночевать где-то на сене, без простынок, сено колется. Утром вставать на заре, когда снятся самые хорошие сны... Ой, да к чему это все!

Но что же делать Тамаре?

Вот уже вторая неделя пошла, как она в последний раз

видела Рогозина. Двенадцатый день. Одиннадцать с половиной дней! Сколько раз она брала телефонную трубку и снова бросала ее. Иногда бросала сразу после первого же гудка. Иногда, услышав женский голос, сдержанный, холодноватый голос матери Рогозина, она робко опускала трубку на рычаг. Ян не подходил к телефону.

Чтобы как-то рассеяться, Тамара ходила в кино. Иногда со своей школьной подругой Лялей Капустиной, но чаще одна: уж слишком глупа и пресна была эта толстая белесая Лялька.

Уезжала за город на дачу к Олечке. Но о чем было говорить с Олечкой, если нельзя говорить о Рогозине? При каждом упоминании этого имени Олечка поднимает на нее свои медлительные глаза, в которых так и чудится Тамаре тайная насмешка. Нет, подальше от Олечки.

Часто она бродила около переулка, где жил Рогозин, в надежде случайно встретить его. Но ничего не получалось. Встречи не было. Покоя не было. Пустые дни проходили один за другим.

Сегодня Тамаре приснился необыкновенный сон. Она плыла в лодке по тихой реке, и в воду с неба падали звезды. Они были маленькие и тяжелые, будто отлитые из серебра, они плюмкали, падая в воду, и сразу тонули с нежным звоном. Тамара тянулась к ним, очень хотелось поймать хоть одну звездочку, но они проскальзывали меж пальцев или падали слишком далеко. И вдруг одна из них – дзинь! – упала прямо в лодку, и дно лодки осветилось. «Моя!» – крикнула

Тамара и проснулась.

И сразу кончилось волшебство. В окно глядело будничное утро, из-за шторы пробивались назойливые солнечные лучи.

Тамара нехотя поднялась и подошла к окну.

«Каким ты будешь, сегодняшней день? Что ты принесешь мне? И принесешь ли хоть что-нибудь?»

И тут же подумала:

«Да, что-то должно случиться! Обязательно! Ведь я же поймала свою звездочку!..»

Полоска неба безмятежно сияла над крышами лазурью поздней весны. Во дворе уже играли ребяташки, спорили из-за чего-то, смеялись. Где-то пело радио. Всё как вчера, как позавчера.

Нет, сегодня не будет всё как вчера, как позавчера. Что-то должно случиться – ведь звездочка упала прямо к ней в лодку! Вдруг вот сейчас зазвонит телефон, она возьмет трубку, и его голос окликнет ее! Или выйдет она сейчас на улицу, а навстречу, по узенькому тротуару, мимо старых лип, идет он!

Тамара медленно подошла к зеркалу, побледневшая, с горячими глазами, с большим полуоткрытым ртом и яркими каштановыми кудрями вокруг белого матового лица. Она разглядывала себя, стараясь понять, хороша она или дурна. Глаза ее с широкими блестящими зрачками жестко, холодно и пристрастно спрашивали у зеркала, хороша ли она? Почестному. Без скидок...

– Тамара, что с тобой? – Антонина Андроновна неслышно подошла и остановилась в дверях. – Что такое ты увидела в зеркале – уж не Марию ли Стюарт и Риенци?

Тамара сразу отошла от зеркала и принялась поспешно одеваться.

– Я вижу, ты вчера читала Конан-Дойля, – неласково ответила она. – И что это, мама, у тебя за привычка появилась входить украдкой?

– И не думала входить украдкой. – Антонина Андроновна пожала широкими полными плечами. – Чего это вдруг мне вроде кошки украдкой ходить? Просто туфли у меня такие...

Тамара покосилась на ее большие, свободные на ноге мягкие зеленые туфли с бантиками, торчавшими вроде кошачьих ушей.

– Ты, мама, опускаешься. Старушечьи туфли какие-то надела, с ног того гляди свалятся.

– А зато ногам хорошо – тепло, просторно.

– Вот я и говорю, что опускаешься. И толстеешь с каждым днем. Ты подойди к зеркалу, ну на кого ты похожа, мама? Какой-то полинялый халат, под мышками дырки. Фу!

Антонина Андроновна приподняла свои круглые ровные брови и как-то устало покачала головой:

– А не все ли равно? Придут гости, тогда и наряжусь. А дома – к чему мне это? Кто меня видит? Одевайся, завтракать давай.

И она, переваливаясь, неслышной походкой пошла из

комнаты. Тамара проводила ее угрюмым взглядом.

«Отец бросил ее, – подумала Тамара, – не говорит, а я-то вижу! Бросил, конечно бросил! Оттого и в отпуск не приехал. А она все обманывает зачем-то, скрывает. А я все равно вижу!»

Накинув халат, Тамара быстро вошла вслед за матерью в столовую. Ей надо было убедиться немедленно, сейчас же в том, что догадка ее справедлива. Мать достала чайницу, чтобы засыпать чай, но Тамара взяла из ее рук чайницу, поставила на стол и спросила, глядя прямо в ее синие погасшие глаза:

– Отец тебя бросил?

У Антонины Андроновны на лице мгновенно выступили яркие розовые пятна. Она гордо вздернула голову:

– Ты что это? Это кто тебе сказал? Что за новости?

Тамара опустила глаза. Она села к столу и принялась разводить по клеенке маленькую лужицу пролитого молока. Мать давно уже не стелит скатертей на стол – к чему лишняя стирка?

«Значит, да, – думала Тамара, – если бы нет, так она только усмехнулась бы... А то будто ножом по больному месту. Значит, да. Значит, мы с ней такие... которых не любят. Которых бросают... Но разве и я, и я такая же?»

Нет. С этим Тамара не могла и не хотела согласиться. Наскоро позавтракав, она достала свое лучшее платье, голубое с белым цветком на груди, узкое в талии и широкое в подоле.

Она стояла перед зеркалом, как голубой цветок в блестящем венке своих крутых ярких кудрей, с блестящими потемневшими глазами. Нет, неправда, она не такая и ее не так просто забыть!

– Куда это наша красавица с утра разрядилась? – сказала вдруг Анна Борисовна, войдя в комнату со щеткой и тряпкой. – Нешто праздник какой?

– Какое тебе дело? – зашипела на нее Тамара, стараясь, чтобы мать не слышала их разговора. – Ну что ты все время лезешь ко мне?

Она глядела на старушку злыми глазами и, казалось, готова была ударить ее.

– Да какое мое дело, конечно! – согласилась Анна Борисовна. – Проживайте, донашивайте, а новое когда еще спривите – неизвестно! Вон уж и мне за два месяца задолжали. Отец-то у вас, чай, не миллионы получает.

Она распахнула окно, принимаясь за уборку. Тамара, мелко постукивая каблуками босоножек, вышла в прихожую. Мать окликнула ее, но Тамара, будто не слыша, захлопнула дверь. Она спешила уйти из дома. Все равно куда, лишь бы поскорее уйти.

В последнее время в их красивой квартире поселилась какая-то душная тоска. Тамара задыхалась от этой тоски. На улице было легче. Нежная тень деревьев лежала на тротуаре. Из-под забора выглядывала свежая травка-мокрица. Откуда-то из открытого окна доносилась негромкая песня, кра-

сивая печальная песня о любви и разлуке, о разлуке и верности.

«Далеко, далеко...» – запевал мужской голос – и перед глазами вставали какие-то далекие равнины, повитые голубым туманом, леса и горы... А там, за лесами и горами, на далекой границе, – «он», тоскующий о той, которую любит. Тамара прислушивалась к словам любви, и ей казалось, что эти слова обращены именно к ней. Она шла еле касаясь асфальта, словно крылья несли ее. Это утро, такое взволнованное, совсем не похожее на те утра, которые были вчера и позавчера. Сегодня обязательно должно было что-то произойти. Ведь звездочка упала к ней в лодку!

«Если сейчас на углу будет зеленый свет, – загадала Тамара, – значит, я его встречу».

С замирающим сердцем подошла она к углу, из-за которого был виден светофор. Свет был зеленый. Но он тотчас сменился желтым.

«А все-таки, когда я взглянула, он был зеленый! Да, зеленый, зеленый! – настаивала Тамара, стараясь отогнать свои сомнения. – Я увижу его сегодня! Я должна его увидеть сегодня».

Тамара вышла на центральную улицу, в суету спешащей в ту и в другую сторону толпы, в шум автобусов и неясного говора идущих мимо людей. Она широко открытыми глазами жадно глядела вокруг, она чувствовала, она знала, что должна встретить Рогозина.

Проходя мимо «Гастронома», Тамара неожиданно столкнулась с Зиной Стрешневой. Тамара хотела притвориться, что не видит Зину и пройти мимо, но Зина окликнула ее.

– Куда ты бежишь, Тамара? – спросила она, улыбаясь. – Догоняешь кого-нибудь?

– Никого не догоняю, – сдержанно ответила Тамара. – Ты из магазина?

– Да. За мясом ходила. Отец, если мяса не сварить, будто и не ел ничего. Без мяса и не обед ему!

Тамара со скучающим лицом слушала ее. Мясо, обед... Крупные губы ее сжались будто от боли.

– Ты не больна? – спросила Зина.

Тамара подозрительно сверкнула на нее мрачными глазами:

– Почему это? Почему ты так думаешь?

– Не знаю. Мне показалось.

Тамара еще раз поглядела на Зину. Нет, Зина ничего не знает. Нежное Зинино лицо с тонкими светлыми бровями и темными ресницами было простодушно и участливо, а в светло-серых глазах светилась забота и тревога.

– А тебе-то что? – усмехнулась Тамара. – Что ты мне, мать, что ли? Или, может быть, старшая сестра?

Зина смутилась.

– Да. Я, наверное, так привыкла – дома-то я уже третий год старшая сестра. Вот и привыкла. Как-то сразу начинаю беспокоиться. Глупо, конечно. Ты не домой?

– Нет, не домой, – ответила Тамара.

Но ей еще не хотелось уходить от Зины. Хотя она и не дружила со Стрешневой, сейчас, в минуты тоски и душевной неурядицы приятно было побыть около тихого, спокойного и доброго человека.

– Я провожу тебя немного, – сказала Тамара.

Зина удивилась.

– Но ведь ты спешила куда-то?

– Ты что, хочешь избавиться от меня? – нахмурилась Тамара.

– Нет, – просто ответила Зина, – почему это? Я бы и сама прошлась с тобой по улицам. Только мне ведь некогда. Да и сумка тяжелая.

Она улыбнулась и взяла сумку в другую руку.

– Что же, так и всегда будет? – спросила Тамара, кивая на ее нагруженную провизией сумку. – Магазины, хозяйство?..

Зина поглядела на Тамару ясными, немного удивленными глазами:

– А как же? Отец с работы придет, ему поесть надо?

– Ой, какая скучная, скучная жизнь, – почти простонала Тамара, – какое однообразие, какая тоска!

Зина выслушала ее, приподняв брови, и неожиданно рассмеялась. Ей показалось, что Тамара играет.

– Ты как будто одна из тех чеховских трех сестер. «Тоска, тоска»! Какая там тоска? Откуда? Конечно, бывают неприятности... – Зина немного нахмурилась. – Только это не тос-

ка и не скука... Знаешь, я как-то совсем не понимаю, что такое скука.

– И тебе никогда не бывает скучно?

– Скучно? Да что ты, Тамара. Столько дел всяких. И потом – лето, так хорошо! И день пролетает не вижу как, то с подругами повидаешься, то хозяйство, то ребятишки, то порисуешь немножко, то считаешь, – даже не успеваешь сделать всего, что хочется. Когда же скучать-то? А теперь вот в поход скоро.

Зина вдруг омрачилась и умолкла. Тамара искоса посмотрела на нее:

– Куда же решили?

– Кажется, все-таки пойдут пешком.

– С рюкзаком за спиной?

– Да. – Зина вздохнула. – Хорошо!

– А почему ты говоришь «пойдут»? Разве ты не идешь?

– Наверное, нет. Я хотела, но...

– А! – Тамара засмеялась. – Только других уговаривать – хорошо, весело, прекрасно! А сама-то небось сдрейфила.

– Я не сдрейфила. – Зина опустила глаза и еще раз переложила сумку из одной руки в другую. – Что ты! Я бы бегом побежала. Только вот Антона оставить нельзя одного.

Но Тамару только раздражали Зинины заботы.

– Опять Антон! Опять обед, мясо! А там еще Изюмка, – нетерпеливо оборвала она Зину. – Да что он – грудной, что ли, твой Антон?

– Все равно одного оставить нельзя.

– Ну и дура!

Тамара резко свернула в переулочек. Все равно куда, лишь бы избавиться от Зины. Тамару уже разозлило это упорство, которое казалось ей тупой ограниченностью; ее злило, что Зина и живет и думает иначе, чем она, Тамара, и что Тамаре, несмотря на все ее насмешки, никак не удастся сбить эту казалось бы такую тихую и слабую девчонку.

– А ну ее! – с сердцем проворчала она. – Наседка какая-то! Домашняя хозяйка!

И опять она осталась одна. И опять тоска погнала ее в тот тихий переулочек с широкими тротуарами, где жил Rogozin.

Вот он, серый дом с большими окнами, с широким подъездом. Там, где-то на третьем этаже, окна рогозинской квартиры... И подумать только: он здесь, в этом доме, он может подойти к окну и увидеть ее!

Но Rogozin не подходил к окну. Тамара в волнении прошла по переулочку. Может, его вовсе нет дома? Может, он уехал? А может, он болен? Иначе почему же он так исчез из ее жизни?

И вдруг ее осенило. Ну конечно, конечно, он болен. Он болен, а она ни разу не навестила его. Что же он скажет, когда они встретятся?

Она должна сейчас же навестить его, больных друзей надо навещать. Не давая себе задуматься над своим поступком, Тамара поднялась по широкой прохладной лестнице.

Она ведь загадала – если будет зеленый свет... Свет был зеленый! И потом, поймала же она сегодня во сне звездочку!

С бьющимся сердцем Тамара нажала белую пуговку звонка. И тут же робость охватила ее – может, убежать, пока не открыли?

Но за дверью уже слышались шаги. Тамара слегка отступила, словно ожидая, что сейчас из-за распахнувшейся двери на нее дохнет пламенем.

В дверях стояла высокая худая женщина в темном. Строгие брови, суровый взгляд печальных светлых глаз, окруженных морщинками, бледное продолговатое лицо... Тамара угадала, что это его мать. Она растерялась, может быть, первый раз в жизни.

– Здравствуйте, – сказала она запинаясь и чувствуя, как загораются у нее уши. – Скажите, Ян... он не болен?

Женщина внимательно поглядела ей в глаза.

– Да, – сказала она жестко, – Ваня очень болен.

– А можно мне...

– Нельзя. А кроме того, девушка, скажите своей маме, чтобы она получше смотрела, где бывает ее дочка и с кем она дружит.

Женщина сжала тонкие губы, отчего две резкие морщины обозначились на ее щеках, и захлопнула дверь. Тамара несколько мгновений стояла приоткрыв рот и глядела на черную обивку двери. Опомнившись, она, вся красная от стыда, сбежала с лестницы. Тихий теплый день мирно сиял

на улице. Своим чередом шла жизнь. Дымилась заводская труба, погукивал паровозик за заводским забором. Шелестели старые деревья. Играли ребятишки во дворах. Проносились машины. Летали голуби.

А Тамара шла шаг за шагом по улицам и переулкам, она ничего не видела и не слышала, только все думала и передумывала: что же хотела сказать эта женщина, его мать, своей последней фразой?

«Ваня, – повторяла Тамара, – она зовет его Ваней».

И вот же, так и есть, она угадала: Ян тяжело болен! Что же, это и есть та звездочка, которая упала к ней в лодку?

ИЗЮМКИН МИР

Этот солнечный мир был полон чудес. Сказка появлялась всюду.

Утром в окно влетела оранжевая бабочка и кружилась по всей веранде над постелями спящих ребят. Изюмка следила за ней изумленными глазами – живая бабочка!

И вдруг эта бабочка села прямо на Изюмкино одеяло, помахала-померцала крылышками и снова улетела в окно. Это она прилетела из лесу, чтобы сказать Изюмке: «Здравствуй!» А иначе зачем же?

А в полдень оказалось, что зацвел колючий куст под окнами. Изюмка познакомилась с ним в первый же день приезда. Она хотела сорвать с него хорошенькую пушистую веточку, но тут же и отдернула руку: весь куст оказался в шипах, будто кривые кошачьи коготки сидели на ветках.

«У! Сердитый. Колючкин-царапкин!» – решила Изюмка и стала обходить его подальше.

А сегодня взглянула на этот куст и увидела на нем розовый цветок. Цветок только что распустился, в его свежей атласной сердцевине еще дрожала граненая капелька утренней росы.

– Смотрите, смотрите! – закричала Изюмка. – На царапке цветок расцвел! Розовый!

– Ну и что же? – спокойно сказала, медленно и отчетливо

выговаривая слова, подружка Лена. – На кустах всегда бывают цветы.

– А ведь этот же колючий! – возразила Изюмка. – Он же как кошка все равно. А цветочек у него розовый и даже смеется!

– Почему смеется? – серьезно спросила Лена.

– Ну потому что расцвел!

– А ты почему знаешь, что он смеется?

Лена, насупив бровки, глядела Изюмке в глаза и ждала ответа. Но Изюмка и сама не знала, почему она знает. Знает – и всё.

И, выбежав на площадку, Изюмка стала звать ребят:

– Идите сюда скорей! Царапкин цветок расцвел!

Ребятишки сбежались к зацветшему кусту. Подошла и руководительница детского сада Полина Аркадьевна:

– Кто расцвел? Колючкин-царапкин?

Она присела перед кустом и, не дотрагиваясь до ветки, понюхала цветок.

– Очень душистый. А вы знаете, дети, как его зовут?

– Колючкин-царапкин! – закричали ребята вразнобой.

– Нет, – сказала Полина Аркадьевна, – это мы его так прозвали. А по-настоящему он называется «шиповник».

– Ши-пов-ник, – повторила Изюмка, и ей показалось, что даже самое это слово тоже розовое и душистое, как его цветок.

– А как ты думаешь, почему его так называли? – спросила

Полина Аркадьевна у Изюмки. – А ну-ка повтори название.

– Шип... Шиповник... Шип... – повторила несколько раз Изюмка и вдруг догадалась: – А, шип! Потому что на нем шипы!

– Правильно! – Полина Аркадьевна кивнула головой, и у нее из волос тотчас упала коричневая роговая шпилька.

Все бросились поднимать. У Полины Аркадьевны постоянно падали шпильки с головы, и ребятишкам это нравилось, как игра: кто успеет схватить шпильку, тот имеет право воткнуть ее в кудрявые волосы Полины Аркадьевны. А волосы у нее были такие, что никаких шпилек и никаких гребенок не слушались и всё норовили рассыпаться во все стороны.

– Шиповник, потому что на нем шипы, – сказала Полина Аркадьевна. – И вот как интересно, ребята. Мы все его дразним «колючкин-царапкин». А он взял да и приготовил нам цветочек к празднику!

– А какой праздник? – спросил толстый Витя, уставив на нее безоблачно-голубые глаза.

Полина Аркадьевна изумленно подняла брови:

– Вы забыли?

Первой спохватилась Лена, она захлопала в ладоши и запрыгала на одном месте:

– Мама придет! Сегодня мама придет!

Изюмка вспомнила: родительский день! Как же она не подумала об этом сразу, когда проснулась? Изюмка тотчас по-

вернулась и побежала к воротам. Может быть, там папа, и Зина, и Антон пришли давным-давно и дожидаются, когда она их встретит!

Но за воротами было тихо, безлюдно. Солнечные пятна бродили по зеленой траве, по лиловым и желтым цветам, а деревья там стояли высокие, такие высокие, что верхушку у них никак нельзя было увидеть. Они стояли неподвижно, грелись на солнышке и думали о чем-то. Высоко в ветвях, в зеленом сумраке, запела птичка, в ответ ей мимолетно прошелестела листва. Что сказала птичка? Что ответили ей деревья?

Изюмка не сомневалась в том, что деревья разговаривают между собой, она сколько раз слышала, как они шепчутся. Только вот никак не разберешь, что они говорят. А может, они нарочно так неразборчиво говорят, потому что не хотят, чтобы Изюмка их слышала и понимала?

Прямая светлая дорога уходила вдаль и пропадала где-то в приземистых темно-зеленых кустах. Она была посыпана песком, а по краям пестрыми грядками стояли анютины глазки. Эти цветы рвать нельзя, потому что они глядят вокруг своими глазками и у них такие милые маленькие лица. Изюмка любила разговаривать с этими цветами, если ей случалось проходить мимо.

Изюмка стояла у ворот, прижавшись лицом к зеленой деревянной решетке, смотрела, как играют солнечные зайчики на белой дороге и лиловых цветах.

И вдруг она увидела Зину. Зина волшебным образом появилась из-за кустов; она шла к Изюмке своим легким шагом; солнечные зайчики играли в ее белокурых волосах, бегали по ее плечам, по ее платью с голубыми горошинами. Зина шла, помахивая маленьким чемоданчиком, и улыбалась Изюмке.

Изюмка, наконец поверив, что это ей не грезится, что это живая Зина идет к ней, легонько взвизгнула от радости и, схватившись за деревянные переплеты ворот, принялась кричать:

– Зина! Зина! Зина идет!

Подошел сторож, хромым дядя Илья, отпер ворота и распахнул их настежь – пускай идет родня.

– Вот ранняя пташка, – сказал он, – первая, как ласточка.

Изюмка, вырвавшись из ворот, бросилась Зине навстречу. Зина присела, раскрыла руки, и маленькая сестренка с разбегу налетела на нее, обняла ее обеими руками за шею и прижалась щекой к ее щеке. Легкие теплые слезы набежали у Зины на глаза.

«Личное счастье, – подумала она, крепко прижимая к себе Изюмку, – а разве это не мое счастье? Разве это не мое личное?»

Но она тотчас отогнала неприятные воспоминания. Зачем тащить их сюда, в этот мир тишины, зелени и маленьких милых детей!

Изюмка потискала Зину за шею своими теплыми руками, повизжала от радости ей в ухо и тут же оглянулась:

– А папа? А Антон?

– Они не приедут сегодня, Изюмка, – сказала Зина, стараясь, чтобы улыбка у нее получилась беззаботной. – Папа не мог поехать, у него какая-то работа срочная. Ну, а Антона я не взяла, пускай с папой побудет, правда? А то как же получается – мы все вместе, а папа один. Нехорошо, правда?

Изюмка подумала и со вздохом кивнула светлой головой:

– Правда. Пускай с папой побудет. А потом все ко мне приедете, да, Зина?

– Конечно, Изюмка. Иначе и быть не может.

Изюмка снова обхватила Зину за шею и вдруг сказала, глядя ей в глаза:

– У тебя глазки болят?

Зина удивилась немножко чересчур весело:

– Почему это?

– Да, болят! У тебя глазки красные. У Коли Казарина были красные, так ему капли пускали.

Зина провела рукой по глазам:

– Нет, Изюмка, это так просто, ветром надуло. Я ведь на грузовике ехала. Наша заводская машина шла мимо, я и попросилась. Прямо от дома и сюда. Вот ловко, а? А то автобуса ждать... Ну что ты на меня смотришь? Вот гляди лучше, что я привезла тебе.

Зина открыла чемоданчик. Там было два апельсина, три конфетки «Мишка на Севере» и книжка для раскрашивания. Зину предупреждали, чтобы сладости в детский сад не

возить, но как же все-таки прийти с пустыми руками? Изюмка схватила и апельсины, и конфеты, и книжку и так со всеми прижатыми к груди богатствами повела Зину к дому.

В это время к воротам подошел автобус. На площадке перед домом сразу стало тесно, весело и шумно. Мамы, бабушки, отцы приехали навестить своих ребятишек. Они уселись на скамейках вокруг клумбы, на деревянных ступеньках веранды, кто-то пристроился на старом пеньке под кустами.

Лена сидела рядом со своей мамой на лавочке, болтала короткими толстыми ногами и грызла большое красное яблоко, Увидев Изюмку, она протянула ей яблоко:

– На, откуси.

Изюмка откусила и дала Лене конфетку. Полина Аркадьевна, придерживая шпильки в пушистых волосах, сбежала по ступенькам веранды. Она обошла гостей, поздоровалась с ними, поговорила, а потом подозвала Зину, усадила ее на дальнюю скамеечку возле жасминного куста и сама села рядом.

– Как у тебя дома, девочка? Все ли хорошо?

– Все хорошо, – сдержанно ответила Зина.

Полина Аркадьевна внимательно поглядела ей в глаза:

– Правда?

– Правда.

– Ну и отлично, – сказала Полина Аркадьевна, а Зина в ее голосе слышала: «Не хочешь – не говори. А я-то вижу, что не все хорошо».

Зина покраснела и опустила ресницы.

– А у нас кустик зацвел! – начала рассказывать Изюмка. – То кололся, царапался, а то вдруг взял да и расцвел. Это он к праздничку, к вашему приезду. И потом, на лугу есть колокольчики, они звенят по утрам...

– Катя! – остановила Изюмку изумленная Полина Аркадьевна. – Какие колокольчики звенят?

– А те, лиловые. У них есть язычок желтенький, и они звенят, я сама слышала. А еще одна птичка вечером всегда кричит: спать пора! спать пора! Тетя Полина, знаете, у папы работа срочная, и Антон с ним остался. А то бы папа один был, разве это хорошо, правда?

– Конечно, – согласилась Полина Аркадьевна. – А папа здоров?

– Здоров, спасибо, – ответила Зина.

– И Антон здоров?

– Он здоров.

Зина не сумела скрыть тени, пробежавшей по ее бровям. Полина Аркадьевна провела рукой по гладким белокурым косам Зины:

– Славные косы у тебя, Зина. И вообще ты у нас человек славный. Как собираешься провести лето?

– Хотела в поход, но...

– А что же мешает?

– Антона оставить нельзя.

– Но ведь вы же хотели его в пионерский лагерь?

– Нет, нельзя его в лагерь. За ним очень смотреть надо.

Как только речь коснулась Антона, у Зины упал голос и слезы подступили к горлу. Полина Аркадьевна ждала, но Зина не могла рассказать того, что случилось дома. Это было так горько, так страшно, так стыдно... Утром отец поймал Антона на улице, когда тот выпрашивал у прохожего копеечку на кино. Прохожий не дал, Антон крикнул ему вслед: «Жадина!» – и плюнул сквозь зубы. Отец схватил Антона за шиворот и привел домой.

Отец привел Антона домой расстроенный, разгневанный, огорченный до глубины сердца. И дома никого не было.

А где же была она, Зина, старшая сестра? Где она была в то время, когда Антон шатался по улицам без присмотра?

Она бегала к подругам, сидела в гостях у Тамары, шила себе сарафанчик для похода, ездила с Фатьмой на выставку цветов, готовила обед, стирала Антону рубашки, следила, чтобы у него все пуговицы были на месте. Вот за пуговицами-то следила, а самого Антона не усмотрела!

– А мы спутника видели! – прервала ее мысли Изюмка, торопясь выложить сестре все свои новости. – Вечером мы глядели на звезды, а одна звездочка летит-летит и потом пропала. А мы уже ее увидели. Это спутник был! Знаешь, он так пикает в телевизоре – пип-пип-пип!

Полина Аркадьевна встала:

– Ну поговорите тут пока, а я пойду с другими гостями повидаюсь.

– Шпилька! Шпилька! – закричала Изюмка и, вскочив, подняла маленькую роговую шпильку.

– Опять! – охнула Полина Аркадьевна. – Наказание. – И нагнула голову, чтобы Изюмка могла воткнуть шпильку в ее волосы.

В саду было зелено, солнечно. Среди широкой светлой лужайки цвела большая клумба розовых и белых левкоев, их сладкий запах бродил в теплом воздухе. Высокие березы и липы окружали лужайку. А за деревьями мерещились поляны и узенькие дорожки, зовущие куда-то в зеленые края...

– Тебе хорошо здесь? – спросила Зина.

– Хорошо, – ответила Изюмка. – Только ты приезжай почаще.

– Ну вот ты какая. А если я в поход с ребятами уйду?

– В какой поход?

– В далекий. Возьмем рюкзаки, да и пойдем.

– А если устанете?

– Устанем – разожжем костер, сварим кашу, поедим и ляжем спать около костра. Звезды будут над нами светить, месяц... А солнышко встанет – умоемся росой и пойдем дальше.

Насажда уютно прижалась к Зине, и сказка началась.

– А сказки будете рассказывать?

– Ишь, хитрая! – Зина погрозила ей пальцем. – Вот к чему весь разговор!

– Да ты и так давно не рассказывала!

Новая сказка – это один из гостинцев, которые причитались со старшей сестры.

Зина уселась поудобнее, обняла Изюмку за плечи. Изюмка уютно прижалась к ней, и сказка началась.

Сказка эта была про Дюймовочку, про маленькую девочку

ку, которая родилась в цветке. Эта девочка плавала в ореховой скорлупке по озеру, которое помещалось в тарелке. А потом ее утащил жук...

Зина рассказывала сказку, а мысли ее шли своим чередом, каким-то вторым планом, они жгли и мучили ее. Отец поймал Антона на улице. У отца было такое осунувшееся, словно скомканное от горя и от гнева лицо, что Зина испугалась. А ведь она еще не сказала отцу самого главного – о пропавшем рубле. Нет, нет, Зина не скажет ему об этом. Мама, умирая, наказывала беречь отца. Да и как же им не беречь его!

Два расстроенных человека ждали ее дома – отец и Антон. И разве не она виновата в том, что эти два человека сейчас так несчастны?

«Ну что же, не могу теперь из дома выйти? – защищалась Зина сама от себя. – Не имею права с подругами повидаться?» – «Не притворяйся, не притворяйся, – сердито возражала она сама себе, – тебе хочется бегать с подругами, а парнишка давно уже один ходит куда-то. Ах, ты не знала? Очень плохо, что не знала. И неправда это – ты знала, что он опять дружит с Клеткиным». – «Но я же бранила его!» – «А не бранить надо было. Отстоять надо было, защитить от Клетки на. А ты что? Окрики, выговоры?»

– Ой, Антон, Антон! – вдруг посреди сказки вздохнула Зина. И тут же испуганно поглядела на Изюмку: проговорила или нет?

Изюмка засмеялась:

– Что это ты? Тут крот пришел к Дюймовочке, а ты – Антон? Крота, что ли, так звали?

– Так, что-то мне Антошка вспомнился, – сказала Зина. – Может, они с отцом сейчас тоже про нас говорят.

– Наверное, говорят, – согласилась Изюмка. – Но ты досказывай, досказывай!

Какая же это была трудная и длинная для Зины сказка! То лягушки украли Дюймовочку, то мышка решила выдать ее замуж за слепого крота... Просто конца нет злоключениям этой крошечной цветочной девочки. Но вот, наконец, летит Дюймовочка на спине ласточки через леса и моря в теплый край, где растут огромные красивые цветы, а в этих цветах живут такие же маленькие, как она, человечки с прозрачными крылышками – эльфы. И, пока эльфы радовались Дюймовочке и плясали вместе с ней на лесных росистых полянках, а светляки светили им, в голову лезло одно и то же: «Как-то дома... Что там?»

Прозвонил колокольчик, позвал ребят обедать. А вслед за обедом подошел к дверям тихий час. Загудел за воротами автобус. До свидания, родители! До свидания, мамы, папы и дедушки! До свидания, сестра Зина!

Зина, прощаясь, поглядела Изюмке в глаза:

– Изюмка, ты ничего не будешь от меня скрывать? Ты все-все будешь мне рассказывать?

– А про что?

– Ну про все, что с тобой случится, куда ты будешь ходить,

с кем ты будешь водиться. Про все будешь мне рассказывать?

– Буду про все, – серьезно ответила Изюмка.

– Как маме, да?

– Как маме.

Изюмка снова обхватила руками Зину за шею и прижалась носом к ее щеке.

Автобус гудел, звал Зину. Зина крепко обняла Изюмку, прошептала: «До свидания!» – и побежала к автобусу.

– Катя, пойдем чай пить! – сказала Полина Аркадьевна. – Сегодня твои любимые ватрушки с творогом!

Изюмка еще минуточку постояла у ворот. Там за воротами опять было тихо, только перекликались птички и шептались деревья. Изюмка повернулась и, подпрыгивая, побежала пить чай.

БЕСПОЛЕЗНЫЙ РАЗГОВОР

Вальцовщик Стрешнев знал слесаря Клетки на: они в одной смене работали на заводе, иногда возвращались вместе домой. Но Стрешнев, всегда трезвый и сдержанный, не искал дружбы с Иваном Клеткиным, а скорее сторонился его.

Клеткин был кроткий и тихий человек, но до первой рюмки. Выпив, он сразу преображался. Он вдруг начинал повышать голос, с каждой фразой все выше и выше. Он стучал себе кулаком в грудь и кричал, что никого не боится, что, наоборот, скоро все другие его заботятся. Он начинал приставать к знакомым и незнакомым и грозно спрашивал: боятся они его или нет. Нет? Ну тогда он сейчас покажет, кто он такой, и все узнают, можно ли его бояться.

Маленький слабый слесарь Клеткин лез в драку с кем попало. Никто с ним не связывался, просто отталкивали его или, сжалившись, уводили домой. Стрешнев брезгливо проходил мимо. У него все это не вызывало сочувствия, наоборот, было противно.

– Слабость! – иногда говорил кто-нибудь из товарищей, снисходительно махнув рукой.

– Распущенность! – возражал Стрешнев. – Свинство, и больше ничего.

И разве думал он, что когда-нибудь пойдет к Ивану Клеткину разговаривать о своем сыне и что Иван Клеткин в ка-

кой-то мере будет решать его судьбу!

С потемневшим лицом, с заострившимися скулами Стрешнев постучался в квартиру, где жили Клеткины. Еще из-за двери услышал он пьяный голос:

– А! Вы меня ни во что не ставите? Ни во что? Молчать! По струнке ходить! По одной половице! Ну?

Стрешнев вошел в комнату. Иван Клеткин сидел, развываясь на стуле. Одна нога его была в сапоге, другая путалась в портянке.

Жена молча убирала со стола. Она сегодня, ради воскресенья, постелила чистую скатерть, поставила букетик душистого горошка, приготовила хороший обед. И сама приделась: белое в синюю полоску платье молодило ее. Утром, когда муж вышел купить папирос, она весело ходила по прибранной комнате, заглядывала в зеркало и улыбалась от удовольствия. Она, оказывается, еще и не старая совсем, глаза у нее еще яркие, серые с блеском. Просто жизнь у них какая-то нескладная: муж то пьяный, то больной, парень от рук отбился, ни праздника, ни буден, все не так, как надо...

Но теперь все будет иначе. Вчера ее портрет – портрет крановщицы Ксении Любимовны Клеткиной – был напечатан в многотиражке на заводе. Ее поздравляли, она видела вокруг себя столько добрых лиц, столько улыбок, что и сама вдруг вся просветлела и заулыбалась.

Вот тут и созрело решение взять в свои руки домашнюю жизнь, потребовать от мужа, чтобы перестал пить, погово-

ритель, может, поссориться, пригрозить... Ссориться с Иваном не пришлось, он сразу со всеми ее доводами согласился.

– Да что ты, неужто мне дороже водки ничего нет? – сказал он, сделав изумленные глаза. – Ведь это я так, сдуру. А захочу бросить, так сразу и брошу. На что мне она? У меня знаешь какой характер? Как скажу, так и будет.

– И что с Яшкой делать, тоже в сам-деле подумать надо. Не то учить, не то нет. Учительница приходила, жаловалась. Пионеры житья не дают, пристают, требуют чего-то. А я – что говори, что не говори, – не слушает. Отцовская рука нужна, Иван!

– А как же? Подожди, я за него возьмусь. Он мою руку живо почувствует!

Только вчера были все эти разговоры и приняты все решения. Утро началось тихое и веселое, словно что-то новое, хорошее вошло в давно запущенную, безрадостную квартиру. Ксения Любимовна приказала Яшке чисто умыться, дала ему голубую рубашку. С песенкой, которую любила напевать когда-то в молодости, принялась готовить завтрак. Даже кофе сварила сегодня, хороший крепкий кофе, праздничный запах которого пошел по всей квартире.

Потом Иван ушел за папиросами. И вернулся вот только к обеду, и в таком вот виде... Мечты сразу разлетелись, все погасло. Нет, не вырваться им из этой тоски, никому не вырваться – ни Ивану, ни ей, ни Яшке. Нет, все останется как было, и жизнь пойдет все так же, кувыркком и кое-как. И как

могла она поверить этому человеку?

Когда Стрешнев вошел в комнату, Ксения Любимовна сверкнула в его сторону недовольным взглядом и покраснела. И что ходят, когда их не зовут? Очень ей нужно, чтобы посторонние люди любовались ее пьяным мужем, ее бедой!

– Здравствуйте! – сняв кепку, сказал Стрешнев.

– Милости просим, Андрей Никанорыч! – ответила хозяйка, не оборачиваясь и с досадой гремя тарелками.

– А! Стрешнев! – заорал Иван Клеткин. – А у нас, брат, праздник. А как же? Воскресенье – не каждый день, а только раз в неделю. А она, гляди-ка, сердится, – он кивнул на жену, – героиня-то наша! А что такое героиня? Героиня труда! Подумаешь! В газетке в нашей напечатали. Да я если захочу, так меня завтра в «Правде» напечатают. А то газетка, многотиражка. Тьфу, и все. Садись, Стрешнев. Ты меня не бойся.

Стрешнев сел. Он с угрюмой печалью глядел то на Клетки на, то на его жену, уголок его рта нервно подергивался, и он не знал, как начать разговор и стоит ли начинать.

– С чем пожаловал, Андрей Никанорыч? – сухо, еле разжимая губы, спросила Ксения Любимовна.

– Да вот о ребятах наших хотел поговорить...

Ксения Любимовна насторожилась:

– А что такое? Случилось что-нибудь?

– Очень даже случилось. По босяцкой линии они у нас с вами пошли. Давайте думать, что делать с ними...

Хозяйка вспыхнула:

– Ну уж если ваш по босяцкой линии пошел, так вы других не путайте. Еще чего! Тут учительница пришла, сидела, в уши дула – учиться не стал, что ж вы думаете с ним делать, да то, да се... Теперь вы еще какую-то линию ему приплетаєте. Ну, учился плохо, ну, бросил школу... А что я могу сделать? Не хочет – вот и не учится. Не всем же учеными быть. А вот уж вы... Да соображаете вы, что говорите-то, в самом-то деле!

– Если я говорю – значит, я знаю, – не повышая голоса, возразил Стрешнев, и уголок рта у него задрожал еще больше. – И не жаловаться я на него пришел, а предупредить, чтобы вы взяли его в руки.

– Своего берите в руки, если ваш по босяцкой линии пошел! – со слезами обиды ответила хозяйка. – А то что ж это такое, в самом-то деле! Уж хуже моего и нет? Учить приходят! Своих учите!

Стрешнев молча посмотрел на нее и встал:

– Своего я научу. Но ведь мой-то еще маленький. А вашему работать пора, а не бегать по дворам да не подбивать маленьких на всякие плутни.

– Здравствуйте! – Ксения Любимовна уже кричала, она была похожа на разъяренную наседку, которая защищает своего цыпленка, все равно какой бы он ни был. Раз он ее сын – значит, лучше его нету и виноватым он никогда быть не может. – Здравствуйте! Это, может, ваш моего плутням учит. А мой этого не позволит!

– И не позволю! – вмешался Иван Клеткин. – Никому не позволю меня учить!

– Я вижу, с вами не договориться, – устало сказал Стрешнев, встал и направился к двери.

– Постой, постой! – остановил его Клеткин. – Ты что, не веришь? А знаешь, как меня в переулке бандиты встретили? Подходят: «Давай часы!» А я – одного налево, другого – направо. Словно бабки, так и летят! А которые на ногах остались, разбежались кто куда! А потом из-за угла поглядывают... А я: «Подходи. Кто там еще?» Ну они на попятный, видят, дело плохо. «Да что ты, говорят, Клеткин? Мы у тебя прикурить хотели. Вот и все». А сами за угол да бежать. Так и сгнули. Во как! Запомнят Клетки на. А ты будешь меня учить? Не позволю!..

Стрешнев вышел. По коридору от двери метнулся Яшка. Стрешнев поймал его за руку. Яшка молча и яростно начал вырываться, но Стрешнев без всяких усилий вывел его на лестницу.

– Поговорим давай, – сказал Стрешнев. – Или ты только с Антоном храбрый?

Яшка тотчас принял надменный вид. Если с ним хотят говорить, пожалуйста. Не испугался. Он независимо присел на подоконник и с мрачным вызовом глядел на Стрешнева. Нет, Яшка уже не боялся его, он же слышал, что говорилось дома. Если бы мать поверила Стрешневу, еще стоило бы встревожиться. Но если мать за него, за Яшку, то что мо-

жет ему сделать посторонний человек – Стрешнев?

Стрешнев, прищутив темные, окруженные морщинками глаза, разглядывал Яшку. Желтые нечесанные вихры. Нос кверху. Дерзкий взгляд. Немытые, с черными ногтями руки... Беспризорник, и все. А ведь и отец, и мать есть...

– Что же ты, Яшка, думаешь делать все-таки? – начал Стрешнев. – Школу бросил, потерял год...

– А что мне школа? – Яшка хотел сплюнуть, но почему-то сдержался. – Люди и без школы живут.

– Те, кто без школы, очень плохо живут. Ну куда ты пойдешь? В грузчики? В землекопы? Так уже и эти работы машины делают.

– Куда-нибудь пойду. Была бы шея – хомут найдется.

– Нашел пословицу, нечего сказать. Что ж ты, весь век собираешься в хомуте ходить?

Яшка дерзко взглянул на него и оскалил крупные зубы:

– А вы не в хомуте ходите?

Стрешнев еле сдержался, так ему хотелось сдернуть с подоконника Яшку да отлупить хорошенько! Но он никогда не бил своих детей. Чужого он тоже не мог ударить. Он справился со своим мгновенным гневом, но чувство было такое, будто мальчишка дал ему пощечину.

– Нет, я не в хомуте хожу, – ответил он, стараясь говорить спокойно. – Я свою работу люблю. А хомут разве любят?

– А я вот никакую работу не люблю. И работать я не буду, никогда!

– А кто ж тебя кормить станет? Всю жизнь собираешься на чужой шее сидеть? Люди вон какие подвиги совершают – новые города строят, дороги в дикой тайге прокладывают, целину распахивают. В Космос, вон, летают! А тебе ни до чего и дела нет?

– А какое мне дело? Распахивают – ну и пускай распахивают, если им хочется. А мне вот не хочется.

Стрешнев внимательно поглядел на него:

– Да ты, брат, оказывается, не наш, не советский человек растешь.

Яшка соскочил с подоконника:

– А чей же я? «Не советский»! Еще чего!

Но Стрешнев уже повернулся и пошел вниз по лестнице. Яшка, сунув руки в карманы, глядел ему вслед. Яшке необходимо было, чтобы Стрешнев остановился и ответил ему.

– Почему это я не советский? Что я – в Америке, что ли, родился? Я небось в Москве родился!

Но Стрешнев, не отвечая, спустился с лестницы, и дверь за ним захлопнулась. Яшка мигом слетел вниз, выскочил на улицу.

– Я небось в Москве родился! – крикнул он еще раз вслед Стрешневу.

Но Стрешнев ушел, так и не обернувшись и не ответив ему ни слова.

– Нашел дураков, – бормотал Яшка. – целину распахивать. На пустом месте жить, в палатках всяких. В болотах

там... Очень надо. Слышали, знаем! Пускай дураки едут. Я тоже поеду, только вот сейчас сбегая калоши надену! Поговорили, всё. Сеанс окончен. А почему это я не советский человек, когда я в Москве родился? В Америке, что ли?..

МАЛЕНЬКИМ НУЖНЫ СТАРШИЕ

Антон сидел у окна и смотрел во двор. Там, на расчищенной площадке, ребяташки играли в «чижика». Антон участвовал в игре, он «болел». При каждом удачном ударе лаптой он кричал: «Ловко! Крепко!» Если били мимо – «Мазила!» А когда Витя Апрелев поймал «свечу» Антон заорал так, что от восторга чуть не свалился с подоконника.

Ребята услышали его.

– Выходи! – закричали сразу несколько голосов.

Антон ринулся было к двери, но тут же и остановился. Им хорошо. А его подстерегает Яшка. Антону казалось, что стоит ему только покинуть свою квартиру, которая так надежно защищала его, и Яшка окажется тут как тут.

В дверь позвонили. Антон вздрогнул и окаменел. Только подумал про Яшку, а он уже здесь, уже и в квартиру врывается...

Соседка-пенсионерка Анна Кузьминична выглянула из своей комнаты:

– Ты что ж стоишь? Не слышишь – звонят?

Но Антон глядел на нее широкими, испуганными глазами и не трогался с места.

На площадке зазвенели ключом. Дверь открылась, и Зина

с сумкой в руках вошла в прихожую. Не успела она удивиться – чего это Антон дома, а дверь не открывает, – как парнишка, взвизгнув от радости, бросился к ней. Он выхватил у Зины сумку из рук и потащил в кухню.

– Чудной какой-то стал. – Анна Кузьминична пожалала плечами. – Говорю: открывай, а он стоит, глаза вытаращил!

Но Зина поняла. С острой жалостью в сердце, но с веселым лицом она подошла к Антону, поерошила рукой его светлый чубчик.

– Почему ты не пошел в пионерский лагерь, Антон?

Антон ответил, не глядя:

– Не хочется. А что там? Жарко.

– А со мной пойдешь?

Антон живо вскинул на нее заблестевшие глаза.

– Пойду!

– Надень чистую рубашку.

Антон бросился к комоду. Зина грустно усмехнулась:

«Не хочется ему, жарко! Эх ты, воробей! Боишься ты этого Яшку до смерти, бедняга ты мой!»

Зина и Антон быстро собрались и отправились в лагерь. Во дворе Антона сразу позвали играть в «чижика». Антон вопросительно поглядел на Зину.

– А почему вы во дворе играете? – сказала ребятам Зина. – Пойдемте, я вас в лагерь провожу. Там сегодня будут новую песню разучивать. Чего же это вы тут зеваете со своим чижиком! Кто хочет, идемте.

Первым подбежал тоненький белокурый Витя Апрелев. Потом подошли еще двое – Сенька Шапкин и Юра Киселев. Сенька белобрысый, краснощекий крепыш, стараясь засунуть в карман оторвавшуюся от штанов лямку, глядел на Зину исподлобья и бурчал басом:

– Ага, пойдете. А нас выгонят.

Зина рассмеялась:

– Откуда ты такой взялся? Как же это вас, младших школьников, выгонят из пионерского лагеря?

– А мы же не пионеры.

– Вот я его всегда зову, – тоненьким, как у девочки, голосом сказал Витя Апрелев, – а он все боится, что выгонят.

– Он озорник, наверное, потому и боится, – сказала Зина. – Ну довольно разговаривать, пошли.

Антон любил своих друзей. Но дорогой он все-таки старался их оттеснить от Зины, все-таки она его сестра, а не их! Он не хватался за ее руку, как бывало, но, сунув руки в карманы, поталкивал ребят то одним плечом, то другим. И вдруг, неожиданно для себя, достигнув высшей точки хорошего настроения, Антон лихо сплюнул на тротуар.

Он тут же испуганно вскинул на Зину глаза: сейчас она обидится, рассердится. Он все испортил!

Но Зина только поморщилась и тихо попросила:

– Не надо, Антон!

– Я больше не буду, – поспешно сказал Антон. И повторил еще раз, как можно убедительней: – Я больше никогда не

буду.

Едва они подошли к зеленым с красным полотнищем воротам лагеря, как навстречу им вышли стройными рядами девочки и ребята, пионеры-шестиклассники, с рюкзаками за спиной. Отрядный вожатый Ваня Фирсов, молодой рабочий с завода, шел впереди. Пионеры прошли четко, красиво, как ходят солдаты, и вскоре скрылись за поворотом. Ребятишки проводили их жадными глазами.

– А куда они, а? – тотчас пристал Сенька Шапкин. – А куда?

– В поход пошли, – ответила Зина, все еще не в силах отвести взгляда от угла, за которым скрылись ребята. – Куда-нибудь в колхоз, наверное. Да, да, я вспомнила, в подмосковный колхоз полоть капусту. Счастливые!

– Ага... – мечтательно протянул Сенька.

– И я бы пошел, – сказал Антон, но тут же, оглянувшись на Зину, добавил: – Если бы с тобой.

– А я бы и с ними пошел, – сказал Сенька, – а чего? Хорошо!

– А они в речке там будут купаться? – спросил Юра Киселев. – Я бы искупался. Жарко.

– Они тоже искупаются, – улынулась Зина. – Да и что это вы затужили, ребята? Мы тоже как-нибудь соберемся, да и съездим за город на реку и тоже купаться будем!

Неизвестно, кого больше утешала Зина: ребятишек или себя. С самой зимы собиралась она со своим классом в по-

ход. Как мечтали они, сколько планов строили! И чуть ли не каждую неделю эти планы менялись в зависимости от того, кто брал верх. Если верх брала Сима – ребята мчались в Горный Алтай, карабкались по крутым и узким тропам к волшебному Телецкому озеру... Если Вася Горшков – шли по военным дорогам героев Отечественной войны... Если Фатма – устремлялись в Асканию-Нова и в южные совхозы, где благоухают плантации роз... Если Шура Зыбина – они мирно брели по колхозным полям, подолгу задерживаясь на молочных фермах...

А Зине все было хорошо, все интересно – и Горный Алтай, и дороги героев, и колхозы, и розовые плантации. Лишь бы идти, лишь бы идти! Лишь бы увидеть тот широкий мир, который лежит за пределами московских улиц!

И что же вышло? Ребята собрались и пошли. Дружные, веселые, с рюкзаками за спиной. Начальником отряда пошел студент-геолог Артемий. Артемий сказал, что ребята должны знать, на чем растет хлеб, который они едят.

А Зина осталась. Как ей уйти, как оставить Антона? Разве его жизнь, которая вдруг так неожиданно и круто повернула на кривую и темную дорогу, не важнее ее личных радостей, ее личного счастья? Да и что останется от ее личного счастья, если ее маленький братишка, которого она обязана опекать, защищать и предостерегать от неверных поступков, без нее совсем собьется с пути? Да и где оно, это личное счастье? Там ли, где друзья, веселье и магическая радость затаенной

любви? Или здесь, где она должна быть, – около ее незащищенного брата? В том ли оно, личное счастье, чтобы добиваться радостей для себя? Или в том, чтобы исполнять долг?

«Не знаю, не знаю... – Зина отмахнулась от охвативших ее мыслей. – Я должна быть здесь, с Антоном. Вот и все. Я уже довольно перед ним виновата. Слишком виновата. Маленьким нужны их старшие сестры и братья, очень нужны! И всё».

В лагере Зину ждала неожиданная горячая радость: на июль пришла дежурить в лагере ее любимая учительница Елена Петровна.

– Ой, как я рада! – повторяла Зина, глядя в теплые карие, с золотистым сиянием глаза учительницы. – Ой, как я рада, ой, как хорошо, что вы пришли!

– Здравствуй, здравствуй, Зина. – Елена Петровна знакомым жестом провела рукой по белокурым Зининым волосам. – Как вы все поживаете? А это кто же – Антон?

Елена Петровна наклонилась к нему, пощекотала его за ухом:

– Здравствуй, Антоша! Ну и вырос же ты! Скоро в пионеры будем принимать, а? А это кто такой черноглазый? – Елена Петровна обратилась к его товарищам. – Юра Киселев? Приятно познакомиться. И Витя Апрелев пришел? Вот замечательно. А это кто?

– Это Сенька Шапкин, – сказал Антон, ободренный такой хорошей встречей.

– Что? – не поняла учительница. – По Сеньке шапка?
Ребятишки засмеялись.

– Не, – басом пояснил Сенька. – Я Сенька Шапкин. А это так меня в школе дразнят.

– Фу ты, как неловко вышло, – сказала Елена Петровна, – извини, Сеня. Только встретились, а я уже и дразниться. Я больше не буду, я просто не расслышала.

– Ничего, – снисходительно ответил Сенька.

На площадке у младших мягко запел баян.

– Ага! Уже начинается. Идемте скорей песню разучивать, все, все идемте!

– А мы не умеем... – начал было Антон.

– Ничего, сумеете.

Они все вместе бросились бегом на площадку. Пристроив ребятишек к поющему кружку, Елена Петровна отвела Зину в сторонку и усадила на лавочку рядом с собой.

– Ну как ты, Зина? Как ты живешь? Все ли в порядке дома? Давно тебя не видела!

Зина была счастлива, ей казалось, что она вся согревается под этим добрым взглядом учительницы. Темные, с золотым отсветом глаза смотрели на нее ласково и так внимательно, что, казалось, читали ее мысли, и поэтому нельзя было отделаться какой-нибудь отговоркой. Да и надо ли было отделываться?

– Не знаю, как сказать... – Зина опустила ресницы, ее нежное лицо как-то сразу потускнело и ямочки на щеках

пропали. – Все не так получается.

– Подожди минутку. – Елена Петровна подошла к девочкам, которые возились около цветочной клумбы, что-то подсказала им и опять вернулась к Зине. – Давай поговорим. Что же все-таки не так?

Но Зине уже не хотелось ни о чем рассказывать. Кругом так весело – чирикают воробьи, поют ребятишки, так славно гудит баян и сама Елена Петровна такая веселая... А Зина начнет тут жаловаться, портить настроение людям.

– Да нет, ничего, – сказала она как могла беззаботно, – в поход я хотела. Да вот Клеткин этот пристал к Антону, начал сбивать. Такой противный этот Клеткин, ну прямо терпеть его не могу. Хоть бы он пропал куда-нибудь!

Последние слова у Зины прозвучали с такой досадой, с таким горем, что учительница снова пристально поглядела на нее своими темными внимательными глазами.

– Я тебя не узнаю, Зина. Что случилось?

Но Зина уже пожалела, что начала разговор. Она молчала, боясь расплакаться, и только губы у нее чуть-чуть дрожали.

– Ну хорошо, хорошо, не будем об этом сейчас. – Елена Петровна легонько похлопала Зину по руке. – А вот насчет того, чтобы Клеткин провалился... Тут я с тобой не согласна. Сколько ему?

– Тринадцать, наверное. Большой уже.

– Ну, это еще не большой. С этим еще поладить можно. Нельзя ли его сюда, в наш лагерь, привести?

– Что вы, Елена Петровна! – почти закричала Зина. – Такого хулигана! Он весь лагерь разгонит!

– Ух, какая гроза этот Клеткин! – засмеялась учительница. – Ну подождем, посмотрим.

– Да Антон первый отсюда убежит, если Яшка явится!

– Вот как! Значит, Яшка сильнее всех. И сильнее нас с тобой?

Видя, что у Зины задрожали губы, Елена Петровна заговорила о другом:

– Послушай, Зина, а ты бы не могла мне помочь?.. Таня, Таня, смотри, ты чуть не наступила на гвоздику!.. У нас тут праздник затевается, хотим поставить спектакль... Клашенька, не раскачивай качели так сильно, голова закружится!.. Представляешь – всю эту мелюзгу в костюмах? В клубе на сцене? А?

Елена Петровна засмеялась так, будто уже видела всех этих Клашенек и Сенек Шапкиных играющими на сцене.

Зина улыbnулась:

– Да, смешные они. А что надо делать?

– Я тебе книгу дам с картинками. А ты по этим картинкам помоги нарисовать костюмы. Ладно? А вожатая покажет, как шить.

Это было интересно. Костюмы из сказок, яркие, пестрые, фантастические... Да это просто увлекательно!

– Ладно, ладно! – Зина повеселела, и на щеках у нее снова появились нежные продолговатые ямочки, хотя в черных

ресницах еще чуть-чуть поблескивали удержанные слезы.

– Ладно, ладно, – повторила она, – мы им таких костюмов насочиняем! Ой, обязательно! – И снова повторила, слегка хлопнув в ладоши: – Ой, как хорошо, что вы пришли, Елена Петровна!

К Елене Петровне подбежала маленькая девчушка в красном платьишке, с растрепанными кудряшками.

– Елена Петровна, мы хотим, чтобы вы тоже пели! – Она принялась тянуть учительницу за руку. – А то мы одни не будем.

– Ах, какие вы! Без меня пойте!

– Нет с вами, с вами!

Зина, улыбаясь, глядела на девчушку, ей хотелось схватить эту маленькую, потискать, причесать ей кудряшки. И тут же вспомнилась Изюмка, словно живая встала она перед глазами Зины, и Зина почувствовала, как она соскучилась по своей младшей сестренке, как ей не хватает ее теплых рук, обнимающих Зину за шею, ее смеха, ее щебета...

– Возьмите и меня, – сказала она девочке, – я тоже буду петь!

День прошел – легкий, полный разнообразных и милых впечатлений. Антон так развеселился, так разыгрался, что совсем забыл про Клетки на. Здесь, в пионерском лагере, он чувствовал себя даже в большей безопасности, чем дома. В квартиру-то Яшка, пожалуй, еще может войти. Ну, а уж сюда, где висит на воротах красное полотнище пионерского ла-

геря, ему ходу нет. Что нет, то нет!

С веселой душой пришла домой и Зина. Новые дела – костюмы для спектакля, которые надо нарисовать, маленькие актеры, которых надо будет учить играть их роли, – все это так забавно и занятно! А главное, Елена Петровна опять здесь, с ними.

Отец, слушая рассказы о лагере, видя радостное оживление Антона и Зины, и сам радовался вместе с ними. Все-таки хорошие у него дети растут! Трудно им без матери расти хорошими, а вот все-таки хорошие!

После обеда... а может, это не обед, а ужин? Ведь отец приходит с работы в семь, какой же это обед? А впрочем, пускай будет обед, если они днем не могут собраться за столом все вместе! После обеда отец сказал Антону:

– А может, нам пройтись с тобой? Вечер хороший.

Антон запрыгал и завизжал от радости. Еще бы, пройтись с отцом вдвоем, мужчина с женщиной!

– Вот и хорошо, идите, – сказала Зина. – А я тут приберусь немножко.

Еле слышно напевая, Зина быстро вымыла посуду. Потом принялась прибирать комнату. Она любила прибраться с вечера, чтобы утром проснуться в чистой квартире и не тратить хорошее утреннее время на возню со щетками и тряпками.

Подметая в спальне, она наткнулась на какой-то узел. Что такое?

Это был ее рюкзак!

Зина выпустила щетку из рук. Вот валяется ее походный рюкзак в углу, и никому он уже не нужен. Зина подняла его. Так недавно она, со счастливым сердцем, пришивала оторвавшуюся лямку, закрепляла ремешки. Сколько всяких радужных мечтаний связано с этим зеленым старым рюкзаком, сколько веселых дней обещала жизнь!

Тотчас вспомнился отряд пионеров, с рюкзаками за спиной, четко прошагавших мимо. Так же ушли и ее товарищи, прошагали по улице и скрылись на все лето. И с ними, как тот вожатый Ваня из литейного, пошел студент-геолог Артемий, самый красивый и самый умный на свете человек...

Зина уткнулась лицом в свой рюкзак и расплакалась. Все-таки очень трудно отказываться от своих радостей.

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Хоть и редко встречалась Тамара со своими школьными товарищами, но все же она почувствовала, что их улица как-то опустела. Проходит мимо зеленого домика Фатьмы и не слышит ее голоса, только белозубая Дарима, мать Фатьмы, выметает и прихорашивает свой усаженный цветами двор. Проходит мимо школьного участка и не видит там среди грядок Зыбиной Шуры. Проходит мимо футбольной площадки – и ни Андрюшки Бурмистрова там нет, ни Васьки Горшкова...

А как бы ей нужен был сейчас товарищ, друг! Она бы попросила сходить к Рогозину, узнать, чем он болен, не лучше ли ему. Ну хоть что-нибудь узнать о нем! Почему мать так отгородила его от всех? Почему к нему нельзя прийти, как к другим товарищам? Тем более теперь, когда он болен и – она сама сказала – тяжело болен?!

Неожиданно ей позвонил Славка Воробьев, парнишка из их класса. У этого лопоухого Славки застряла алгебра, осе- нью переэкзаменовка. Так вот, не даст ли Тамара ему свой учебник, у него учебник куда-то запропастился. Да, кстати, и тетрадки, если есть. А то мать все уши прогудела, что он не занимается. А ребята тоже все куда-то запропастились – эти на футболе пропадают, а те в поход унеслись, а третьи – на рыбалке... Просто безвыходное положение!

Тамара обычно не замечала Славку. Маленький, белесый, с вечно пылающими ушами, рассеянный на уроках и очень способный на всякие проказы, – что могло в нем заинтересовать Тамару?

Но сейчас, услышав его голос, Тамара обрадовалась, будто встретила нечаянно друга.

– Славка, приходи! Славка, ты мне очень нужен!

– А учебник дашь?

Он даже и не поинтересовался, зачем так понадобился Тамаре. А она собралась доверить ему такую заветную тайну!

– И учебник дам! И тетрадки! Только ты приходи сейчас же!

– Я вечером приду... – не сразу, будто что-то прикинув, сказал Славка.

– Почему вечером? Сейчас приходи!

– Да понимаешь... Тут у нас команда на площадке собралась. Никак невозможно сейчас... Иду, ребята, иду! – вдруг заорал он и бросил трубку.

– Дурак! – с досадой и горем крикнула в трубку Тамара.

До вечера было томительно далеко. В квартире, где бродила непричесанная, неприбранная и словно о чем-то крепко и недобро задумавшаяся Антонина Андроновна, было душно от безысходной скуки.

Запустив руки в свои густые кудри, Тамара сидела неподвижно и смотрела в окно. На улице моросил теплый летний дождь, ветки дерева чуть трепетали за окном, и серебряные

полоски бежали по стеклу.

Что сейчас делает Ян? Лежит в постели, бледный, слабый, печальный... Думает ли он о ней? Да, он о ней думает. Он обязательно думает и ждет ее. Он считает Тамару неверной и пустой девчонкой, раз она не приходит навестить его. А разве она виновата? Она приходила! Только надо, чтобы он узнал об этом. Ну и противный же этот Славка со своим дурацким футболом. Ведь дождь, а этим дуракам все нипочем!

В комнату вошла мать. Она грузно уселась на диван, положив руки на колени.

– Ты что, читаешь или так? – спросила она.

– Так, – ответила Тамара не оборачиваясь.

Ее раздражало, что мать мешает ее думам. Ну что ей надо? Делать нечего, вот и ходит из комнаты в комнату.

– К отцу, что ли, съездить? – вдруг сказала мать, разглядывая свои белые полные руки.

Тамара живо взглянула на нее:

– Он тебя зовет?

Антонина Андроновна вспыхнула:

– А почему это, спрашивается, надо, чтобы он меня звал? Я, что же, не могу сама? Возьму да и поеду, естественно!

– Я еще тогда знала, – сказала Тамара, задумчиво глядя на мокрые ветки, – что он совсем уезжает. Когда уезжал.

Мать уставилась на нее растерянными глазами:

– А почему мне не сказала? То-то вы тогда шушукались на вокзале! Почему же ты мне не сказала? Я бы непустила его!

Тамара насмешливо покосилась на нее:

– Привязала бы?

– Да не пустила бы, и все, естественно. Глупости какие!

Прежняя Антонина Андроновна ожила в ней. Она гневно встала с дивана:

– И не посмел бы уехать. Что же я, чужая, что ли? Я жена!

– Оставленная жена.

Антонина Андроновна с изумлением и со страхом уставилась на Тамару. Неожиданно губы ее задрожали, все лицо как-то жалобно скомкалось, скривилось, и слезы подступили к глазам.

– Во как!.. Матери-то... Как с матерью-то...

Эта жестокость дочери, такой любимой, такой балованной, тяжело поразила ее.

– И откуда же это ты такая?!

Тамара чуть повела плечами, но не обернулась.

– Откуда ты такая взялась, говори! – грубо закричала Антонина Андроновна. – Ну? Я тебя спрашиваю!

– Мама, отстань, пожалуйста, – устало ответила Тамара. – Отстань, не трогай меня.

– А что ты за цаца, чтобы тебя не трогать? – снова закричала Антонина Андроновна. – Ишь ты, с отцом-то вы какие благородные! И разговаривать-то с вами никто не достоин!

– Мама! – Тамара уставилась на нее своими большими, мрачно горящими глазами. – У меня горе, не трогай меня!

Мать притихла, удивилась:

– Где? Какое горе?

– Ян Рогозин... болен. Тяжело.

Мать иронически прищурила глаза:

– Ха! А он тебе что – брат, сват, жених? Ишь ты, горе какое нашла! Мало ли их, таких-то Янов, по свету шатается!

И она, небрежно махнув рукой, вышла из комнаты.

«Оставленная жена»! Эти слова были как удар, как пощечина. Как она смела так сказать? Что значит – оставленная? Никакая не оставленная. Они же не разводились!

Антонина Андроновна сердилась, но тайно, сама перед собой, наконец должна была сознаться, что она действительно оставленная жена. Два года муж в совхозе и ни разу не приехал в отпуск. Ему некогда, ему все некогда! И ни разу не позвал ее к себе. Только денежные переводы да привет Тамаре. Тамару звал. А ее нет. Ни разу. Неужели другая заняла ее место?..

– Пусть попробует, – грозно прошептала она, и бывшие огни заблестели в ее синих глазах, – пусть попробует!.. – «Но ведь твоя семья давно уже распалась... – против воли возразила она сама себе, – он же сам тогда сказал: «Все равно у тебя нет семьи»... – И у него не будет! – оборвала она сама себя и крепко пристукнула костяшками пальцев по столу, – вы у меня узнаете, какая я оставленная жена!

Дождь прошел. Предвечернее солнце, просеиваясь сквозь облачную дымку, озарило город теплым розоватым светом. Тамара, занятая своей единственной мыслью – отыскать

Славку и отправить его к Яну, – вышла на улицу. Она шла как одержимая, не видя, какой пленительный вечер спустился в их тихие переулки, какой безмолвной радостью сияют освеженными листьями деревья, как дышат тонким дымком подсыхающие тротуары.

Зажглись фонари и повисли белыми лунами между сразу потемневшими древесными кронами. Люди проходили притихшие, задумчивые. Бывают такие вечера, когда и к городским жителям доносится дыхание полей и лесов, когда и над их головами возникает видение звезд и мерещится соловьиное пение...

— Вам не хочется унизиться? — тихо и презрительно
улыбаясь И...

Вдруг какие-то резкие голоса нарушили эту хрупкую тишину улицы. Из-за угла навстречу Тамаре вышло несколько человек. Они громко, вызывающе хохотали, выкрикивали что-то, сквернословили. Они явно чувствовали себя хозяевами и этой улицы, и жизни вообще. А ну, кто против?

«Хулиганы!» — вздрогнула Тамара и торопливо свернула в сторону, на мостовую.

Молодые люди шли, занимая весь тротуар. Все, кто встречался с ними, спешили уступить им дорогу. И каждого, кто

встречался им, они осыпали насмешками, пьяной бранью, отвратительными выкриками и хохотом.

Тамара перебежала на другую сторону. Но пьяные хлыщи заметили ее.

– Эй, красотка! – закричали они. – Куда же ты?

– Подождите, я ее сейчас остановлю! – сказал один и выступил вперед, приподняв шляпу. – Здравствуйте, мамзель Тамара! Жизнь хороша, не правда ли?

Тамара в ужасе остановилась. Через узкую мостовую, с тротуара напротив, кланялся ей Ян Рогозин, пьяный, со сбившимся галстуком, с космами волос, спускающихся к самой шее... Она с минуту глядела на Яна, не веря своим глазам. Она только приподняла руку, как бы защищаясь от того, что увидела.

– Не узнает, а? – подтолкнул Рогозина стоявший рядом парень в маленькой кепке с заломленным козырьком, с выпуклыми, как у рыбы, нахальными глазами и мокрым ртом.

– Или не хотите узнавать? – нагло и противно ухмыльнулся Ян. – Ничего. Мы вам сейчас напомним о себе...

И он неверным шагом ступил на мостовую, направляясь к Тамаре. Тамара, дико взвизгнув, бросилась бежать. Она не помнила, как влетела в свой переулок, как ворвалась в квартиру.

– Чтой-то? Ай кто гонится? – проворчала Анна Борисовна, открыв дверь.

Тамара заперлась в своей комнате и забилась в угол дива-

на. Ей казалось, что она сейчас умрет. Принц Гамлет! Принц Гамлет!

Она плакала и рыдала, уткнувшись в подушку. Она трясла головой от отчаяния, зажимая руками рот. Приподнявшись, вглядывалась вокруг, стараясь опомниться, взять себя в руки, но тут же снова падала лицом в подушки и заливалась слезами, и стучала кулаками по дивану.

Она не слышала, как мать звала ее. Не слышала, как пришел и ушел ни с чем Славка Воробьев.

– Болен! Болен! Тяжело болен! – повторяла Тамара. – Вот как он болен! Ой!

И, содрогаясь от отвращения, она затыкала уши, словно боясь снова услышать его пьяный циничный голос, и закрывала глаза, словно боясь снова увидеть эту расхлыстанную, в измятом модном костюме, с косматой головой фигуру... Темные с длинным разрезом глаза, иронический излом бровей – не о них ли столько тосковала Тамара? И вот она заглянула в эти глаза – и какие же пустые были они, и какие же они были страшные!

Антонина Андроновна встревожилась. Окликнув несколько раз Тамару, она решила переждать. Пусть успокоится немного; как ни зажимала Тамара свой рот, ее рыдания слышались во всей квартире.

Поздно вечером, когда Анна Борисовна уже заперла входную дверь на ночь и легла спать, Тамара отозвалась на стук матери.

Антонина Андроновна пристально поглядела в ее опухшее, с покрасневшим носом и погасшими глазами лицо.

– Хороша, – покачала она головой. И тут же грозно подступила с расспросами: – Рассказывай начистоту – что стряслось? Нашкодила где-нибудь?

Тамара чуть-чуть дернула плечом и не ответила. На такие вопросы она отвечать не хотела, а грозного тона она не боялась.

– Будешь молчать?! – закричала, покраснев, Антонина Андроновна. – Плетку возьму!

Тамара будто не слышала, только губы ее шевельнулись в кривой, презрительной усмешке.

Антонина Андроновна вдруг сдалась.

– Дочка, ну скажи, что случилось с тобой? – заплакала она. – Ведь я за тебя отвечаю!..

«Перед кем? – хотела спросить Тамара. – Кто у тебя спросит обо мне?»

Но ей стало жалко мать. И себя было так жалко, что больше не хватало сил таить свое горе.

– Он, оказывается, пьяница, мама! Такой противный. Идут, выражаются на всю улицу... Страшные такие все! А я думала – он больной!..

– И это всё?

– А этого мало?

У Антонины Андроновны будто гора свалилась с плеч.

– Фу! – Она встала, и слезы ее сразу высохли. – Нашла

из-за чего реветь! Да тебе-то до него какое дело? Шпана и шантрапа. Вот и все. Мало ли такой шпаны на свете – так из-за всех и плакать? Пускай его мать плачет!

Тамара крепко сжала губы и мрачным, враждебным взглядом посмотрела на мать.

«Уйди из комнаты! – хотелось ей крикнуть матери. – Уйди и не говори со мной больше!»

Но мать и так ушла. Она зевнула, пробормотала, что дочь вся в отца – не поймешь у них ничего! – и ушла, шаркая зелеными туфлями.

Тамара, оставшись одна, достала из ящичка стола отцовы письма. Она долго сидела и перечитывала их. Письма сначала длинные, на две, на три страницы. Потом все короче, реже... Но все-таки в каждом из них неизменно повторяется фраза:

«Тамара, приезжай».

Правда, в последних, коротких, скорее сообщениях, чем письмах, эта фраза звучала уже безнадежно.

«Тамара, приезжай. Но я вижу, что ты не приедешь».

И, как всегда, приписка: «Деньги высылаю. Когда буду в Москве, неизвестно. У меня здесь неотложные, очень срочные дела. Может быть, к осени».

– А я вижу, что ты не приедешь ни к осени, ни к зиме, ни к весне, – пробормотала Тамара, складывая письма. – А насчет меня ты ошибся.

Тамара взяла лист почтовой бумаги и написала своим ре-

шителъным почерком:

«Папа, я выезжаю к тебе завтра»...

СНОВА ЯШКА КЛЕТКИН

На площадке у младших ребят сегодня было очень шумно и весело. Взрывы неудержимого ребячьего смеха разносились по всему двору, проникали в раскрытые окна окрестных домов, и жильцы, улыбаясь, говорили друг другу:

– Что-то наши ребята затевают веселое!

А другие высовывались из окон и старались разглядеть, что творится там, под сиреневыми кустами.

По белым, посыпанным песком дорожкам, между качелями и грядкой анютиных глазок, расхаживал Колобок. Самый настоящий Колобок, розовый, подрумяненный, с большими синими глазами, с большим смеющимся ртом, с растопыренными руками. А оттого, что голова у Колобка была огромная и туловища не было совсем, ручки и ножки казались очень маленькими. И фигура получилась такая уморительная, что все кругом – и малыши, и большие ребята-пионеры, и Зина – просто умирали от смеха. Полянка так смеялась, что свалилась со скамейки прямо в песок. Не смеялся только сам Колобок – ведь он-то не видел, какой он смешной!

– Ну, Колобок получился хороший. – Елена Петровна вытерла слезы, которые выступили от смеха. – Снимай костюм, Антон!

Зина помогла Антону вылезти из картонного шара – Колобка. Антон, раздурявшийся и счастливый, глядел то на

одного, то на другого своими широкими голубыми глазами.

– А думаете, я вас не видел? Я вас тоже всех видел! В дырочки!

– Что – нас! – ответил ему Кондрат. – Если бы ты себя самого видел!

И «Умелые руки», и библиотека, и игры, и рукоделие сейчас были оставлены. Вся площадка участвовала в подготовке ребят к спектаклю. Ведь спектакль будет поставлен в заводском клубе, придут смотреть отцы и матери!

– Колобок хорош, а как Заяц?

Зайца изображала смешливая проказливая Поля. Все видели, что это Поля, потому что лицо у нее было открыто, по все-таки и Заяц получился занятный: большие белые уши качались у него на голове, а сзади топорщился очень смешной кургузый хвостик.

Волком был Сенька Шапкин. Он рычал и фыркал. На лице у него скалилась зубами страшная волчья пасть. И, когда Сенька совался к девочкам, те визжали и спасались от него с криком и с хохотом.

В разгар шума, веселья и деловой суеты на площадку неожиданно вошла Тамара Белокурова. Она вошла, как входит томная туча в сияние солнечного дня, как недобрая весть – в круг безмятежных событий. Глаза ее глядели мрачно, каштановые кудри, причесанные кое-как, торчали в разные стороны.

Все сразу умолкли. Серый волк уставился на Тамару,

оскалив зубы, девочки перестали бегать и прыгать.

Увидев Елену Петровну, Тамара смутилась: она не ожидала встретить здесь учительницу.

– Входи, входи! – приветливо сказала Елена Петровна. – Вот это подарок! Ты тоже хочешь помочь нам?

Тамара сдержанно поздоровалась.

– Нет, – ответила она и отрицательно потрясла кудрями, – просто мне... мне очень нужно поговорить с Зиной.

– Что случилось? – спросила Зина, не выпуская из рук клетчатого сарафана, который шила для «бабки».

– Мне надо с тобой поговорить, – повторила Тамара.

– Зина, я отпускаю тебя, – сказала Елена Петровна. – Когда освободишься – придешь.

Зина с сожалением отложила свое шитье и медленно пошла с площадки вслед за Тамарой.

– Зина, ты куда же?

Зина слышала этот жалобный возглас Антона, но не ответила. Тамара рассердила ее.

– Что случилось? – спросила она, едва ворота лагеря закрылись за ними.

– Ты долго будешь возиться с этой мелюзгой? – В голосе Тамары слышалась досада. – Уже второй раз прихожу к тебе сегодня, а тебя все нет и нет. Ты что, нанялась сюда на работу, что ли?

– А почему ты спрашиваешь? Просто мне интересно с ними, вот и все.

– Ты что... в педагоги готовишься?

– Ну, если бы я смогла стать педагогом!

– Хм! Блестящая карьера!

– Я не думаю о карьере. Просто люблю ребятишек.

Тамара усмехнулась:

– Перестань. Что там любить? Не лицемерь хоть со мной.

Зина внутренне вскипела, но сдержала себя. Это трудная наука – смолчать, когда хочется оборвать человека, нагрубить ему, наговорить негодующих слов. Зина осваивала эту науку, потому что сама она не выносила несдержанных, крикливых людей и не хотела быть похожей на них. А сдержаться было очень трудно: Тамара оскорбляла ее!

Но Зина справилась, она только слегка пожалала плечами:

– Не хочешь – не верь. Зачем ты искала меня? Говори, потому что видишь – мне некогда.

Зина остановилась. Ей не терпелось вернуться в лагерь, разговор с Тамарой не предвещал радости, не интересовал ее, Ну что она ее задерживает?

Тамара взяла Зину под руку и снова потянула за собой.

– Некогда тебе! Я, может быть, под поезд брошусь сегодня, а ей некогда!

Зина испугалась:

– Тамара, что ты говоришь?!

– Ну, а для чего жить на свете, для чего? – У Тамары задрожал голос, слезы мешали ей говорить. – Ну говори – для чего?

– Я никогда не думала об этом, – сказала Зина. – Мне даже в голову никогда это не приходило, как-то всегда было некогда. А потом, просто мне очень хочется жить. И потом, а как же отец? А ребяташки как без меня?

– Опять – отец, ребяташки! Опять – всё для кого-то!

Зина задумалась, нахмутив светлые бровки.

– А может, тебе потому и жить не хочется, что ты живешь только для себя? – осторожно спросила она, боясь, что очень обидит Тамару.

Но Тамара даже не заметила этой обиды.

– Ты как маленькая все равно, – сказала она. – Ты занимаешься какими-то своими маленькими делами – и ничего тебе не надо. И всегда ты спокойная, ты даже и волноваться-то не можешь, не умеешь. Как же тебе понять, если человек страдает?

Зина невесело усмехнулась. Да уж, где ей волноваться! Мгновенно пронеслись в памяти картины черных, горестных дней после смерти матери, часы беспомощной тоски и тревоги из-за ребяташек, тяжело пережитое унижение, когда снимали с нее пионерский галстук, – это и сейчас не забыть, и сейчас побаливает где-то в глубине сердца. И последнее разочарование, которое так неожиданно приготовила ей жизнь – дружба Антона с Клеткиным! И разве не она совсем недавно так отчаянно рыдала, прощаясь со своими летними радостями и мечтами? Да, Зина очень спокойная!

– Ты не знаешь, что это такое, – продолжала Тамара, – ко-

гда вдруг поймешь, что человек, которого ты любила... что этот человек просто... грязь, слякоть!

Зина быстро взглянула на нее. Кто этот человек? А, это Rogozin!

– Конечно, тяжело, – согласилась она. – Только мне кажется... Уж если ты увидела, что это слякоть, то надо забыть его поскорей. Выкинуть.

– Выкинуть! А это легко? Ты еще не понимаешь...

– А разве люди только легкое должны делать? Люди и трудное делают.

– Я знала, что ты не поймешь меня, – сумрачно сказала Тамара, вытирая слезы. – Только мне больше не к кому пойти. Поеду к отцу! Хотела прямо сегодня ехать... А потом подумала – пускай пришлет ответ. А то, может, его в совхозе нет, выехал куда-нибудь.

– Поезжай, поезжай, – живо подхватила Зина, – это ты хорошо придумала. Только... а как же мама?

– А мама – как хочет.

Лицо Тамары стало замкнутым, жестким. Зину поразило это. Она не любила грубую, глупую, самодовольную Антонину Андроновну. Но ведь Тамаре-то она мать?

Может быть, плохая мать? Может быть, плохие матери тоже бывают? И как получается это – матери, которых так горячо любят, матери, которые так нужны своим детям, вдруг умирают? И как получается, что матери, которые живы, здоровы и долго еще будут жить, не нужны своим детям?

– А пока ответ придет... даже не знаю, как и жить.

В голосе Тамары слышалась растерянность, и это тронуло Зину. Все строит из себя взрослую, а сама так же, как Антон, запуталась и не знает, как из этого вылезти и что делать.

– Займись чем-нибудь, – ласково, словно перед ней была младшая сестра, сказала Зина. – Я знаю, что тебе с ребяташками скучно. Но ты попробуй. Они такие потешные, такие занятные, вот ты увидишь! И ты можешь нам помочь. У нас сейчас столько хлопот, прямо вздохнуть некогда! Пойдем со мной!

Зина повернула обратно. Тамара равнодушно последовала за ней. Ей было все равно куда идти, только бы не остаться одной.

Елена Петровна встретила их внимательным взглядом. Зина улыбнулась ей:

– Тамара будет нам помогать!

– Ну помогать так помогать, – сказала Елена Петровна. – Садитесь к столу, надо «деду» рубаху с красными ластовицами сшить.

Зина проворно начала разбираться в разноцветных лоскутках материи, чтобы найти подходящий кусок. Тамара взяла иголку, вдела нитку. А потом склонилась головой на руку и забыла, где она и зачем сюда пришла.

В лагере шумела пестрая, полная веселых забот жизнь. Там, над кустами сирени, взлетали краснокрылые и серебря-

ные самолеты – ребята готовились к соревнованиям по запуску моделей. В другой стороне слышались музыка и песни. На открытой спортивной площадке ребята учились прыгать через препятствия. Всюду звонкие голоса, смех, движение...

Но Тамара не чувствовала этой атмосферы безмятежной ребячьей радости. Шум и смех раздражали ее. Лагерный сад казался жалким: насажали каких-то липок, а от них даже и тени почти нет. А эти самодельные палатки называются беседками? А этот грубый дощатый шкаф, набитый книжками, – библиотека? А эти картонные и жестяные самолеты, что взовьются сейчас над кустами, – дело, которым можно всерьез заниматься? А эта учительница, которая тратит время на пустяки, – с ней можно дружить?

– Ну что я буду тут делать? – угрюмо пробормотала она. – Зачем ты привела меня сюда?

Зина не ответила. Она тревожно оглядывала площадку. Где же Антон? Неужели опять убежал и обманул ее?

Зина, как встревоженная птица, облетела площадку. И в самом дальнем углу, за кустом, она увидела Антона. Антон стоял на коленях и, пригнувшись, испуганно выглядывал из-за куста. Зина облегченно перевела дух.

– Фу, Антон! Ты меня испугал. Ты что, в прятки играешь? Увидев Зину, Антон выскочил из-за куста, бросился к ней и, как маленький, схватился за ее руку.

– Что с тобой, Антон?

Антон, оглянувшись вокруг, заставил Зину наклониться

к нему.

– Он приходил! – прошептал Антон ей в самое ухо. – Он там стоял. У ворот.

– Кто стоял?

– Яшка. И рожи строил. А тебя нету... Я испугался и спрятался. Только он все равно меня видел.

Зина огорчилась. Опять эта черная тень Антоновой жизни – Яшка Клеткин!

– Ничего, Антон, – сказала она как можно спокойнее, – играй. Яшка тебе ничего не сделает.

А сама прошла прямо к Елене Петровне.

– Елена Петровна! Что делать? Опять этот Яшка здесь. Ну чтоб он пропал куда-нибудь! Почему такие люди живут на земле? Хоть бы он провалился!

Зина готова была расплакаться от досады. Она так устала бороться с этим противным, отвратительным Яшкой!

– Ты опять за свое, Зина? Зачем же Яшке куда-то проваливаться? Он ведь тоже человек.

– Ну какой же он человек, Елена Петровна? Он уже и сейчас вор и бродяга, а когда вырастет, будет бандит. Это разве человек?

– А все-таки пока что человек. Надо выручать его.

– Откуда выручать?

– Да вот из той трясины, в которую он попал. Он сейчас как слепой, он не понимает, куда идет.

– Да разве с ним можно сговориться? Вы, Елена Петровна,

еще не знаете, как мы все намучились из-за него. Хоть бы он куда-нибудь сбежал! Он уже убежал из дому, только его поймали. Ну пусть бы убежал так, чтобы его и не поймали больше, чтобы мы избавились от него!

Елена Петровна опустила шитье на колени, подняла на Зину глаза, и между бровями у нее появилась знакомая горькая морщинка.

– Зина, Зина, что ты говоришь! Ну мы избавимся от него. А те люди, к которым он явится, пускай мучаются? И вообще, пускай пропадает человек? Человек, который мог бы сейчас готовиться вступать в комсомол, который стал бы учиться и работать, как настоящие советские люди.

– Он не будет учиться и не будет работать.

– Попробуем, посмотрим. Яшка тебе кажется страшнее, чем он есть. Поверь мне.

Зина почувствовала, что не права. Но ей было так жалко Антона, который, притихший и все еще испуганный, сидел в дальнем уголке площадки и глядел на нее оттуда своими широко раскрытыми глазами. И себя жалко. Разве не из-за этого противного Яшки так расстроился отец, и разве не из-за него она не пошла с ребятами в поход?

И все-таки она была не права, а права Елена Петровна. Только как же быть? Значит, так и терпеть этого противного Яшку?

– Терпеть не надо, – сказала Елена Петровна, и опять морщинка появилась между бровей. – Надо нам с тобой поста-

раться сделать так, чтобы этот противный Яшка не стал бы противным. А стал бы таким же хорошим парнишкой, как и все наши ребята.

– А разве это может быть?

– А почему же нет? Давай постараемся. Трудно очень, Но если мы с тобой все-таки очень постараемся?

Зине было приятно слышать это «мы с тобой», в сердце росло чувство признательности к ее с детства любимой учительнице. Но все-таки ей трудно было согласиться с Еленой Петровной.

– Я не могу, – сказала Зина, – я не люблю его. Я не хочу глядеть на него. Не могу глядеть.

Елена Петровна вздохнула и снова принялась за шитье.

– Я понимаю тебя, Зина, ты слишком от него натерпелась. Но ведь каждый человек многогранен. Ты увидела только самые плохие стороны Яшки. А может, он так повернется, что станут видны и хорошие. И тогда ты скажешь сама себе: «А ведь я была к нему несправедлива!»

ТАМАРЕ ДАЮТ ПОРУЧЕНИЕ

Свежая зелень деревьев, кустов и трав заслоняла от жаркого, душного дыхания асфальтовых мостовых и каменных домов. Шум городского движения почти не доносился сюда. Вошли в железную калиточку за высокую ограду и сразу очутились в тихой зеленой стране, где цветут липы, а по розоватым дорожкам рассыпаны солнечные зайчики, где на большом пруду плавают лебеди, утки, гуси, и розовые фламинго стоят и дремлют, отражаясь в темно-зеленой воде.

Дорожка ведет все дальше, в глубь этой необыкновенной страны, и все новые неожиданности возникают в пути. Вот зеленая полянка, отделенная от дорожки редкими прутьями изгороди, а среди этой яркой зелени гуляют забавные зебры, маленькие упитанные полосатые лошадки. А дальше – олени, хорошенькие олешки с россыпью светлых пятен на коричневых спинах.

– А почему у них такие пятнышки? Вот у северных оленей нету, а у них есть.

– Потому что они пятнистые. – Тамара не нашлась, что еще ответить Кондрату, она как-то не задумывалась над этим.

– А почему эти пятнистые, а северные не пятнистые? – продолжал Кондрат, сосредоточенно сдвинув брови. Этот человек был вдумчивый и пытливый, и таким ответом от

него отделаться было нельзя.

– «Почему, почему»... – Тамара понемногу начинала раздражаться. – Потому что та одна порода, а эта – другая.

– А может, потому, что они в лесу живут? – задумчиво сказала Юля Синицына. – Может, чтобы им лучше прятаться? Идет какой-нибудь зверь, тигр или еще кто, а олень прижмется под деревом и будет стоять.

– Ну и что же? – спросила Полянка. – А тигр в это время ослепнет, что ли?

– Не ослепнет! А подумает, что это просто солнечные кружочки, и не разглядит издали олешка.

Тамаре припомнилось, что она где-то читала об этом. Ну конечно, это так. А северные потому без пятен, что ведь они в тундре, а там деревьев нет. И у тигра полосы для того, чтобы он не очень был заметен в лесу: там кусты, высокие травы, от которых ложится полосатая тень... Можно бы, конечно, еще что-нибудь придумать и рассказать ребятам. Но они уже не обращались к ней. Они шли впереди, забыв о Тамаре, читали вывески на клетках зверей, что-то соображали, о чем-то догадывались, громко удивляясь всему, что видели.

Письма от отца не было. Дни проходили, как в заключении. Хотелось вырваться, бежать, хотелось спастись от своей тоски. Отец все понял бы и сразу помог бы Тамаре. Ведь он любил ее, он, бывало, разговаривал с ней, как со взрослой, делился своими думами. А теперь она поделилась бы с ним. И, наверное, он что-нибудь сказал бы такое, от чего Тамара

сразу успокоилась бы, знала бы, что ей делать и как жить.

Но письма не было.

А может, отец и Тамару забыл так же, как маму? Может они обе уже не нужны ему и там у него другая семья? И если так, то что же делать тогда? Возиться с ребятишками, как Зина, а осенью идти в школу и постараться вступить в комсомол? Но ведь сейчас же начнется: а какие общественные обязанности выполняла в школе, а можно ли на нее положиться в дружбе?..

А если примут, то сейчас же и заставят эти общественные обязанности выполнять. Правда, конечно, скажут, чтобы она выбрала себе работу, какую ей больше хочется. А что делать, если Тамаре ничего не хочется?

– У, львы, львы! – вдруг закричал Антон. – Скорей! Вон ревут!

Могучие звери не глядели на людей. Они глядели куда-то поверх голов, задумавшись о чем-то или вспоминая что-то, равнодушные, смирившиеся. И только один с черной гривой метался по клетке взад и вперед и ревел, ревел, обнажая страшные клыки, и хлестал себя хвостом с черной кистью по желтым бокам, а в яростных глазах его горели зеленые огни.

– Он хочет на волю, – хмуро сказал Кондрат. – И для чего это их ловят?

– А если бы не ловили, как же бы мы узнали, какие бывают львы? – возразила Юля Синицына.

– Он хочет домой... в лес, – прошептал Антон.

– А что, если бы мы шли по лесу, – начал тоненьким голоском Витя Апрельев, – и вдруг вот этот выскочил бы навстречу! Ага? Что делать бы?

– Ой! – невольно съежился Антон. – Он сразу нас съел бы. Вон зубы-то какие!

– Его, наверное, из ружья но убьешь, – деловито предположил Сенька, – только разве из пушки.

– Ну, хватит, – вмещалась Тамара, – пошли дальше!

Но ребята словно не слышали.

– А если он раскачает решетку и выскочит? Тогда что? Ага? – замирающим голосом пролепетала Полянка.

Ребята охнули и невольно прижались друг к другу.

– Не раскачает, – неуверенно успокоил Кондрат. – А если... Ну убежим тогда. Спрячемся.

– Я сразу на дерево!

– И я! А Полянке не влезть! Она толстая!

– Ну и что ж? А я...

Тамару задело. Никто даже и не подумал, что она может чем-то помочь, если лев возьмет да и выскочит, никто даже и не подумал обратиться к ней, чтобы она успокоила их и сказала, что лев не может раскачать решетки и не может выскочить.

– Хватит глупости болтать, – резко сказала она. – Пошли дальше, я говорю!

Тоскующий лев напоминал Тамаре ее самое. А разве не так вот рвется и тоскует она сейчас? Но льву не сломать клет-

ки. А Тамара ломает.

Увести ребят от обезьян было еще труднее. Они неистово хохотали на обезьяньи ужимки, они кричали и разговаривали с обезьянами, будто с маленькими человечками.

Особенно разошлись Полянка и Антон.

– Еще кувырнись! Еще! – кричали они одной, особенно забавной мартышке.

И, когда мартышка, словно понимая их, кувыркалась и раскачивалась то на одной руке, то вниз головой, ребята смеялись и хлопали в ладоши.

– Мы что, до вечера будем здесь стоять? – Тамара тоскливо глядела на ребят. – Ну, посмотрели, и хватит. Уже и домой пора, вон солнце припекает.

– Ну вот, домой! – заныли ребята. – Еще день только начался, еще и не видели ничего!

– Еще у птиц не были!

– И пингвинов не видели тоже.

– А слона? А слона-то? Ага?

– Ну еще слона и потом домой, – твердо сказала Тамара. – И больше не спорить.

И, со скукой шагая вслед за ребятами туда, где за бетонным рвом, словно серая морщинистая гора, возвышался большой слон, с досадой бранила сама себя:

«Ну и чего я поплелась с ними сюда? Послушалась Зину: «Это рассеет. Это поможет. Ребята такие потешные». Очень они нужны мне, ходи тут целый день. Надоело до смерти!

Жарко, фу! И чего пошла? Тоже мне поручение!»

Тамара увидела киоск с мороженым. Она заглянула в сумочку – деньги есть. «Пускай пока смотрят слона...»

Тамара выбрала сливочное, а потом шоколадное. Настроение стало лучше. Мелькнула мысль – может, и ребятам хочется мороженого? Но денег было мало, а делиться этими порциями не стоило: ни им, ни ей.

Пока она сидела в холодке около голубого киоска и ела мороженое, в мысли закралась смутная тревога.

Зина так просила не оставлять ребят одних. Могут заблудиться, попасть под машину. Их может обидеть какой-нибудь хулиган – ну мало ли? Ведь маленькие еще!

Тамара заторопилась. Ладно. Отвезет их сейчас домой и хватит. Она вожатой быть не собирается. Может, это Зина собирается, но Зина ведь такая, она звезд с неба не хватает и никогда не будет хватать. Ей и не нужно никаких звезд.

Около слона ребят не оказалось. Народу вокруг толпилось много, больше всего детей. Слон стоял неподвижно, добродушно поглядывал маленькими черными глазками и легонько покачивал хоботом. Тамара быстро прошла вдоль ограды, вернулась, еще раз прошла... Ну что за дурачье! Куда же их унесло? То от каких-то паршивых маргышек их оттащить невозможно, а то на слона смотреть не захотели. И зачем только Тамара связалась с ними? Ну уж погоди, придут домой, она выскажет Зине все, что она, Тамара, о ней думает!

Тамара уже забыла, что сама пришла к Зине, спасаясь от

своего одиночества.

Тамара, тревожно оглядываясь, бегала по дорожкам Зоопарка. Она уже не видела ни зверей, ни птиц. Нечаянно налетев на кого-нибудь из гуляющих в парке, она бежала дальше, забывая извиниться. Потихоньку бранясь, она заглядывала во все уголки, пробегала по всем ближним и дальним дорожкам.

– Ну куда их унесло? Куда?

Потом, сообразив, что, может, они ушли в другое отделение, туда, где белые медведи, Тамара выбежала на улицу.

Узкая улица жарко блестела трамвайными рельсами. Пыльный ветерок крутил на тротуаре бумажки. Прошелестела машина, оставив в воздухе струю бензинового перегара.

Тамара перебежала через дорогу и снова вошла в зеленое звериное царство. Как хорошо здесь! Вот оно, то озеро, которое они видели издали. Тихие скамейки стоят под густыми плакучими ивами, они так и зовут посидеть в холодке, полюбоваться белыми лебедями на темно-зеркальной воде...

Тамара перевела дух и села в самый густой холодок на берегу пруда. Ну, убежали, так и ладно. Значит, не хотели с ней ходить, а она и не навязывается. И ничего им не сделается, приедут домой и одни.

Снова поднялась было тревога – ехать далеко, через весь центр. Найдут ли дорогу? И движение на улицах такое страшное... Но Тамара тут же постаралась отмахнуться от этих мыслей. Авось не грудные младенцы. А что же ей те-

перь – задохнуться, что ли, бегая за ними?

С пруда потянуло свежестью, приятно овеяло разгоряченное лицо. Белый гусь вдруг загоготал и, вытянув шею, тяжело хлопая крыльями, взлетел над прудом.

Может, он собрался куда-то на свою родину, на Север, на морошковое болото... Но, не долетев и до берега, плюхнулся в воду и поплыл, горделиво оглядываясь. Видали? Вот и скажите, что он не умеет летать! Тамара глядела на этого гуся, а мысли шли своим чередом. Может, она сейчас придет домой, а письмо от отца уже ждет ее. И она поедет. Поедет в совхоз.

Ну хорошо, в совхоз. А что она будет делать там, в совхозе? Что-то смутно, неясно это будущее. Сможет ли она там прижиться? Или и там она будет чужой и одинокой?

Вздор, вздор! Городские нужны в деревне. Все только обрадуются, если она туда приедет. Неразвитые деревенские ребята и девчонки будут хороводом ходить вокруг нее, лишь только она появится там, нарядная, легкая, красивая...

А в лагере уже волновались. Зина то и дело выбегала за ворота посмотреть, не идет ли Тамара с ребятами.

– А что ж волноваться? – сказала Елена Петровна, скрывая тревогу. – Тамара взрослая девочка, и ребята не малыши. Придут.

Но Зина лучше знала Тамару, от нее всего можно было ожидать. Уходя, она всех успокоила – что они ей не доверяют, что ли? Ведь не бросит же она ребятешек! Зина сама

навела Елену Петровну на эту мысль – отправить Тамару с ребятами в Зоопарк. И даже Антона отпустила с ними, чтобы не получилось так, что чужих ребят доверила ей, а своего братишку побоялась доверить. Она хотела втянуть Тамару в их жизнь, хотела заинтересовать ее занятиями с детьми, она думала, что Тамара, помимо своего желания, увлечется этой милой, согревающей сердце работой.

А теперь Зине стало страшно. Можно ли было положиться на Тамару? А вдруг она все-таки уйдет и бросит ребят? Где они? Почему не возвращаются так долго?

Лагерный день подходил к концу. Девочки-рукодельницы сложили вышивание. Самолеты и планеры уже не взлетали над сиренью. Юннаты начали поливать цветы.

Елена Петровна подозвала Зину:

– Ты отпустишь ребят. Я поеду разыщу...

В это время распахнулась калитка и на площадку явилась целая компания – Полянка, Сенька Шапкин, Кондрат и с ними милиционер. Ребята выглядели смущенными и растерянными.

– Что такое? В чем дело? – испуганно спросила Елена Петровна.

– Забирайте своих октябрат, – ответил милиционер, строго глядя на Елену Петровну из-под белых, жестких, похожих на зубные щетки, бровей. – Распустились, хулиганят, нарушают... пускаете одних!

– А где же Антон? – не слушая его, крикнула Зина. – Где

Антон и Витя? И Юльки нет! Они с Тамарой?

– Все трое у нас в милиции. В детской комнате. Одному там медсестра перевязку делает.

– Как?.. Почему? Кому делают перевязку? Ребята, что случилось?

– Да просто мы хотели искупаться, – деловито стал объяснять Сенька Шапкин, – ну там, в пруду, где гуси. А он... – Сенька покосился на милиционера, – сразу в милицию.

– А Витя и Антошка сразу побежали. И Антошка сразу упал, – подхватила его речь Полянка, – и ногу ушиб.

– А где же Тамара? Ведь она же была с вами? – спросила Елена Петровна.

– Никаких Тamar с ними не было, – сказал милиционер. – И вообще, товарищ воспитательница, давайте посоветуемся, кого будем штрафовать.

Зина уже не слышала этих слов, она бежала выручать ребят. Всю дорогу сердце ее горело от тревоги и от возмущения: как могла Тамара бросить их, уйти? Значит, у нее совсем нет совести? Бросить ребят одних на московских улицах, где столько трамваев, машин, автобусов!

Серьезной беды не случилось. Антон только сильно ободрал ногу. Но неприятность была большая.

– Ну что с тобой делать, Антон? – упрекала его Зина дорогой. – Ну зачем тебя понесло на эту изгородь? И как ты думаешь, для чего эта изгородь поставлена?

– Чтобы утки не разбегались, – не глядя на Зину, отвечал

Антон.

– И чтобы люди уток не трогали и не пугали. И пруд этот для уток сделан, а не для людей. Большой парень, а понадеяться на тебя никак нельзя. Как же это так? А?

Робота выполнена Марьямкой и Вассерманом.

– Сам не знаю.

– А надо знать. Пора отвечать за свои поступки, ты октябрятскую звездочку носишь. Вот мама на тебя поглядела бы!

У Антона задрожали губы. Этого упрека он вынести не мог.

– Я больше не буду! Вот увидишь, не буду больше!

Антон всегда обещал, обещал. Но как полагаться на его обещания?

Тамара, вернувшись домой одна, не знала, что ей делать. Пойти в лагерь? Но как поглядят на нее Зина, Елена Петровна и вообще весь лагерь? Тут и начальник прибежит и вожакие... Поднимется такой шум, что вынести невозможно, – взяла ребят и потеряла их.

Все же украдкой, потихоньку она прошла мимо ворот лагеря, заглянула туда – не слышно ли шума? Но в лагере было спокойно.

«Пришли ребята или не пришли? – мучилась Тамара. – Как узнать? Да, наверное, пришли, а то уже подняли бы тревогу. Но как все-таки узнать?»

Уйти домой она не могла. Она вернулась, чтобы снова пройти мимо лагеря. И тут же увидела в начале улицы милиционера и с ним ребят. Тамара быстро перебежала на другую сторону и скрылась в переулке. Ребят нашли, ребята живы. Ну и хорошо. А Тамаре встретиться с Еленой Петровной или даже с Зиной просто невозможно. О, только бы ее кто-нибудь не увидел из лагеря, только бы ее не остановили!

НОЧНЫЕ ЭЛЬФЫ

Каждый день в этом зеленом и радужном мире, в котором жила Изюмка, происходили разные открытия и всякие чудеса вмешивались в самые обыкновенные дела.

Оказывается, если горошину воткнуть в грядку, а потом поливать из лейки теплой, согретой на солнце водой, то из этой горошины вылезет зеленый росток. И на этом ростке раскроются листики, сначала крошечные, а потом они подрастут и потянутся кверху.

– А откуда же они берутся? – допрашивала Изюмка Полину Аркадьевну.

Полина Аркадьевна отвечала неизменно спокойно и приветливо:

– Они берутся из горошины.

– Значит, они в горошине были спрятаны? А где же они там сидели?

Полина Аркадьевна взяла из миски с водой разбухшую горошину, разломала ее пополам и показала малюсенький зародыш.

– Вот так они там сидят.

Изюмка унесла эту горошину, долго разглядывала малюсенький росточек. Потом спрятала горошину в коробку: когда приедут папа, Зина и Антон, она им покажет.

Вскоре оказалось, что в речке живут не только рыбки Ры-

бок в речке много. Они плавают, играют под водой, иногда подплывают к самым ногам, если стоишь на песчаной отмели. А если пошевелишься, то они, сверкнув чешуей, мгновенно уходят куда-то в темные травы, под широкие листья кувшинок. Может быть, у них там есть гнездышки, в которых они спят?

Но, кроме рыбок, в речке живут еще водяные жуки. Они бегают по воде будто на коньках и не тонут. Такие веселые эти жуки! Еще в речке есть раковины. Они очень крепко закрыты. Сначала кажется, что это просто так – раковинка, и всё. Но, оказывается, там внутри сидит живое существо, моллюск. Иногда этот моллюск приоткрывает створки и выглядывает из раковины. Наверное, ему надоедает сидеть в темноте, вот он откроет дверцу своего домика и поглядывает оттуда на солнечные пятна, которые светятся на песчаном дне, на рыбок, на зеленые водоросли...

Однажды Изюмка, немного испуганная, побежала к Полине Аркадьевне.

– Там около берега... на дне... палочки ползают!

– Какие палочки?

– Обыкновенные! Веточки с деревьев, маленькие... и ползают!

– Не ползают палочки, – сказала Изюмкина подружка Лена, – у них ножек нету.

– Есть, есть ножки! – закричала Изюмка. – Я видела!

Краснощекий толстоногий Андрюша поднял с травы об-

ЛОМОК ОЛЬХОВОЙ ВЕТКИ:

– Где ножки?

– У веток нет ножек, – повторила Лена.

– А я видела! – горячилась Изюмка. – Я сама видела!

Полина Аркадьевна созвала ребятишек, которые играли недалеко от них, на заросшей цветами луговинке, и они все отправились на речку смотреть, как ползают палочки. Ребята бежали вперегонки, всем было интересно смотреть на такую диковину. И только Лена спокойно шла рядом с Полиной Аркадьевной и время от времени монотонно повторяла:

– А палочки не ползают. У них нету ножек.

Зеленый бережок, отлого спускаясь к речке, мягко переходил в песчаную отмель. И здесь, около отмели, в прозрачной тени раkit лежало на дне множество коротких черных обломков, будто кто-то взял тонкую древесную ветку, изломал ее на равные кусочки и бросил в тихий, прогретый солнцем бочажок.

Полина Аркадьевна и ребятишки спустились к самой воде.

– Тише, – прошептала Полина Аркадьевна. – Будто бы нас нет.

Все затихли и стали смотреть в бочажок. Переливчато журчала речка, солнечные отблески волн бежали по ветвям склонившихся над водой ветел, трепетали слюдяными крыльями синие стрекозы, похожие на маленькие вертолеты...

Палочки на дне лежали неподвижно.

Очень трудно было так долго молчать.

– И ничего они не полз... – начала было Лена.

Но ее сразу дернули за рукав: одна из палочек тихонько пошевелилась и переменяла положение.

– Ой! Шевелится!

– Живая, живая палочка!

– Да ничего не живая, это ее водой шевелит!

– Тише, тише, – снова прошептала Полина Аркадьевна. –

Будто нас нет...

Тихо, тихо над рекой, никто не шумит, никто не шепчет-ся. Только много внимательных глаз не отрываясь глядит в бочажок.

И – смотрите, смотрите! – сначала две палочки тронулись с места и еле заметно поползли по мягкому песчаному дну. А вот и третья направилась куда-то... И тут все увидели, что у нее есть ножки.

Дальше молчать было невозможно.

– Я вижу ножки! У них есть ножки!

– А что я говорила? Я говорю, а они...

– А почему у них ножки?

– А почему, которые на дереве, – без ножек?

Полина Аркадьевна засучила рукав и достала из бочажка ползающую палочку. Ребятишки опасливо глядели на нее.

Черный разбухший обломок ветки неподвижно лежал на ладони. Это снова был самый обыкновенный обломок, и никаких ножек у него не было.

– Я говорю, нету... – начала было Лена.

Но ее сейчас же запальчиво перебило несколько голосов:

– А ползала! И ножки были! Мы же видели!

Полина Аркадьевна дождалась, когда они умолкли.

– Это не палочка ползает. Вот, смотрите!

Она разломил ветку, там оказался червяк, довольно противный, белый, с белыми ножками.

– Видите, кто ползает? Это прудовик. Он нежный, без панциря, его может любая рыбка съесть. Вот он и делает себе домик из веточки и сидит в середке. А когда нужно, высунет ножки и ползет. Вот и все!

Полине Аркадьевне с трудом удалось увести ребят от реки. Это была сказка, которая оживала на глазах.

Милые веселые песенки оживали тоже. Изюмка видела ту самую елочку, которая родилась в лесу и в лесу росла. Она видела ту самую букашку, которая тащится с ношей, и пчелу, летящую за медком. Однажды, заслышав где-то в вершинах сосен глухой стук, Изюмка разглядела птицу в красной шапочке, которая стучала клювом по стволу, и красная шапочка ее так и мелькала. Полина Аркадьевна сказала, что это дятел – «дятел носом тук да тук».

А та история, которая приключилась с Изюмкой недавно, началась с кротовой норы.

– Дырка в земле! – закричала Изюмка. – Смотрите, дырка в земле!

– Это кто-нибудь проткнул палкой, – сказала Лена.

– Нет, кто-то рыл землю. Видишь, земля?

– Нет, это палкой.

– А кто же тогда насыпал землю?

– Кто-то проткнул дырку палкой.

– Нет, не палкой, не палкой!

– Нет, палкой, палкой!

Пришлось позвать Полину Аркадьевну.

– Эту норку вырыл крот, – сказала она.

– Какой крот?

– Тот самый, который ходил в бархатной шубке и хотел жениться на Дюймовочке.

У Изюмки загорелись глаза. Тот самый? Значит, кроты и правда на свете бывают?

– А где он? В норке?

– В норке. Спит, наверное.

– А если вылезет, я его увижу?

– Он при людях не вылезет, побоится.

– А если я буду тихо-тихо, будто меня нет?

– Ну тогда, может, и вылезет. Только ведь надо сидеть очень долго, а нас уже обедать зовут!

Изюмка опустила на колени возле норки и не отрываясь глядела в нее. Ей так хотелось увидеть этого крота, который ходит в бархатной шубке! Полине Аркадьевне пришлось взять Изюмку за руку и увести домой.

Дорогой Изюмка спросила:

– А значит, Дюймовочка тоже здесь живет?

Полина Аркадьевна махнула рукой:

– Да нет же, она улетела в дальние страны. К эльфам.

– А эльфы во всех цветах живут?

– Должно быть. А где же им еще жить? – И, тут же забыв об этом мимолетном разговоре, Полина Аркадьевна закричала. – Дети, живей мыть руки! Обед уже готов – мыть руки и за стол!

После отдыха няня Наташа, вздремнувшая в холодке цветущей липы, тихонько позевывая, вошла в столовую. Наступал славный послеполуденный час, когда солнце глядит уже смягченно и ласково и тени на траве становятся гуще и бархатистее, а запах цветов слышнее. Это был час вечернего чая.

Няня Наташа взяла поднос с горкой розовых булочек, чтобы разложить их по столам. Окинув глазами столовую, она остановилась: что-то было не так, чего-то не хватало. Няня Наташа поморгала светлыми ресницами, словно сгоняя остатки дремы. Что такое?

У окна на тумбочке еще с воскресенья стоял букет темно-красных роз. Эти розы, огромные, полыхающие в лучах солнца бархатным кармином, с густо-зелеными листьями, украшали всю столовую.

Сейчас вместо роз торчали одни зеленые стебли и листья, а бархатистые, уже чуть привядшие лепестки красным венком лежали вокруг синей фаянсовой вазы. Случилось что-то непонятное – розы вдруг все сразу осыпались.

Вошли ребяташки, и столовая наполнилась щебетом, будто влетела целая стая воробьев. Они разбежались по своим местам, уселись на свои маленькие стулья. Чайные ложки зазвенели о края кружек, тонко запахло свежесваренным чаем...

– Полина Аркадьевна, – у няни Наташи было недоумевающее лицо, – смотрите, розы-то... Ветром, что ли?

Полина Аркадьевна подошла к букету:

– Нет, не ветром. Кто-то оборвал.

Она стояла и пожимала плечами. Ну кому понадобилось погубить такой букет?

– Это я оборвала, – угрюмо сказала Изюмка.

Полина Аркадьевна не слышала, как она подошла.

– Ты?

– Я оборвала.

У Полины Аркадьевны широко раскрылись глаза от недоумения.

– Но зачем же ты это сделала, Катюша? – Она наклонилась к девочке, и сейчас же из ее волос упали сразу две шпильки. – Зачем же? Что за фантазия пришла тебе в голову? А?

– А эльфов там не было, – так же угрюмо ответила Изюмка, – а почему?

Она требовательно посмотрела на Полину Аркадьевну. Полина Аркадьевна отвернулась. Ей хотелось рассмеяться, ей хотелось просто залиться смехом, но можно ли вести себя так легкомысленно, когда на нее смотрят такие серьезные,

такие огорченные глаза!

– Их не было?.. – Полина Аркадьевна озабоченно сдвинула свои тонкие коричневые брови. – Почему же их не было?

Она медлила. Она не знала, как быть. Сказать, что эльфов вообще нет на свете?.. Нужно ли это? Разве так долго длятся годы раннего детства, когда человека окружает сказка, когда сказка встречается ему на каждом шагу и ежедневно вмешивается в его жизнь?.. Надо ли торопиться с разоблачениями?

– А знаешь, Изюмка, почему? Это, наверное, потому, что розы были срезанные, без корней. Ведь Дюймовочка выросла в цветке, у которого были корни!

– Да. – У Изюмки сразу посветлели глаза. – Женщина посадила цветок в землю, и у него были корни!

– Ну вот видишь, ты просто ошиблась! А теперь – оставим это. Беги в сад, к ребятам, – сказала Полина Аркадьевна и принялась собирать в кучку нежные темно-красные лепестки.

Не прошло и часа, как случился новый скандал. Ребятишки с криком прибежали к Полине Аркадьевне:

– Катя-Изюмка цветы на клумбе рвет!

– Она их все обрывает!

– И даже с корнями выдергивает!

Полина Аркадьевна всплеснула руками и бросилась в сад. Там няня Наташа отчитывала Изюмку.

– Ты что ж это делаешь, а? Что это с тобой сегодня? Ну прямо сладу с ней нет! – Круглые голубые глаза няни Наташи

беспомощно смотрели на Полину Аркадьевну. – Всю клумбу испортила! Что с ней такое, а?

– Я знаю, я знаю что, – торопливо сказала Полина Аркадьевна, – я сама поговорю...

Изюмка стояла около клумбы. Руки у нее были испачканы землей. Несколько кустиков белого левкоя валялось на траве. На клумбе среди оставшихся левкоев торчали пустые стебли махрового мака. Красные маковые лепестки, развеянные ветром, словно угольки, пылали на зеленом газоне.

Изюмка, надувшись, стояла и глядела на оборванные цветы. Полина Аркадьевна положила руку на ее склоненную голову, на ее теплые кудряшки.

– Изюмка, ты их опять ищешь?

– А их нету, – со слезами в голосе ответила Изюмка. – Цветы с корнями. Я посмотрела – они все с корнями. А никаких эльфов нету!

Полина Аркадьевна задумалась. Что же делать теперь? Как быть дальше?

Да. Действительность скоро вытеснит сказку, все это придет само собой. И человек, доросший до первого класса, скажет:

«А когда я был маленький, я думал, что по облакам можно ходить».

Или:

«А когда я был маленький, я думал, что деревья разговаривают».

Так же, смеясь, расскажет и Изюмка о том, что она «когда была маленькой, искала в цветах эльфов»...

Да, но как сейчас сказать Изюмке, что эльфов не бывает, когда час тому назад Полина Аркадьевна сама подсказала, где их надо искать?

– Вот что, Изюмка, – сказала Полина Аркадьевна: – мы с тобой совсем забыли, что эльфов нельзя увидеть днем. Ведь они же только ночью вылезают из цветов и летают туда и сюда, как бабочки!

– Да, правда! – помолчав, закричала Изюмка. – Да! Они же летали ночью! Светлячок им светил своим фонариком!

– Ну вот и все, – успокоенно сказала Полина Аркадьевна, – вот и пусть они летают ночью. А цветы из клумбы выдергивать не надо, все равно ты эльфов в них не увидишь. Ты понимаешь?

– Я понимаю.

И побежала на луговинку.

Ну вот и обошлось. Сказка осталась неприкосновенной, а девочка больше не будет портить цветов. А потом она постепенно забудет об этих наделавших столько хлопот эльфах.

Ребятишки водили хоровод и разноголосо пели: «Каравай, каравай, кого хочешь, выбирай!»

Изюмка, занятая своей мыслью, взбежала на зеленый бугорок, вздымавшийся около самой лесной опушки. Оттуда было хорошо видно заходящее, подернутое нежной дымкой солнце. Облитая красным закатным сиянием, Изюмка пома-

хала ему рукой:

– Садись, солнышко! Садись скорее, нам спать пора!

И, вернувшись к няне Наташе, сказала, зевая:

– Уже вечер, няня Наташа! Я уже спать хочу.

– Еще солнце не село, – ответила няня.

И Лена тотчас добавила:

– Изюмка – сплюшка.

Но вот и вечер наступил, и ночь пришла со звездами и лунной. На широкой веранде тишина и сонное дыхание детей. Белые кровати как теплые гнездышки. В дальнем уголке горит лампочка под зеленым абажуром. Около нее сидит няня Наташа с кружевным вязанием в руках, она сегодня дежурная. Зеленый отсвет абажура лежит на ее склоненной голове, на светлых бровях, на белоснежной косынке, на складках белой занавески окна...

Няню Наташу одолевает дремота, петля соскакивает с крючка, путается рисунок узора. А вот и совсем ее руки перестали шевелиться и вместе с вязанием упали на колени. Няня откинула голову – и тотчас появилось стадо овец, которые, словно кудлатые облачка, шли мимо нее. Овцы шли и шли, а няня Наташа подгоняла их зеленой хворостиной и все боялась, как бы они не забрели в болото. А болото уже мерещилось впереди, пустое, ядовито-зеленое, заросшее острыми травами...

Звякнул упавший на пол крючок. Няня вздрогнула, протерла глаза. И, чтобы разогнать неодолимую дрему, вста-

ла и, неслышно ступая, пошла вдоль белых кроваток. Дети спали, раздумываясь, с приоткрытыми ртами, подложив под щеку маленькую пухлую руку или разбросав сверх одеяла и руки и ноги. Няня тихо поправила сбившиеся подушки, укрыла тех, кто раскрылся. Подойдя к Изюмке, няня неожиданно встретила взгляд ее темных глаз.

– Ты почему не спишь? – шепотом спросила няня. – Все спят. Ночь на дворе.

– А если они придут?

– Кто это придет ночью? Не выдумывай. Дай-ка я тебя укрою.

– Эльфы придут. Они же везде летают.

– Ладно. Какие там еще эльфы! Спи, пожалуйста.

– Нет. Они ночью летают. Прилетят, а я не увижу.

– Беда с тобой. И чего это она забрала себе в голову? Ну ладно, если прилетят, я тебя разбужу. Согласна?

– Только обязательно?

– Ну конечно, обязательно! Спи.

– Хорошо.

Изюмка улеглась поудобнее, укрылась одеялом. Но сон не приходил.

Сквозь длинные белые занавески на веранду просеивался лунный свет. В узкую щель между рамой и занавеской заглядывал темный сад и яркая звездочка светила среди черных веток. Изюмка лежала и глядела на нее.

«А как же они придут? – подумала вдруг Изюмка. – Двери

закрты. А на форточках марля от комаров!»

Изюмка села на постели, отвела со лба влажную темную челку и обернулась к нянечке. Но нянечки не было, только белое кружевное вязание ее лежало на столике около лампы. Может быть, няне Наташе захотелось пить. Может, у нее не хватило ниток для вязания и она пошла за ними...

Изюмка подождала. Потом слезла с постели, отодвинула тоненький засов на белой двери и в одной рубашонке вышла в сад. Дверь тихо закрылась за ней. Изюмка спустилась со ступенек, шагнула в прохладную росистую траву и пошла. Сад был совсем не такой, как днем: он был гораздо больше, и кусты были гуще, и деревья выше. Изюмка поежилась, остановилась, оглянулась кругом. Какие-то высокие цветы, будто свечки, сумеречно белели в темной траве, и легкие тени мелькали около них.

– Летают! – прошептала Изюмка и побежала к цветам, путаясь в мокрой траве.

Ночные любки, окруженные своим тонким ароматом, сияли, пронизанные лунным светом. Белая дрема распустила кружевные колокольчики над заснувшей кашкой. А дальше, под кустами, светились еще какие-то высокие белые цветы, похожие на маленькие серебристые облачка, осевшие на темную траву.

Бесшумная таинственная жизнь трепетала в ночи. Вот кто-то подлетел к белой дреме. Изюмка насторожилась, у нее застучало сердце. Это они! Эльфы!

Но это были большие ночные бабочки, светло-серые и темные, пушистые, как бархат.

«Тут очень маленькие цветки», – подумала Изюмка.

И побежала на луговинку, где, словно пригасший костер, поднималась большая клумба. Цветы спали. Они стояли неподвижно, осыпанные росой. И над ними тоже кружились бабочки.

Но бабочки ли это? Может, это и есть те маленькие человечки с крылышками, у которых осталась жить Дюймовочка?

Изюмка попыталась поймать одну из этих летающих теней, но мешали мокрые листья и высокие стебли цветов. А вдали, за клумбой, сияла под луной росистая полянка, и белые цветы, разбежавшись по всей полянке, весело справляли свой безмолвный ночной праздник. Вот там-то можно погоняться за бабочками и за эльфами!

Изюмка озябла, мокрая от росы рубашонка прилипала к

ногам. Но все-таки она обогнула клумбу и побежала на полянку.

В это время издалека до нее долетел зовущий испуганный голос:

– Катя, ау! Катя, где ты? Изюмка, ау!

Это няня Наташа хватилась Изюмки. Ну, вот теперь она всех эльфов распугает и уведет Изюмку в дом. Изюмка, не откликаясь, побежала в кусты. Густая ветка осыпала ее дождем. Изюмка, съежившись, остановилась. А когда хотела повернуть обратно, оказалось, что ее окружила крапива. Крапива вдруг встала со всех сторон и не выпускала Изюмку.

А голос то приближался, то уходил в чащу. Дом стоял темный, окруженный деревьями, совсем незнакомый, таинственный дом. Но вот в нем вспыхнули окна, замелькали люди. И уже несколько голосов зазвучало в саду. И совсем близко, из-за густого широкого куста, позвал Изюмку милый негромкий голос Полины Аркадьевны:

– Изюмка, отзовись!

– Вот я! – дрожа от холода, отозвалась Изюмка.

И тут же теплые руки подхватили ее.

ТЕЛЕГРАММА

В большом заводском клубе не пустовало ни одного места. Кому не хватило стульев, стояли у стен. В зале дышала та добрая, веселая атмосфера, которая бывает, когда зрители смотрят игру своих любимых актеров. Легкие шепотки пробегали в темноте по рядам, светились улыбки, а то вдруг рассыпался смех и шумели аплодисменты.

А на сцене и в самом деле были любимые актеры. Среди елок и берез по зеленой травке бегал-катался румяный Колобок с круглыми озорными глазами и улыбкой до ушей. Когда он в первый раз выкатился на сцену, зрители дружно рассмеялись:

– Ух ты, веселый какой!

– По амбару метен, а ничего себе, упитанный!

– Это чей же?

– Стрешнева сынок!

– Эй, Колобок, а ты что-то прихрамываешь! Смотри, не убежать тебе от волка!

Антон от волнения ничего не слышал и ничего не видел. Колобок бегал-катался, прихрамывал и пел свою песенку про то, как он «по сусекам скребен, на сметане мешон...»

Пьеса шла быстро, оживленно. Колобок со своей перевязанной ногой убежал и от деда, и от бабки, и от волка, и от зайца... А в зале каждый раз, как только Колобку удавалось

ускользнуть от своих недругов, громко хлопали. Этот актер пользовался самым большим успехом. На него просто никак нельзя было смотреть без смеха.

Зина то бегала за кулисы, помогала Елене Петровне одевать ребят, напоминала актерам их роли, то выходила тихонько в зал и отсюда смотрела на сцену. Она радовалась успеху своего братишки Колобка-Антоня, радовалась, что ему так весело, радовалась его радости.

«Все-таки, когда ты сам ешь конфету, она слаще, чем если ее ест кто-нибудь другой», – вдруг всплыло в ее памяти.

А разве сейчас Зина радовалась бы больше, если бы выступала сама? Нет! Ничуть не больше, а даже меньше. И в эту минуту Зине стало отчетливо ясно, что человек, который произнес тогда эту сентенцию² насчет конфеты, никого никогда не любил, что человек этот убогий, с нищей душой. Ну что же взять с такого?

Попутно вспомнилась и Тамара. Зина не видела ее после случая в Зоопарке. Поступок Тамары больно оскорбил ее: Зина хотела помочь ей, доверила ей ребят. И вот как она поступила! Видно, все-таки стыдно Тамаре, если она не приходит больше. А Зина тоже не пойдет к ней. Она не сможет простить Тамаре этого ее поступка!

Но подумала так и смутилась. А может, Тамара сейчас и сама терзается? Возможно, и пришла бы к Зине, да не может решиться? Нет, нехорошо осуждать не выслушав. Надо по-

² Сентенция – нравоучительное изречение, поучение.

видаться с ней. А может, она сейчас здесь, в клубе?

Зина стала приглядываться к публике, сидящей в зале. И тотчас увидела в первом ряду Антонину Андроновну. Антонина Андроновна обмахивалась маленьким веером, сверкая острым огоньком кольца. Она сидела неподвижно, нарядная, громоздкая, она не смеялась и не хлопала маленьким актерам.

Тамары рядом с ней не было.

Сказка кончилась, загорелись лампочки. В зале шумели аплодисменты, ребята на сцене неуклюже раскланивались. Зина хлопала изо всех сил, она была счастлива чуть не до слез.

В антракте Зина разыскала отца. Он был в «курилке».

– Папа, ну как? – спросила она.

А самой ей уже было и так ясно, что отец и доволен и расстроган. Темные, немного запавшие глаза его глядели задумчиво и ласково, губы не могли сдержать улыбки.

– Ну видишь, папка? – сказала Зина чуть-чуть назидательно. – А ты уж думал, что наш Антон совсем пропащий человек! Видишь?

– Вижу, вижу. – Отец улыбнулся и погасил папиросу. – Все вижу! А у меня, между прочим, новость есть!

Зина с удивлением посмотрела на отца:

– Какая?

– Секрет пока.

– Ну, папка! Скажи хоть, новость-то хорошая?

– Мне кажется, что хорошая.

– Ну скажи скорей!

– Потом, потом, дома...

К отцу подошел товарищ, вальцовщик с их завода, и Зине пришлось вернуться в зал.

Ей снова бросилась в глаза крупная фигура Антонины Андроновны, ее оранжевое шелковое платье полыхало среди гуляющей по залу толпы. Зина подошла к ней:

– Здравствуйте, Антонина Андроновна. А где же Тамара? Она не пришла?

Антонина Андроновна посмотрела на нее сверху вниз, еле повернув голову:

– Тамара уехала.

– Как! Она уехала к папе? Совсем?

– Почему же совсем? И чего так удивляться? Просто поехала навестить отца, естественно.

И отвернулась.

«Значит, получила письмо и поехала, – подумала Зина. – Ну и хорошо. С отцом ей будет лучше. Только все-таки могла бы хоть проститься».

А впрочем, чего ж прощаться? Она приходила к Зине лишь тогда, когда ей больше не к кому было прийти. Но разве Зина ей была хоть как-нибудь дорога? Нет же. Да и кто ей был когда-нибудь дорог? Тамара умела только принимать внимание и услуги других. Только принимать...

– Подумаешь, твой Антон, малявка, уа-уа! – вдруг негром-

ко прозвучало около нее.

Зина быстро обернулась. Она узнала этот противный ей голос. Ну конечно, вот он здесь, коренастый, нестриженный, с дерзким взглядом прищуренных глаз, Яшка Клеткин.

– А что, думаешь, я так не мог бы? – продолжал он, раздувая ноздри. – Еще получше сыграл бы. Я бы сыграл – все со смеху околели бы!

Зина глядела на него не отвечая. Елена Петровна говорит, что с ним надо заняться. Может, и надо, но только Зина этого не сможет!

– А чего? – не отставал Яшка. Он сунул руки в карманы и стоял покачиваясь. – Я какую хочешь пьесу сыграю. Я бы и в кино сыграл. Еще и получше Рыбникова!

– Вот и ступай в кино да играй, – ответила Зина и, отстранив Яшку, поспешно прошла за кулисы.

– Все. Сеанс окончен... – вместе с коротким резким свистом донеслось до нее.

– Вот и да. Окончен, – пробормотала про себя Зина. – Хоть бы он раз и навсегда окончился, этот твой сеанс!

Ребятишки уже сняли свои костюмы. Сейчас в клубе начнется вторая часть – выступления заводской молодежи. А ребятам можно идти домой.

Елена Петровна внимательно поглядела на Зину:

– Что-нибудь случилось?

Зина хотела ответить, что ничего не случилось. Да ведь это так и есть – ничего не случилось.

– Так только, пустяки, Яшка Клеткин. – Зина покосилась на Антона и сбавила голос: – Яшка Клеткин в зале.

– Ты говорила с ним?

– Нет. Он сам со мной говорил.

– О чем же он говорил? – Елена Петровна обняла Зину за плечи и отвела подальше от ребят.

Зина рассказала. И тотчас отмахнулась:

– Тоже актер! Тарзана он может изображать, а больше никого.

– Надо его позвать к нам в лагерь, – решила Елена Петровна.

Зина остановилась и посмотрела ей в глаза. Разве она не знает, что Зина не может терпеть Клетки на?

Елена Петровна поняла ее. Она снова обняла Зину за плечи:

– Зина, так нельзя. Ребятишек надо любить. А иначе ты никогда не станешь ни хорошей вожатой, ни хорошим педагогом, хоть двадцать институтов кончай. Надо научиться в каждом из ребят прежде всего видеть хорошее. А если не видишь, найди в нем это хорошее. Вот, казалось бы, что же найдешь в таком, как Яшка Клеткин? А видишь – даже искать не надо, сам сообщил: хочет играть на сцене. Вот за это и ухватись.

– Я?!

– Конечно, ты. А что ж ты думаешь, нам, учителям, воспитателям, приходится работать только с теми, кто нам нра-

вится? Ты же и сама знаешь, что человек не всегда может делать то, что хочет, а делает то, что должен. Ведь не отправилась же ты со своими друзьями в поход? А почему? Потому что должна была остаться.

Зина вздохнула. Да, не отправилась! Ее друзья сейчас ходят по тем зеленым солнечным дорогам, которые грезились Зине каждую ночь, они ночуют у костров, они поют песни, работают на сенокосе. И все они вместе, как хорошо им, как весело, и до чего же Зина соскучилась о них!

Когда возвращались домой из клуба, Зина вспомнила, что у отца есть какая-то новость.

– Папа, а ты не можешь сейчас открыть свой секрет?

Отец принял таинственный вид:

– Нет. Что за разговор в дороге?

– Ну, папка! Что ты там придумал?

Дома Зину ожидало письмо. От Фатьмы, конечно. Наконец-то! Только Зина не будет сейчас читать его. Сейчас надо готовить ужин, потом ужинать, потом мыть посуду... А уж после всего, когда не нужно будет ничего делать и спешить, она вскрыет письмо и сядет беседовать со своей любимой подругой.

За ужином отец напомнил:

– Ну что ж, рассказать, что ли? Или уже не интересно?

– Ох, папка! – спохватилась Зина. – А я уж и забыла!

– Рассказать, рассказать! – подхватил Антон.

– Так вот слушайте... Картошка хорошо поджарилась у

тебя сегодня...

– Ну, папка!

– Нет, правда хорошо, с лучком...

– Ну, папка же!

– Так вот, ребята. Сегодня я переговорил в отделе кадров.

И с Андреем Никитичем. Они согласны дать мне отпуск на июль месяц.

– Ой, хорошо! А куда?..

– Так вот через несколько дней мы все втроем как соберемся, да и в деревню к бабушке! А?

– Ой, папка! Неужели? – Зина так обрадовалась, что не верила такому счастью.

Антон соскочил со стула и бросился к отцу:

– С папкой! В деревню!

Он забрался к нему на колени и принялся целовать отца в колючую, жесткую щеку.

– Папа, подожди-ка... – У Зины пропала улыбка. – А Изюмка как же? Значит, целый месяц к ней никто не поедет?

– Ну как же так? – Отец пожал плечами. – А разве мы из деревни не можем приехать ее навестить? Теперь по всем дорогам автобусы, электрички. Не то что раньше бывало: на лошади полдня до станции добираться – трюх-трюх! А то и вовсе на своих на двоих. Теперь съездить куда хочешь ничего не стоит.

– Папа, подожди, а как же пионерский лагерь?

– Проживут месяц без тебя. Тебе тоже нужен отдых!

Пожить в деревне вместе с отцом и Антошкой. Ну разве плохо? Очень хорошо, очень даже!.. Хотя это и не совсем то, чего хотелось Зине...

– Да, письмо!

Отец и Антон, уютно обнявшись, сидели на диване и читали «Сказку о золотой рыбке».

А Зина шла вместе со своими школьными друзьями по мягкому теплому проселку с розовой кашкой по краям, полела в колхозе капустные грядки, сбегаящие к реке, купалась в этой веселой речке с осокой и стрекозами; выступала в колхозной избе-читальне (читала стихи), варила на костре кашу...

«Андрюшка, такой нескладный, повесил сушить свои башмаки над костром, и один башмак упал прямо в огонь. Пока спохватились, а он уже обгорел весь, подметка отстала. Привязали веревочками, так теперь и ходит...»

– Эх ты, Андрей!.. – тихонько смеялась Зина. «А когда из Москвы уезжали, собрались все на платформе. Уже гудок, а Артемий все не командует посадку. Уже надо скорей садиться, тогда он говорит: «А где же та беленькая девочка? Зиной, кажется, зовут?» Мы сказали: «Она не поедет», – и он был недоволен. И тут же велел идти в вагон...»

Зина несколько раз перечитала эти строчки. «А где же та беленькая девочка?.. Он был недоволен». Заметил, значит. Заметил, что ее нет! «Зиной, кажется, зовут?.. И он был недоволен». Он был недоволен! Он был недоволен!

«Под кустами растут высокие желтые цветы. По настоящему они называются «купальницы». А в деревне их зовут бубенчиками. И знаешь – это правильно, они совсем как бубенцы, на солнце они просвечивают и кажутся золотыми. А почему нельзя у нас во дворе сделать такую клумбу из этих бубенцов? По-моему, можно. Вот и из ромашек тоже...»

– Ну, теперь пойдет про цветы. Теперь все цветы, какие растут в лесу и на лугах, будут описаны здесь, – медуница, колокольчики, голубой цикорий...

Но вот, кажется, кончились цветы.

«Мальчишки тоже пололи капусту. И Артемий полел. Он большой, ему нагибаться трудно, сердился, а все-таки полел. Сима Агатова тоже сердилась. У нее это плохо получается, верхушки отрывает, а корни в земле, ну прямо чуть не плачет. Артемий говорит: «Мы тебя освобождаем от этой работы». А она: «Ни за что, какая же я, говорит, комсомолка? Тогда, значит, я белоручка, а не комсомолка!» И знаешь? Ведь в конце концов научилась полоть, упорная такая. А зато Андришка Бурмистров прямо за двоих может работать, руки у него очень ловкие, хватистые какие-то...»

– И я с вами! И я!.. – вдруг вырвалось у Зины.

Она испуганно посмотрела на отца и встретила с его взглядом. Он смотрел на нее пристально, словно стараясь проникнуть в ее душу.

– Это я так, – виновато улыбнулась Зина, – я ничего!

«И потом – мы на молочной ферме помогли вычистить

загон. Телятник только что построили, участок весь замусоренный, а телятам надо, чтобы чисто было. Вот мы всё расчистили, перетаскали с участка все щепки, стружки, кирпичи. И сейчас лужок совсем зелененький. А телята желтенькие, сантиментальские...»

– «Сантиментальские»! – Зина засмеялась. – Папа, слышишь? Там, оказывается, телята не симментальские, а сантиментальские! Эх, Фатьма!

«И потом смотрели, как доят коров электродоилками. Такие металлические стаканчики привешиваются. Я хотела попробовать – как это доят коров? Но мне доярка не разрешила, потому что я корове незнакомая и она молока мне из даст. Вот ведь какие они, эти коровы, капризные!

А потом доярки и скотники все собрались, и Артемий рассказывал им, что такое космический корабль, и как он сделан, и для чего летали люди в Космос, и еще Артемий рассказывал про всякие миры. И про Венеру, что на ней там вода и болота и, может быть, всякие динозавры. А на другой день мы видели Венеру. Мы на рассвете шли через овсяное поле. Овес был зеленый и весь в росе, небо чуть розовело на горизонте, а повыше оно зеленоватое. И вот в этом зеленоватом, над розовой зарей, висела большая белая звезда, она сверкала и была такой красоты, что сказать невозможно. Артемий сказал, что это и есть Венера. Эх, жалко тебя не было, может, ты потом нарисовала бы...»

В конце письма Фатьма сообщала, что пишет за себя и за

Шуру, потому что Шура очень не любит писать письма.

«А тебя она очень любит. И все ребята тебя помнят...»

Зина задумалась, устремив глаза куда-то в далекую рас-светную даль овсяного поля, серебряного от росы. Она ви-дела это поле, видела сверкающую большую звезду, видела своих товарищей с рюкзаками за спиной, которые идут гусь-ком по тропинке и любуются красотой расцветающего лет-него утра...

– А может, нам по-другому сделать? – сказал отец.

Зина очнулась.

– Папа, ты про что?

– Может, нам вот как сделать: мы с Антоном в деревню, а ты догоняй ребят.

– Да? А это разве можно?

Радость была внезапной: Зине в голову не приходило, что все еще можно поправить, вернуть, догнать.

– А почему же нельзя? Сядешь в поезд, пошлешь теле-грамму. Они пишут, где останутся в пути?

– Да. Они придут в Кострому, а потом сядут на пароход.

– Вот в Костроме ты их и встретишь.

Зина бросилась к отцу и, как маленькая, обняла его за шею:

– Папочка, как ты хорошо придумал! И как же это ты мог так хорошо придумать?

– А мы – без тебя, да? – спросил Антон.

– Видишь, какой ты! – упрекнул его отец. – Надо же и Зи-

не погулять на свободе. А мы с тобой будем по воскресеньям на рыбалку ходить.

– Купаться будем?

– И купаться будем. И уху варить. А там грибы пойдут. Да мало ли!

Антон вздохнул и молча посмотрел на Зину. Зина в волнении прошла по комнате. Она поедет, поедет, она догонит ребят, и все осуществится, о чем мечталось! Искоса взглянув на отца и Антона, она почувствовала, что у них не совсем ладно. Хотя и толкуют они про уху и купание, однако оба загрустили, что Зины-то с ними не будет. На минутку сердце ее затосковало, жалко оставлять их... Но радость предстоящего затопила все другие чувства. Она поедет, поедет! Она догонит! Ой, как обрадуются ребята, когда она явится к ним!

– Папа, значит, мне написать им, что я еду?

– Конечно. Адрес-то есть?

– Адрес есть! Вот – Кострома, почтаamt, до востребования.

– Пошли телеграмму, сообщи, когда будешь. До Костромы ехать всего только ночь.

– Значит, надо рассчитать. В Костроме они будут второго июля – через семь дней.

– А через шесть ты выедешь.

– Одна?..

– А что ж такого? Вечером мы с Антоном тебя проводим.

А утром ты встретишься с ребятами. Даже некогда тебе будет и одной-то побыть.

– Папка, спасибо тебе!

На другой день к вечеру Стрешневы получили телеграмму: у Кати ангина в тяжелой форме, и заведующая просит приехать.

Телеграмму получила Зина. Она вошла с ней в комнату, перечитала еще раз краткие строчки, стараясь осмыслить, что произошло. А когда осмыслила – закрыла лицо руками и заплакала, опустившись на стул. Слезы хлынули ливнем, заливая лицо, они текли по рукам меж пальцев. Жалко было бедную маленькую Изюмку, которая вся в жару лежит сейчас в изоляторе. Жалко себя и всех своих сразу исчезнувших радостей. Вся душа возмущалась оттого, что так внезапно нехорошо повернулась жизнь...

НЕУДАЧНАЯ ВСТРЕЧА

Клеткин стал задумываться. С того утренника в клубе, когда расхваливали всяких там малявок, он почувствовал себя чем-то оскорбленным. Подумаешь, артист – Антошка Стрешнев: надел на себя раскрашенный шар да и бегаёт. А какой же он актер, если его лица не видно? У настоящего актера все на лице: горюет – так горе, а радуется – так радость. А если закрыть лицо, то всякий дурак сыграет. И пусть этот Антошка спасибо скажет, что Яшка молчал. А то как крикнул бы: «Вишневое варенье!» Ну и все. И скуксился бы сразу, вот тебе и актер! Сеанс окончен!

А вот если бы Яшку позвали и сказали бы: «Яшка, хочешь роль играть?» Вот тогда и увидели бы, какие настоящие актеры бывают. Он бы самого Чапаева мог сыграть. Только вот ростом еще маловат!

Ну ладно, пускай не Чапаева. А уж разведчика-то сыграл бы! Только разве позовут?

Яшка с унылым раздумьем сидел у окна возле чахлого фикуса и играл сам с собой в карты. Он обыгрывал своего невидимого партнера как хотел, подмешивал себе тузов, брал себе козырей, а простую масть подбрасывал партнеру... Но где-то, вторым планом, шли неотвязные мысли о том, что жизнь у него складывается как-то неладно. Вот и товарищей у него никаких нет, один да один...

Для разнообразия Яшка начинал ругаться со своим партнером:

– Ты что – плутовать? А ты знаешь, что за это бьют? Тот у меня! Как дам раза, так и засохнешь!

И он лупил картами воображаемого противника, хлестал ими по столу.

– Что – получил? Теперь запомнишь, не будешь семеркой короля брать!

А мысли текли своим чередом. Надо куда-то подаваться. Вчера в клубе он слышал, как ребята в красных галстуках разговаривали про Артек. Море там теплое. Купайся с утра до ночи. И даже ночью не остывает – лафа! И всякие персики, мандарины на деревьях растут. Еще пароходы огромные ходят по морю, пристают к Ялте. И там, в Ялте, иногда стоят всю ночь, огней от них – полное море. Поставят-поставят, а потом вдруг снимутся и тихо уйдут. Вокруг света...

А что, если Яшке забраться на такой пароход? Ведь он как большой дом все равно. Яшка спрячется там, и не найдет его никто. А что? Теперь вон сколько людей ездит вокруг света. Чего ж Яшке дома сидеть? Во дворе жарко, скучно. Дома мать с отцом только и знают что ругаются. А если не ругаются друг с другом, то ругают Яшку. Очень интересно, что ли?

– Чем ходишь? – закричал Яшка, стараясь прервать свои тревожащие душу мысли. – Козырным королем? Эх, простофиля! На короля-то здесь тузик есть. Всё – и ваших нет!

Вот на соседнем дворе в карты играют – это да! На деньги. Много выиграть можно. Только там все взрослые, Яшку не принимают. Как вечер, так выходит к деревянному столу под топодем жилец дядя Павел. Он молодой еще, а у него черная борода. Интересная борода: на щеках растёт, а на подбородке нет. Идет по двору и уже карты тасует. Ух и ловкий игрок, везет ему! Сначала проиграет немножко, а потом и начнет загребать. Другие ругаются, а чем дядя Павел виноват? Один раз и Яшкин отец всю свою получку проиграл. Вот-то было ему от матери! И дяде Павлу от нее попало. А за что? Везет человеку, и всё. Он даже и не работает нигде. Зачем ему работать? И так денег сколько хочешь. Вот бы Яшке так играть научиться. Да и научился бы, но не принимают. Дядя Павел хотел было принять, да другие не велели, нечего, дескать, ребятишек обманывать. А какой же обман, когда ему карта идет? Может, и мне пошла бы... Правда, говорят, что

он нужную карту в рукав прячет. Вот бы узнать, как это он...

Кто-то неожиданно постучал в дверь.

– Не заперто! – крикнул Яшка.

Дверь открылась, и в комнату вошла Зина Стрешнева. Яшка растерялся, глаза у него забегали. Чего это она пришла? Знает, что мать с отцом на работе...

Зина лишь два дня тому назад вернулась от Изюмки. Печальные дни в затененной комнате изолятора, тяжелые ночи, полные тоски и страха, у постели задыхающейся сестренки. Отчаяние и бессилие помочь. В эти дни Зина не видела ничего вокруг. Было только одно – душный зной длинных, однообразных, полных тоски часов и ночной страх за эту маленькую жизнь, которая могла угаснуть.

Нет, она не могла угаснуть. Зина эту мысль гнала с отчаянием и ожесточением. Если бы жива была мама, разве дала бы она умереть Изюмке? Нет, никогда не дала бы. И Зина не даст! Нет, не даст!

Когда одолевала усталость и голова валилась с плеч, Полина Аркадьевна тихо обнимала Зину за плечи и отводила на постель.

– Поспи, я посижу. Я не отойду от Изюмки. Я не засну около нее, не бойся.

Изюмка бредила, звала Зину, глядя ей в лицо, и не узнавала. Еле справляясь с рыданиями, Зина с ужасом прислушивалась, как что-то хрипит и клокочет в маленьком горле и дыхание со свистом прорывается сквозь этот хрип, как

ее бедная младшая сестренка изо всех сил борется за свою жизнь...

Все эти дни и мучительные ночи были до конца, до последней минуты заполнены страхом и борьбой с болезнью. Глаза видели только раскрасневшееся от высокой температуры Изюмкино лицо, уши слышали только ее затрудненное дыхание. И больше ничего. Может, и в эти дни цвели желтые бубенчики на луговинах и жужжали пчелы в липовых цветах, может, люди пели песни и купались в реке, а ночью светила луна и искрились звезды – Зина не знала.

Каждый вечер после работы появлялся отец. Его потемневшее лицо с запавшими черными глазами, его неуклюжие попытки помочь, его тревожные расспросы и разговоры с врачом – все это еще больше мучило Зину. Она изо всех сил старалась успокоить отца:

– Ну что ты? Обыкновенная детская болезнь. – Она повторяла то, что ей самой, утешая, говорил врач. – Все дети болеют ангиной, но ведь никто не умирает же. Только нужен внимательный уход, вот и все. Что ж ты, папка, думаешь, что я без тебя не сумею? Вот еще. Не беспокойся. Здесь и врач все время, и Полина Аркадьевна, и я. Чего ты? Вот еще, испугался! Поезжай, ведь тебе завтра на работу!

У Зины были союзники. Врач объяснял отцу, что его присутствие здесь никому не нужно, болезнь тяжелая, но катастрофой не грозит. Полина Аркадьевна журила его и тоже успокаивала как могла. И бедный отец наконец уходил,

ссутулив свои широкие плечи. Зина каждый раз стояла у ворот и глядела, как он уходит. Эта понурившаяся голова, эта неуверенная походка охваченного горем, растерявшегося человека... Зина плакала, глядя ему вслед. Бедный, ведь он не забыл, как словно из рук ушла в могилу их мать. Он никогда не забывает этого. Он не прощает и не простит себе ее смерти. Как же не дрожать и не трепетать ему теперь, когда может вот так же уйти ребенок? Пет, нет, Зина не даст уйти ребенку, нет, не даст!

Однажды, подкошенная усталостью, Зина очень крепко уснула в белой прохладной комнатке Полины Аркадьевны. И тотчас, лишь закрыла глаза, оказалась среди своих друзей. Они жгли костер, Фатьма подкладывала сухие ветки, высоко плясал оранжевый, с лиловыми язычками огонь. И сквозь высокое пламя Зина видела смутные лица Андрюшки, Васи Горшкова, Симы. И дальше всех сидел Артемий. Ребята разговаривали о чем-то, а Артемий сидел и молчал.

«Что же вы ничего не говорите мне? – хотелось крикнуть Зине. – Разве вы не видите, что я уже с вами?»

Но она пыталась крикнуть, а получался только шепот, и ребята ее не слышали, пламя костра мешало, оно слепило, и лицу было горячо. Зина удержала руку Фатьмы:

«Не надо больше сучьев, очень большое пламя, жарко...»

И открыла глаза. Ее разбудило солнце, проникшее из-за шторы. Счастливое настроение сна еще владело ею, так было хорошо ей только что. Но лишь мысли вернулись к действи-

тельности, Зина вскочила со страшной тоской: Изюмка!

Кое-как, на ходу подбирая волосы, она бросилась в изолятор, сердце сжималось от предчувствия беды. Как она могла уйти и заснуть, как она могла оставить Изюмку? Ей казалось, что только ее присутствие держит маленькую сестру. Что, пока Зина около нее, Изюмка будет жива, что только Зина может защитить ее.

С широко раскрытыми глазами, с перехватившимся дыханием она открыла дверь.

– Входи, входи, Зина! – вдруг встретил ее веселый голос Полины Аркадьевны. – А мы тебя ждем!

Изюмка, увидев Зину, попробовала приподняться, но Полина Аркадьевна удержала ее. Изюмка улыбнулась:

– Зина приехала! А папка с Антоном?

У Зины слезы подступили к глазам:

– Это кончилось? Все?

– Все, все, – успокоила ее Полина Аркадьевна. – Теперь только поправляться. Ну уж тут мы не замедлим. Как думаешь, Катя?

– Не замедлим, – повторила Изюмка.

Зина заплакала и засмеялась. И в это утро она снова увидела, что желтые бубенчики цветут на лужайках, и что в липовых цветах жужжат пчелы, и дети поют, отправляясь купаться на реку...

И вот теперь, вернувшись, она сразу направилась к Яшке. Уж если она справилась с такой страшной бедой, отстояла

Изюмку, – неужели тут не справится?

– С кем это ты играешь? – спросила Зина, кивнув на карты.

Почувствовав насмешку, Яшка смешал карты и надменно поднял свой широкий, похожий на маленький шалаш нос.

– А тебе чего?

Зина огляделась:

– Эх, ты! Лето, солнце на улице. А ты сидишь тут, в карты сам с собой играешь. Хоть бы в комнате прибрался, всё матери поменьше работы.

– А чего тут прибираться-то?

– Как – чего? Подмел бы. Половики вытряс бы.

– А что я бабьи дела буду делать?

– Подумаешь, мужчина какой! Просто скажи, что лень, вот и все.

– И сеанс окончен, – нечаянно для себя закончил Яшка.

– Тебе бы только сеанс! Вон хоть бы уши вымыл!

Яшка насупился:

– Ну и ладно. Тебе-то что?

Зина рассердилась:

– Конечно, никому до тебя дела нет! Учительница сколько раз приходила, время теряла с тобой да себе нервы дергала. Ребята приходили, уговаривали, нянчились. Подумаешь, цаца какая здесь сидит!

Яшка рассердился тоже:

– Ну и цаца! Ну и сижу! А тебе-то что? Я, что ли, к тебе

пришел? Пришла да еще кричит здесь. Испугался!

Зина поняла, что она сейчас все испортит. Зина так редко теряла самообладание, она была добра и ласкова. Но Яшка Клеткин одним своим видом постоянно выводил ее из себя. Однако, уж если пришла, так надо держаться как следует. Ведь ей так трудно было заставить себя прийти сюда.

– Да, ты прав, – сказала она. – Пришла да и кричу.

Чтобы справиться со своим раздражением, Зина принялась мыть чайную посуду, с утра оставленную на столе.

– Принеси полотенце.

– А я знаю, где оно?

Зина вышла в кухню, нашла полотенце, вытерла чашки и убрала в шкаф.

– Ступай трясги половики, я пол вымету.

– Очень надо.

– Ты, оказывается, лентяй. А я хотела тебя к нам позвать.

Но раз лентяй...

– А куда позвать-то?

– Вытрясешь половики, тогда скажу. Ну, собирай!

Яшке не хотелось вытрясать половики. Ну их совсем, пыли от них – не продохнешь! Но он все-таки нехотя встал со стула. Как интересно получается: только что он мечтал о том, чтобы его позвали в лагерь, – и вот, зовут! А зачем? Ну ладно уж, вытрясет, ему не трудно.

Яшка, не теряя своей надменности, принялся собирать половики. Он небрежно сдвигал их ногами, не желая на-

гнуться. И больше всего боялся, как бы Зина не заметила, что он очень рад ее приходу и что ему очень хочется узнать, зачем она его зовет в лагерь.

Когда он принес со двора вытрясенные половики, Зина уже домела комнату.

– Стели.

Но Яшка терпеть не мог стелить половики. Он бросил их на пол и, насвистывая «Трех поросят», отошел к окну.

– Ну что ж ты, Клеткин? – Зина не могла назвать его Яшей, а Яшкой не хотела. – Давай закончим дела, а тогда уж будем разговаривать.

– А чего мне с тобой разговаривать? – огрызнулся Яшка. – Пришла да еще командует здесь!

Довольно, наработался. Небось всех – Витя, да Митя, да Саша. А как его – то «Клеткин»! Если он плохой, так нечего и приходить и звать куда-то.

– Ну раз ты ленишься, так я сама. – Зина принялась расстилать дорожки. – Если ты даже этого не умеешь...

– Ну и не умею. И не хочу уметь. И ступай отсюда – я комнату запрю. Мне по делу надо.

Яшка надвинул кепку, взял ключ и стал у двери. Зина удивленно уставилась на него:

– Что это ты вдруг? Ведь мы же хотели с тобой о лагере поговорить?

– Хотел, а теперь не хочу. Все. Сеанс окончен.

Зина смутилась. Яшка не доходил ей и до плеча, а разго-

варивает так, будто он старший, а она малявка, «уа-уа».

– Значит, тебе только в карты играть интересно да деньги выпрашивать!

Зина сказала это и почувствовала, что еще больше испортила дело. Яшка взглянул на нее зло и дерзко:

– А ваш Антон не выпрашивал? Ступай Антона учи. А меня учить нечего, у меня мать с отцом есть! Уходи, я дверь запру.

Зина молча вышла из комнаты. Она, не оглядываясь, прошла через двор до калитки. Калитка захлопнулась.

Яшка, выскочив за ней следом, смотрел, как она уходила. Ему очень хотелось, чтобы она оглянулась, чтобы позвала еще раз... Может, он и не пошел бы, но все-таки ему очень хотелось, чтобы еще раз позвала его. Но калитка захлопнулась. Больше никто не придет за ним. Кому же он такой нужен? «Тебе, Клеткин, только бы в карты играть!..»

Ну и ладно! Ну и в карты! Яшка запустил руку в карман, достал горсть серебра. А чего это его не принимают играть, если у него есть деньги?

И, насвистывая как можно громче и веселее, Яшка сбил на затылок кепку и, сунув руки в карманы, с независимым видом, вразвалку отправился на соседний двор, к дощатому столу под тополем. Если он хорошенько попросит дядю Павла, так, может, и примут.

Зина пришла домой расстроенная. Какой же из нее вожатый? С хорошими, послушными ребятами каждый справит-

ся. А вожатым должен быть такой человек, который к каждому, даже самому разболтанному мальчишке сумеет подойти, сумеет подружиться с ним и увлечь его пионерскими делами.

Отказаться? Но Елена Петровна недавно сказала:

«Нельзя Яшке оставаться одному. Да он один и не останется. Мы откажемся, а какой-нибудь дядя Павел его приглубит!»

Нет. Нельзя отказываться! Нельзя.

«СЕСТРИЦА АЛЕНУШКА»

Яшка незаметно пробрался в пионерский лагерь и устроился около изгороди, за кустом. Сумерки, сгустившиеся в листве, защищали его. Ребята сказали, что сегодня здесь будет детское кино – аллоскоп. Конечно, это какое-нибудь «уау», но все-таки интересно: кино во дворе!

В библиотеку Яшка был не ходок, иначе он давно видел бы это домашнее кино – диафильмы. Он потерял взятую в библиотеке книгу, а вернее, ее искурил отец, отрывая по листочку, и поэтому Яшка избегал даже встречаться с библиотекарем. Прийти и рассказать, что случилось с его книгой, Яшка не мог: не очень легко жаловаться на отца чужому человеку. Яшка и стыдился отца и жалел. А порой яростно ненавидел. И легче всего ему было вообще не начинать речи об отце.

Как он боялся отца, когда был маленький! При одном стуке в дверь, при одном звуке пьяного голоса Яшка вздрагивал и бросался прятаться под кровать, за шкаф, куда попало. В памяти отпечатался страшный вечер, когда Яшка, спасаясь от тяжелой кастрюли с супом, которая летела в его голову, чуть не выпрыгнул из окна со второго этажа. Наутро, собираясь на работу, отец гладил его по голове виноватой рукой, бормотал что-то неуклюже-ласковое. Он как будто даже всхлипывал. Но Яшке уже было все равно, он лишь молча отвел отцову руку. Тогда Яшке исполнилось девять лет,

и с этого дня он разучился плакать. Сухими прищуренными глазами он глядел на стену, захлестанную супом, на безобразное темное пятно, распластавшееся на голубых обоях, и хотел только одного – чтобы отец ушел.

С того самого случая началась его дворовая жизнь. Ходил куда хотел, делал что вздумается. Стал пропускать уроки, отбился от рук в школе, отбился от рук дома. И, когда его в школе упрекнула вожатая, что он ведет себя недостойно октябрёнка, Яшка снял с груди свою октябрятскую звездочку и закинул через забор... И после этого у Яшки наступила полная свобода.

Елены Петровны сегодня в лагере не было, аллоскоп устанавливала Зина. Кондрат и Витя Апрельев натягивали на заборе полотно – кто-то принес простыню. Ребята, суетясь и весело переговариваясь, ставили скамейки и табуретки для зрителей. Колокольчатый смех Полянки звенел то здесь, то там. Яшке трудно было сидеть не вмешиваясь.

– Ну и как поставили скамейку? На бугор. Перекосилась вся. Это кто же – Антошка хлопочет? Эй ты, Антошка-картошка, ставь попрямее, свалитесь все!

Но он не крикнул, он только прошептал это. Скамейка осталась стоять криво, и Яшка плюнул с досады. С полотном тоже не ладилось. Витя держал за угол, Кондрат прибивал.

– Ну и как прибивает? – кипел за кустом Яшка. – Раз по гвоздю, два мимо. Ну вот, теперь гвоздь согнул. Так, и второй гвоздь согнул. Эх, мелюзга, ударить молотком по гвоздю

не умеет. Наконец-то прибил... Эх! Ну и прибил – все упало! Все – сеанс окончен!

– Что, ребята, не ладится? – сказала Зина. Она уже установила аллоскоп и вставила пленку. – Давайте я вам помогу. Держите простыню.

Зина взяла у Кондрата молоток и гвозди.

– Какие-то гвозди тупые, – проворчал Кондрат, – не забиваются.

– Сейчас забьются.

Зина взмахнула молотком, ударила – мимо. Ударила еще раз – гвоздь вылетел из рук.

Этого Яшка уже не мог стерпеть. Он выскочил из-за куста и ловко перепрыгнул через невысокую изгородь.

– Эх вы, уа-уа! Давай сюда молоток!

В садике наступила внезапная тишина. Все глядели на Яшку, кто с удивлением, кто с опаской: уж очень какой-то разбойный был у него вид. Антон молча отбежал и спрятался за Зину. Зина растерялась, но тут же, спохватившись, спокойно сказала:

– А! Клеткин. Ну давай прибивай, я подержу.

Яшка взял у нее из рук молоток, влез на табуретку.

– «Клеткин, Клеткин»... – ворчал он, прилаживая угол простыни. – Вот тебе и Клеткин...

Раз, два!.. Гвоздь забит. Яшка переставил табуретку – раз, два – другой гвоздь забит. И еще, чтобы не морщилось, – раз, два – третий гвоздь забит. Яшка слез, посмотрел, ровно-ли.

Ровно.

Экран готов!

– Ну и все. – Яшка бросил молоток на табуретку. – А то «Клеткин, Клеткин»...

– Спасибо, Яша, – сказала Зина. – А ты, оказывается, ловкий.

– Вот еще и скамейку криво поставили, – все еще ворчливо, но уже отметив дружеское «Яша», сказал он и поправил скамейку.

– Спасибо, Яша, – повторила Зина. – Ребята, садитесь – кино начинается. Яша, хочешь посмотреть сказку? Садись.

– Что я, маленький, что ли? – огрызнулся Яшка. – Сказки ваши...

Но Зина вдруг каким-то чутьем распознала его. Все огрызается, все ершится, а сам рад, что назвали Яшей, и сказку ему посмотреть, конечно, хочется.

Преодолев свою неприязнь, Зина заставила себя быть с ним приветливой.

– Ладно, ладно, садись, – сказала она. – Не захочешь смотреть – уйдешь.

И тут же подумала: «Хоть бы и правда ушел!» Ребята уселись на скамейки. Маленькие – поближе к экрану, старшие – сзади. И на самой задней скамейке уселся Яшка.

Антон постарался сесть от него подальше, на передней скамейке, на самом дальнем от Яшки месте: он все ежился и все оглядывался на Яшку украдкой. Встретившись с ним

взглядом, Антон замер, как зайчонок перед волком. Он увидел знакомую насмешку в этих прищуренных, затененных длинными ресницами глазах. Неужели начнется все сначала и опять Яшка будет мучить его и опять будет требовать денег?.. Зачем Зина пустила его, зачем сказала, чтобы Яшка остался?

Белое квадратное пятно мягко светилось в летних сумерках. Зрителей значительно прибавилось, пришли жильцы из соседнего дома, завернул на площадку и кое-кто из старших пионеров.

– Сейчас мы будем смотреть русскую сказку «Про сестрицу Аленушку и братца Иванушку», – сказала Зина.

И на белом квадрате появился первый кадр: ярко раскрашенная картинка, с которой взглянули на зрителей главные герои – желтоволосая сестрица Аленушка в синем сарафане и румяный голубоглазый братец Иванушка.

– «Жили-были сестрица Аленушка и братец Иванушка...»

– Вот так кино! – вполголоса проворчал Яшка. – Они же не двигаются.

– Это диафильм, Яша, – ответила Зина. – Фигуры не двигаются. Но действие движется.

– Дальше! – крикнул кто-то из ребят. – А потом что?

Картинка сменилась – злая мачеха прогоняет из дома сестрицу Аленушку и братца Иванушку.

– «Идите, и чтобы мои глаза вас не видали...»

И вот в вечерней тишине городского двора возникла и потекла чередой ярких картин старая волшебная сказка, полная печальных и трогательных событий, нежной преданности и любви.

Антон призадумался. Он уже забыл о Яшке. Но эта сказка, которая проходила перед его широко раскрытыми глазами, как-то странно мешалась с жизнью. Разве не сестрица Аленушка его старшая сестра Зина, которая оберегает его и учит, как надо поступать и как не надо. И разве он, Антон, не братец Иванушка, который не послушался своей старшей сестры и напился из козьего копытца?

А что вышло из этого? Хоть и не стал Антон козленком, а вором сделался. А это еще хуже!..

Сказка идет дальше. И вот уже гибнет сестрица Аленушка, лежит на дне озера, и «шелкова трава ноги спутала, желты пески на грудь легли...» А бедный козленочек бежит по берегу, зовет свою старшую сестру, просит, чтобы она выплыла, потому что козленочка хотят зарезать и защитить его некому!

– Ой, Аленушка! – вдруг всхлипнула Полянка. – Ой, выплыви!

Антон молчал и крепился. Но слезы уже подступили к его глазам. Почему-то не Аленушку он видел на дне озера с желтым песком на груди, это его сестра Зина лежала там!

Он отвел глаза от экрана и поглядел на Зину. Нет, вот она, его старшая сестра! Она живая, она стоит здесь и показывает

им сказку. Она здесь, она возле него. Она никому не даст его в обиду. Только слушаться ее надо и не пить никогда из козьего копытца!

Зина почувствовала его взгляд и улыбнулась ему, ободряюще кивнув головой. Это успокоило, снова стало свободно дышать.

Яшка словно исчез. Пускай он сидит здесь, пускай щурится на Антона, Антон больше не боится его!

Сказка кончилась. Над воротами загорелся круглый белый фонарь.

Зрители расходились с негромким говором, все очень довольные. Антон пытался помочь Зине уложить пленку. Подбежала Полянка и прижалась к Зине:

– Сестрица Алenuшка!

Зина засмеялась. Но Антон сурово отстранил Полянку:

– Это моя сестра.

– И моя! – закричала Полянка.

Антон возмутился:

– Нет, не твоя. Это моя старшая сестра.

– И моя!

– Антон, не толкайся, – сказала Зина. – Полянка права. Вы оба октябрята. А я комсомолка. Значит, я обоим вам старшая сестра. Понятно?

– А все-таки мне сестрее! – возразил Антон.

Яшка встал, лениво потянувшись. Он с интересом смотрел сказку, но сейчас принял небрежный вид:

– Уа-уа! – и зевнул.

Но, когда увидел, что Кондрат полез снимать полотно, вскочил и оттолкнул его:

– Ну-ка вы, малявки! Давай я сниму. – И он, ловко выдернув гвозди, снял простыню.

– Если умеешь – сложи, – сказала Зина, убирая аллоскоп.

Яшка не умел складывать простыни, он никогда не убирал постели. Смутившись, он бросил полотно на скамейку:

– Сами сложите!

И, сунув руки в карман, засвистал песенку и пошел с площадки. Антон с облегчением глядел ему вслед: вот уходит и ничего не может сделать Антону. Пускай только уходит поскорее!

Но вдруг Зина остановила Яшку. Зачем?

– Яша, – сказала она, – если найдешь время, заходи завтра. У нас будет урок фотографии. Кондратов отец, Иван Кузьмич, принесет фотоаппарат, будет показывать, как снимать. Все старшие ребята придут. Может, тебе интересно? Приходи тоже.

Яшка был польщен. Он едва смог скрыть самодовольную улыбку.

– Ладно. – Яшка небрежно пожал плечами: – Может, придду. – И тут же показал шик – плюнул сквозь зубы.

Но Зина уже знала, что сегодня она победила.

А дома ее снова ждало письмо:

«Дорогая наша Зиночка, ты так и не приехала! А мы тебя

ждали в Костроме, выходили к поезду и даже чуть не плакали. А потом получили твое письмо. Ну и не везет же тебе!..»

«Неправда, – мысленно возразила Зина, – вот уж и неправда, мне везет. А если бы я уехала, а Изюмка заболела без меня? А если бы что случилось – как бы тогда мне жить на свете? Как хорошо, как хорошо, что я не уехала, ой, как это хорошо!»

«Мы целый день пробыли в Костроме. Ходили на льняной комбинат имени Зворыкина. Какой же огромный этот комбинат! Там всё – и обрабатывают лен, и прядут, и ткут, и красят полотно. В цехах светло, окна большие, воздуха много, только очень шумно от станков. Станки работают изо всех сил, ну знаешь, будто с цепи сорвались, так яростно работают. А работницы ходят около них тихо и только очень внимательно смотрят, чтобы не оборвалась нитка. Я бы, наверное, не смогла быть такой внимательной целый день. И у меня появились мысли. Ведь каждую вещь делает какой-нибудь человек, и так внимательно ее делает и отдает этой вещи свое время, свои силы и очень много своей жизни. А мы другой раз этого не понимаем и совсем не думаем об этом и портим разные вещи. Как один раз я посадила березку в школе у ворот – помнишь, может быть? Все поливала ее, чтобы прижилась. А когда прижилась, какой-то идиот ее сломал. А я столько труда положила!..»

Зина читала и старалась все это представить себе. И бесшумно гудящие станки, и пар в красильной над широкими ча-

нами, и бегущее для просушки высоко вверх, под потолок, выкрашенное розовое полотно, и тяжелые катки, через которые это полотно проходит и укладывается, уже ровное и проглаженное, в тюки...

Фатьме нравилась Кострома. Она с удовольствием описывала тихие, приветливые улочки, в конце которых светилась волжская синева, небольшие дома с пышно цветущими геранями в окнах, торговые ряды, где продается это красивое костромское полотно, музей, где стоит статуя Ивана Сусанина – ведь он здешний, костромич.

На страницах этого письма Зина увидела и тихую широкую реку Кострому, которая здесь, около города, впадает в Волгу. Узкий мост через реку, а на той стороне старинный Ипатьевский собор. Нежно-голубое небо с розовым облаком, и золотые тяжелые главы, и зеленый берег под крепостной стеной монастыря – все, как в чистом зеркале, отразила река Кострома. Ребята идут по мосту на тот берег и входят в монастырский двор, разглядывают монастырскую звонницу с позеленевшей от времени крышей и покои с расписными печками и маленькими окошками, где прятался от поляков юный царь Михаил Романов и откуда он вышел, сел в ладью и отправился в Москву на царство.

«Ох, сколько всего увидишь и узнаешь, если пойдешь вот так, по всей стране, – и истории и географии!»

А еще тебе скажу: тут есть очень хорошие школы, ребята сажают очень много цветов...»

«Ну, теперь, кроме цветов, уже больше ничего не жди!»
– улыбнулась Зина.

Она не ошиблась: последние страницы были заполнены астрами и гладиолусами, петуньями и георгинами, флоксами и душистым табаком. Вокруг школы – прибой цветов. Прибой этот выплеснулся из школы в город. Цветы на улицах, цветы на площади. И сажают их всюду школьники-юннаты. Вечером весь город пахнет душистым табаком и матиолой.

«Почему бы нам тоже так не сделать?»

Из Костромы мы пойдем в колхоз имени 12 октября к Прасковье Андреевне Малининой посмотреть ее знаменитых коров. Ну, Зина, почему тебя нет с нами!..»

Зина сложила письмо и протянула его отцу.

– Очень интересное письмо, – сказала она. – Когда ты освободишься, почитай. Тебе понравится. Ну, папа, а чего ты так смотришь на меня? Думаешь, я расстроилась?

– Думаю, да, – ответил отец, принимаясь за свой чертеж.

Зина улыбнулась:

– А вот и нет, а вот и нет, не угадал!

Она подсела к нему и осторожно вынула из его руки рейс-федер:

– Папа, ты послушай, это важно. Ты беспокоишься из-за меня. Я вижу. А напрасно. Я очень рада, что им так интересно. И письма мне очень интересно читать. И сначала мне очень хотелось к ним, ну очень, очень!

– А теперь, скажешь, нет?

– Папа, ты мне верь. А теперь нет. Знаешь почему? Я начинаю как-то чувствовать, что должен делать пионервожатый, начинаю верить, что я смогу быть настоящей пионервожатой – ну не сейчас, не сразу. А ты думаешь, это маленькое дело – быть хорошей пионервожатой?

– Думаю, что это очень большое дело, – сказал отец, – очень большое и очень ответственное. Так же, как дело учителя. Из моих рук, например, выходит проволока. Нужная вещь, ничего не говорю. А из рук прокатчика, скажем, – листовое железо. Тоже вещь нужная, очень даже. А ведь из рук людей, которые с детьми работают, выходит человек, его характер, его мировоззрение. А что на свете важнее человека? Вот как я думаю...

– Папка, ну вот и я так же думаю! И если я сумею, если я смогу... то ни о чем другом я уже и не жалею... Потому что мне кажется, что я начинаю уметь. Только еще начинаю, но все-таки начинаю уметь. Понимаешь? Ты понимаешь меня?

– Конечно, понимаю.

– И знаешь, папка, у меня сегодня еще одна радость... – Зина покосилась на Антона.

Антон спал, положив голову на сложенные на столе руки. Зина понизила голос:

– К нам сегодня приходил Клеткин. Топорщился, фасонился, а все-таки диафильм глядел. А завтра у нас фотокружок, и я уверена, что он опять придет. И если он выправится, папка, ну разве это не победа будет, а?

Отец усмехнулся, напряжение в лице и во взгляде исчезло:

– Ну ладно, когда так, – сказал он и взял из ее рук рейс-федер, – если у тебя столько радостей...

– Папа, – припомнив один разговор, задумчиво спросила Зина, – скажи, а разве это не личные радости? Почему не личные?

– А почему ж не личные? – ответил отец. – Я так не считаю. Если я доставил радость другому – значит, это и моя радость. Моя личная. Я вот так считаю. Конечно, если этот другой – не враг...

– Ну, папка, разве это надо объяснять? – засмеялась Зина. – Хочешь, я открою тебе один секрет?

– Хочу.

– Ты, папка, думаешь, что я еще маленькая. А я уже большая!

– Да? – Отец поглядел на нее с удивлением. – Смотри-ка, а ведь и правда большая! Скажи пожалуйста! Теперь открой мне еще один секрет: а когда же ты, дочка, выросла?

МОСТИК СЛОМАЛСЯ

Иван Кузьмич, прокатчик, увлекался фотографией. Чуть ли не каждое воскресенье, если позволяла погода, он отправлялся со своим «Зорким» «на этюды» – куда-нибудь за город или в Зоопарк, на Красную площадь, в районы новостроек... Без конца снимал строящийся свой заводской дом, в котором возникали их будущие квартиры. Фотографий этого дома у него накопилась уже целая серия – вот роют котлован, вот возводится первый этаж, вот второй, третий... Проемы окон еще глядят пустыми черными квадратами, но уже недалеко то время, когда в них засверкают стекла, забелеют занавески, зазеленеют цветы. Этот растущий дом – растущая радость будущего хранилась у него в особой папке, и соседи нередко приходили посмотреть эти фотографии, помечтать о том, как они будут жить в квартирах с ваннами, с балконами, на которых можно будет разводить цветы.

«И белье хорошо посушить», – добавляла какая-нибудь хозяйка.

Но ее тут же обрывали:

«Только вам белье сушить на балконах, как же! Дом стоит – красавец, а на балконах – тряпье развевается. Эко как культурно! Скажешь еще, половички потрясти с балкончика, людям на голову!..»

В это воскресное утро Иван Кузьмин как раз собирался

на свой любимый объект – к строящемуся дому. Он заряжал кассеты, но загрубевшие от работы, желтые от табака пальцы с крупными ногтями как-то плохо слушались его.

– Дай-ка я, – сказал Кондрат, который стоял рядом и наблюдал за его сборами.

– Умеешь ты, как же! – ответил Иван Кузьмич. – Сколько говорил – учись. Не хочешь. А не хочешь – не надо.

– Почему это – не хочу? Да ты же не учишь. Тебе бы только самому ходить да снимать.

– А ходи и ты, пожалуйста. Но ведь тебе же все некогда, все по своим ступенькам лазишь.

– По каким ступенькам?

– По пионерским. По каким же еще?

Кондрат скупно усмехнулся:

– А какие они, по-твоему, ступеньки?

Отец молча налаживал аппарат.

– Ну что же замолчал-то? Говори, какие ступеньки?

– Чего ты пристал? Я почем знаю какие? Пионер я, что ли?

– Эх, отец, отсталый ты. Вот если я выучусь как следует фотографировать – значит, у меня будет умение. Понятно тебе? А если других ребят научу, буду пионер-инструктор. Понятно?

– А где ж тут ступеньки?

– Ну, раз у меня есть умение – значит, я шагнул на одну ступеньку. Понятно?

– Нет, не понятно. А если ты не фотографировать на-

учишься, а, скажем, дрова рубить? Тоже ступенька?

– Ну... Тоже ступенька.

– А если курточку свою починишь – вон рукав-то у тебя разодрался...

– Опять рукава разодраны? – тотчас послышался из кухни голос матери. – Давно ли чинила, а?

– Ну вот, теперь про всякие рукава пошло, – недовольно сказал Кондрат, – я про ступеньки, а они...

– Ну ладно, давай про ступеньки, – согласился отец. – Так, если рукав зашьешь, тоже ступенька?

Кондрат не знал, что ответить. Если ступенька, то что-то уж очень маленькая. Но умение это или не умение? Пожалуй, все-таки умение.

– Гляжу, нянчатся с вами, как с грудными детками, – вздохнул отец, – лишь бы к какому делу приохотить. Умение, ступеньки, инструктора, значки всякие. А дело не для ступенек надо делать, не для «умений» там ваших, а просто уметь да делать как следует. Вот пленку ты, пожалуй, сумеешь проявить, а рукав зашить не можешь. А инструктором называешься! Какой же ты инструктор с разорванным-то рукавом?

– Опять про рукава! – чуть не заплакал Кондрат. – Я хотел о деле с тобой... а ты все рукава да рукава!

– Ну вот, хватился... – Отец вскинул на плечо ремешок аппарата, надел кепку и пошел из комнаты. – Как мне уходить, так ты про дело.

– Да у меня же к тебе пионерское поручение! Ребята просили тебя к нам на площадку прийти, чтобы ты фотографировать поучил. Я обещал, а ты!..

– А я не обещал.

Но, уже взявшись за ручку двери, он обернулся, внимательно посмотрел на Кондрата и смягчился:

– Приходите на строительство, дом снимать будем.

Кондрат просиял, засмеялся:

– Опять дом? Ой, папа, тебе этот дом, наверное, во сне снится!

– А тебе – нет?

Кондрату не снился новый дом, ему и в старом было хорошо. А чего нужно? Спать есть где. Стол – под окнами, уроки делать светло. Правда, на этом же столе они и обедают, но ведь не целый же день Кондрат сидит за уроками! Всему свое время – и обеду, и ужину, и урокам. У Кондрата в стене около двери даже гвоздь свой, чтобы вешать пальто. Места хватает. Но если всем так хочется переехать в новые квартиры – так что ж, Кондрат не возражает.

Торопливо сбежав с лестницы, Кондрат помчался в пионерский лагерь.

У ворот лагеря он чуть не налетел на Яшку Клетки на. Клеткин стоял с надменным видом, прищунив глаза и приподняв подбородок.

– Здравствуй, – сказал Кондрат и почему-то, растерявшись, протянул Яшке руку.

– Коли не шутишь, – ответил Яшка, не вынимая рук из карманов. – А где же твой батька с аппаратом? Болтаете только. Уа, уа!

Кондрат обиделся и молча прошел мимо него.

– Сейчас умру с горя, – сказал Яшка ему вслед.

Однако это было обидным разочарованием. Яшка нетерпеливо ждал этого утра. Ему вовсе не нужен был пионерский лагерь и все их ребячьи затеи. Какие-то разноцветные змеи, спектакли, пластилины... Но взять в руки настоящий фотоаппарат, поглядеть в глазок, щелкнуть! А потом, может быть, даже научиться и проявлять и печатать... Ох, и наснимал бы тогда Яшка разных карточек – и Парк культуры бы снял, и Москву-реку, и мост над Москвой-рекой! А то и в Кремль пошел бы, Царь-пушку снял. Он бы научился, только один разок посмотреть – и готово!

Но вот он, Кондрат, пришел, а Ивана-то Кузьмича с аппаратом и нет. Очень нужно Ивану Кузьмичу возиться с малявками. Как же, так вот сейчас наденет калоши и побежит к ним в садик!

Яшка, насвистывая, медленно направился по улице. Воскресенье, выходной. Отец дома и уже с утра «веселый», стучит кулаком по столу и кричит, что всех заставит ходить по одной половине, а мать смотрит куда-то в окно, будто не слышит его, и Яшка знает, что ей скучно-скучно, так скучно, что хочется лечь, да и умереть. Яшка слышал, как она именно этими словами – лечь, да и умереть – говорила о своей тоске

соседке.

И Яшке скучно. Жаркий летний день, когда люди ловят рыбу, собирают в лесу грибы, катаются на лодках, – этот день для Яшки был полон одиночества, безделья, тоски, оттого что неизвестно куда себя деть, и тайной печали, оттого что вся его жизнь какая-то нескладная и не как у людей. Куда идти? Что делать?

Может, в кино? Но все только кино и кино. А жизнь ведь не только на экране. Вот был бы у него фотоаппарат! Счастливый этот Кондратка: пойдет со своим отцом, да и будет снимать что захочет. Если бы у Яшкиного отца был такой «Зоркий» или еще лучше – «Киев»!

Вспомнив о своем отце, Яшка невольно скривил губы. У его отца – аппарат! А что бы он с ним стал делать? Только одно – пошел бы да пропил.

Яшка брел сам не зная куда. На углу улицы его окликнули:
– Яша! Клеткин!

Яшка обернулся. Его звала Зина Стрешнева, она махала ему рукой:

– Пойдем с нами!

– Куда еще? – хмуро спросил Яшка.

– Фо-то-гра-фи-ро-вать!..

Яшка, все так же хмурясь, повернул обратно. Он делал вид, что все это ему малоинтересно и что он идет так, от скуки. Но его узкие ярко-синие глаза так и светились от радости.

Зина стояла у ворот и ждала его.

– Идем с нами на стройку, Иван Кузьмич велел.

Новый дом уже на четыре этажа поднялся над землей, наметился и пятый. Он словно врезался в небо своими красными кирпичными стенами, весь разграфленный еще пустыми темными проемами окон и дверей – будущие окна, будущие двери будущих прекрасных квартир.

Среди штабелей кирпича, строительного мусора и холмов разрытой земли и глины ходил со своим «Зорким» Иван Кузьмич, высокий, сутулый, длинноногий. Вот он перешагнул через канаву с канализационной трубой, встал под старой черемухой, которую строители, оберегая, оставили для будущего сада, и навел аппарат на угол третьего этажа.

– Там будет наша квартира, – пояснил Кондрат.

Зина остановилась, не зная, как ей в своих белых парусиновых босоножках пройти среди сырых, разъезженных грузовиками глиняных бугров. Но ребята уже бежали к Ивану Кузьмичу, прыгая через канавы и доски. Первым подбежал Яшка.

– А нам поснимать дадите? – спросил он, глядя в глаза Ивану Кузьмичу, напряженно стараясь угадать по выражению этих глаз: даст он поснимать или откажет?

– Иди сюда, – сказал Иван Кузьмич, – стань здесь.

Яшка послушно встал там, где ему указали. Иван Кузьмич подал аппарат, закинул ему на шею желтый ремешок.

– Теперь гляди сюда, в глазок.

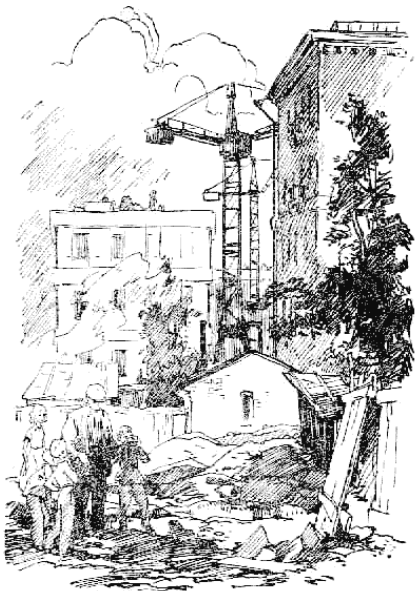
Яшка вдруг стал робким и покорным. Он поглядел в ма-

ленький волшебный глазок и увидел там и дом, и Зину, и ребяташек, и груды кирпичей, и кран с поднятой стрелой... Столько всего уместилось в этом глазке, и все видно так отчетливо и так ярко – прямо крошечная цветная картинка!

И Яшка снимал.

Он быстро, быстрее всех ребят понял, как нужно фотографировать, как находить нужный ракурс, сколько времени держать.

– А ты, брат, молодец, оказывается, – сказал ему Иван Кузьмич, – способный. Ты чей?

Сквозь много — и два, и перемену, и триа друга.

– Ивана Клетки на, слесаря, – нехотя ответил Яшка.

Иван Кузьмин хотел сказать: «А, это ты и есть Яшка Клеткин, который из школы убежал?» И хотел хорошенько пристыдить Яшку.

Но Яшка предвидел это и ловко перевел разговор:

– А как это делается, что карточки цветные бывают?

– Это особая статья. Это пленка такая есть, – сказал

Иван Кузьмич и начал увлеченно объяснять, как делается эта пленка, на которой снимки получаются цветными.

Снимали много – и дом, и черемуху, и друг друга. Яшка снял целую группу – Зину и всех ребят с нею. Иван Кузьмич поднялся в свою будущую квартиру, и его сфотографировали глядящим из проема своего будущего окна.

Зина тайком следила за Яшкой.

«Вот чем можно привязать его, – думала она. – Может, будет в конце концов человеком».

И в первый раз она с радостным облегчением отметила, что думает о Яшке без вражды и раздражения. Ну и кто он такой, если разобраться? Маленький, заброшенный, облившийся мальчишка – вот и все. Стоит ли и можно ли сердиться на него? Елена Петровна права: его приручить надо, приручить лаской, доверием. Тоненький, хрупкий мостик уже протянулся между нею и Яшкой, надо уберечь этот мостик, укрепить его.

Пленка кончилась, и все отправились домой. Яшка не уходил от Ивана Кузьмича.

– А потом что? Проявлять?

– Проявлять. А потом печатать.

– А как проявлять? А как печатать?

Иван Кузьмич поглядел на него с высоты своего большого роста:

– А ты, я вижу, азартный! Приходи уж, к вечеру, вместе проявлять будем, а потом печатать.

У Яшки широко раскрылись глаза:

– Правда?

– Да чего ж не правда?

– А хозяйка твоя... не выгонит?

– Моя мама не такая, чтобы выгонять, – сурово осадил его

Кондрат.

Кондрат ревновал. Отец носится с Яшкой, как будто только один Яшка тут и есть. «Способный», «азартный», «молодец»... А как будто Кондрат хуже снимает. Он уже и проявлять умеет и печатать. Правда, ему некогда много заниматься фотографией, у него еще и других дел не сочтешь. А Яшка только по улицам слоняется. И уже он и «молодец» и «способный»!

– Вот и пойди, Яша, – вмешалась Зина, – вот и будете проявлять вместе с Кондратом.

– Пускай без меня проявляют, – ответил Кондрат, – я буду книжки в библиотеке выдавать. Да и потом, я ведь... не азартный.

– Эх, кабы у меня такой аппаратик был! – не слушая Кондрата, сказал Яшка. – С утра до ночи снимал бы. И ночью снимал бы! А что, Иван Кузьмич, ночью снимать можно?

– Я снимал. – Иван Кузьмич был рад, что наконец-то встретился ему человек, с которым можно сколько хочешь говорить о фотографии. – При больших фонарях снимал. Интересные снимки получаются. Придешь – покажу.

– Ладно! А поснимать дашь?

– Если сумеешь, конечно, дам. Все равно аппарат всю неделю без работы лежит. Кондрат – он ведь, ты сам слышал,

до этого дела не азартный.

Зина видела, как сверкнули на отца глаза Кондрата. Но это ничего, пускай парнишка немного потерпит.

Может, Иван Кузьмич лучше, чем кто-либо, сумеет приручить Яшку.

Яшка с этого дня стал чаще появляться в лагере. Он принес отпечатанные карточки, на которых среди бугров и строительного материала стояли ребяташки и Зина. У Зины было темное лицо и черные волосы, но это ничего, это переноска. В следующих карточках этого не будет.

Зина по-прежнему не любила Яшку. Она заставляла себя терпеть его присутствие. Однако она все больше и больше убеждалась в том, что доброе отношение к человеку вызывает такое же доброе отношение и с его стороны. «Худой мир лучше доброй ссоры» – здесь эта пословица оправдывалась. Чем дальше, тем лучше и добрее становился этот худой мир. Яшка хоть и не стал ласковей, все-таки кое в чем начал уступать. Он уже не плевался, не дразнил маленьких и, кажется, перестал попрошайничать на улице.

Через Кондрата она знала, что Яшка теперь все вечера проводит у Ивана Кузьмича, что он без конца возится с пленками, печатает, проявляет и даже ходит фотографировать один – Иван Кузьмич дает ему фотоаппарат.

«Мы его выведем в люди, – похвалилась как-то Зина отцу. – Важно сначала чем-нибудь увлечь человека...»

«Ну что ж. Сначала увлечется, а потом надоест, – ответил

отец. – Так тоже бывает».

Зина удивленно посмотрела на отца:

«Как ты можешь так думать, папа? Вот увидишь, мы этой зимой его в пионеры принимать будем!»

Отец с сомнением пожал плечами.

«Хорошо, если так. Буду рад и за него и за тебя».

Этот разговор огорчил Зину. А что, если и правда Яшка позабавится, да и уйдет снова на улицу попрошайничать, добывать деньги на кино и папиросы? А потом, может быть, и воровать. И что же тогда окажется? Что Зина и радовалась напрасно, и преодолевала свою вражду напрасно, и что никак она на Яшку не повлияла, и что никакой она не воспитатель и не вожатый.

Но нет, нет. Просто отец слишком осторожен. Ему нужны факты. Ну что ж, дай время, будут и факты! Вот посмотрим, что ты тогда скажешь, папка, недоверчивый человек!

...Был тот предвечерний час, когда рабочий день на заводе близится к концу, когда вахтер, поглядывая на часы, готовится дать гудок, а хозяйки начинают накрывать на стол. Мирный час, когда семья собирается к обеду и отдыху.

Зина тоже накрыла на стол. Обед был готов. Сегодня ей даже удалось сделать рисовый пудинг с клюквенным киселем. Антон уже похаживал из комнаты в кухню и поглядывал на кастрюлю с киселем, который остывал на окне.

В дверь позвонили. Антон бросился открывать:

– Папка!

– Какой папка? – сказала Зина, невольно встревожившись. – Еще гудка не было!

Звонил Кондрат. Он хмуро поздоровался с Зиной.

– Что случилось, Кондрат? – спросила Зина, чувствуя что-то недоброе, что касается и ее.

Кондрат мрачно посмотрел ей в глаза:

– Яшка сбежал.

Яшка сбежал! Зина неожиданно почувствовала смутную радость. Яшки нет, он, наконец, сделал то, чего когда-то так хотелось Зине. Его нет, он больше не будет приходить и пугать Антона, и Зине не надо будет напряженно следить за ним и изыскивать пути к сердцу этого неприятного и даже противного ей человека! Неужели это правда, неужели Яшка сам, по своей воле, освободил ее от своего присутствия?!

– И отцов аппарат унес, – сказал Кондрат.

– Как? Украл аппарат?

– Взял поснимать. А теперь Яшки нигде нету. И аппарата нету.

Зина побледнела. Ей стало стыдно своей мгновенной радости, ей не хотелось верить, что все это случилось. Может, просто он ушел куда-нибудь далеко, увлекшись снимками. Надо подождать, он явится, обязательно явится. Это невозможно, чтобы Яшка поступил так подло!

Ни Зина, ни Антон, ни Кондрат не слышали, как прогудел гудок на заводе. Отец, которому открыла соседка Анна Кузьминична, неожиданно вошел в комнату.

«Факты! Погоди, папка, будут и факты!» – пронеслось в мыслях Зины, и она, нахмурившись, закусила губу.

– Это что за совещание? – спросил отец, поглядев на их омраченные лица. – Какой вопрос обсуждается?

Пока Зина подыскивала слова, чтобы объяснить отцу случившееся, Антон сказал:

– Яшка аппарат украл и убежал куда-то.

– Та-ак! – Отец не то усмехнулся, не то скривил губы. – Этим все и кончилось!..

Он снял спецовку и пошел мыть руки. Зина бросилась за ним в кухню.

– Этого не может быть, папочка! Вот увидишь, он вечером вернется! Просто он забрел куда-нибудь... или за город отправился. А уж все – «украл, украл»!

В кухню прибрели и Кондрат с Антоном.

– Ничего он не вернется, – сказал Кондрат, глядя куда-то вниз и в сторону, – он еще вчера утром ушел. А мать говорит, что сама не знает, где он. Она уже в милицию заявила.

– Ну и что же?! – не сдавалась Зина. – А может, с ним что-нибудь случилось? Может, несчастье какое? А уж вы скорей – «украл»!

– Хорошо, подождем судить, – сказал отец, вытирая руки. – Есть такие мудрые слова: «Не суди не выслушав».

Уже стемнело, когда, поднявшись по деревянной замусоренной лестнице, Зина постучала в комнату Клеткиных. Никто не ответил.

В коридоре стояли соседи, перешептывались.

– Совсем уволили?

– А что ж такого беспросыпного пьяницу держать? И так уж довольно помучились.

– Слесарь-то хороший, жалко.

– Какой там уж он слесарь! Руки от водки дрожат.

– Как же жить-то будут?

– Ничего. Ксения заработает.

– А что он-то работал? Только и работал, что на выпивку.

Заметив Зину, одна из соседок сказала небрежно:

– Входи, у них не заперто.

Зина открыла дверь и остановилась на пороге. Ее поразила заброшенность и безнадежная печаль этой комнаты. Кажалось, что здесь давно никто не живет: старые окурки на полу, невытая тарелка и пустая бутылка на столе со сдернутой на край скатертью...

Однако в комнате были люди. У стола, свесившись головой на руку, спал Яшкин отец, бывший слесарь Иван Клеткин. Его хриплое дыхание наполняло комнату винным перегаром.

У раскрытого окна сидела мать Яшки. Она глядела куда-то пустыми глазами, видно было, что ей все равно, куда глядеть, лишь бы не видеть своего дома, своей комнаты, своего мужа.

Ксения Любимовна нехотя оглянулась.

– Здравствуйте, – тихо сказала Зина.

– Чего тебе? – неприязненно спросила Ксения Любимовна.

– Я пришла узнать... Яша не вернулся?

Женщина встала и подошла к Зине. Она куталась в платок, хотя в открытое окно дышал теплотой хороший летний вечер.

– А тебе что? – спросила она.

Зина выдержала тяжелый взгляд Ксении Любимовны.

– Как же мне что? – возразила она. – Я из пионерского лагеря, я должна знать, где Яша. Он наш будущий пионер. Как же это что мне?

– Ступай в милицию, может, там скажут... – Ксения Любимовна отвернулась и снова направилась к окну. – Не в первый раз, приведут. Не пропадет сокровище.

Зина не знала, что ей делать и что думать об этих людях. Она вышла, тихо прикрыв дверь. Медленно спускаясь по лестнице, она думала о Яшке. Вот как у него дома. Вот как живут его отец и мать. А каково было жить Яшке? Вот он и убежал. Конечно, продал аппарат и на эти деньги уехал куда-нибудь. И там где-то живет, как хочет или как может – без друзей, без старших. Один. И уж теперь-то он, конечно, будет совсем пропащим человеком!

Зина, страдая, винила себя во всем. И в том, что не смогла преодолеть своей вражды к мальчишке, и в том, что успокоилась там, где еще надо было тревожиться. Но все-таки подлый, подлый он человек! Ему доверяли, его привечали, а он

вот как отплатил за все доброе!

И Зине стыдно было вспомнить, как она хвалилась перед отцом своими успехами и такими дешевыми радостями!

Хрупкий мостик, который начал возникать между Зиной и Яшкой, сломался.

ТАМАРА ИЩЕТ СЧАСТЬЯ

Отец встретил Тамару на станции. Тамара увидела его из окна вагона, но не узнала: стоял какой-то загорелый черноглазый человек в брезентовом плаще и в сапогах, грубоватый, с морщинками около глаз, привыкших щуриться от солнца.

Но, когда этот человек шагнул навстречу Тамаре и протянул руку, чтобы принять ее чемодан, она вдруг поняла, что это ее отец.

– Папа!

Тамара бросилась к нему, крепко обняла его за шею. В эту минуту она почувствовала, что это единственный по-настоящему родной ей человек, который и поможет во всем, и защитит от всяких бед, и поймет ее мятушуюся душу.

Отец был рад ей.

– Какая большая! – сказал он, любуясь Тамарой. – Уже невеста, а?

– Никакая я не невеста, – прервала его Тамара, – и вообще, папа... Мне надо с тобой поговорить обо всем, обо всем! У меня так много...

– Поговорим, поговорим, – сказал отец тоном, каким говорят с детьми, желая их успокоить, – дома поговорим.

К удивлению и к удовольствию своему Тамара увидела, что их ждет машина.

– Это чья машина? – спросила она. – Директор дал?

Отец с недоумением посмотрел на нее.

– А ты разве забыла, что я сам директор? Уже скоро год, как назначили. Я же писал тебе!

Тамара покраснела. Видно, это было в те дни, когда, кроме Яна, дачи и всяких дачных развлечений, ничто для нее не существовало.

– Ах, да! Я просто как-то не привыкла еще, что ты директор, папа!

– А я уж подумал, что ты не получила письма. Ведь ты меня даже и не поздравила!

– Как – не поздравила?! Я же писала тебе. Я тебя поздравляла! Значит, пропало письмо!

Тамара говорила неправду. Она забыла ответить отцу и поздравить. Украдкой покосившись на отца, Тамара старалась догадаться: чувствует ли он, что она лжет?

Но у отца был непроницаемый вид. Он вел машину и внимательно глядел вперед.

– Значит, пропало, – сказал он, чуть поведя бровями. – На свете всякие чудеса бывают. Вот и письма пропадают тоже.

Он взглянул на Тамару, улыбнулся. И Тамара опять подумала, что отец очень изменился. Она не помнила его улыбки, да и улыбался ли он когда-нибудь раньше? Бледный, худой, с запавшими глазами, он являлся иногда к обеду или ужину и снова уходил на завод или запирался в своей комнате. Он избегал общения с ее матерью, а когда мать начи-

нала упрекать его за это, отец морщился и спешил скрыться. Он был таким замкнутым, таким угрюмым и таким несчастным. И ведь у него была хорошая работа, он жил в хорошей квартире, с ним вместе была его семья. А теперь, когда он здесь один и работа такая неинтересная – ну что интересно-го может быть в деревне? – он вдруг почему-то и спокоен, и здоров, и даже улыбается! А загорелый какой, и загар такой мягкий, розовый...

– Ты что меня разглядываешь? – спросил отец, не глядя на Тамару. – Изменился?

– Да... – нерешительно ответила Тамара. – Веселый какой-то.

– А ты тоже изменилась. Только грустная какая-то.

Тамара хотела возразить, но отец, не дожидаясь ответа, притормозил машину и сказал с теплым чувством тихой успокоенной радости:

– Вот мы и дома.

Машина остановилась возле небольшого бревенчатого дома, заросшего акациями. Дорожка, выложенная красным кирпичом, вела к маленькой застекленной веранде с белой дверью.

«Дома!» – подумала Тамара. – Здесь его дом? Почему здесь? Разве он не временно живет в совхозе и разве не в Москве его настоящий дом?»

Но она ничего не сказала и, предоставив отцу нести ее чемодан, поднялась по чисто промытым ступенькам веранды.

Дом ей не понравился. Низкие потолки, небольшие окошки, беленые стены. И никаких диванов, никаких зеркал, совсем простой стол и простые, без обивки, стулья. Если бы Тамара знала, она хотя бы привезла из дома хрустальную вазочку и букетик шелковых роз – они совсем как настоящие!

Отец улыбнулся:

– А зачем же нам «как настоящие», если у нас самые настоящие есть?

На всех окнах стояли горшки с геранями и фуксиями. Герани полыхали красными цветами; изящные, ювелирной работы сережки фуксий, словно фиолетовый дождь, висели на тонких красноватых ветках.

– Ну уж и цветы! – фыркнула Тамара. – Ты, папа, совсем деревенский стал.

– А что, тебе не нравятся?

Тамара заметила, что отец огорчился. Но что с него возьмешь! Он никогда ничего не понимал в устройстве жизни. Мог бы потребовать квартиру в новом доме и обставил бы ее как следует... Нет, мама права, он никогда не умел пользоваться своим положением, своими возможностями.

«Я, кажется, становлюсь такой же, как мама!» – вдруг подумалось Тамаре, и она поспешила отогнать эту мысль.

Нет, нет, она не хочет быть похожей на свою мать! Однако и с отцом тоже нельзя во всем соглашаться. Теперь она возьмет хозяйство в свои руки и сделает все, как ей нравится, а отец пусть знает свою работу и больше ни о чем не бес-

покоится.

– Да, мне не нравятся эти твои деревенские герани, – твердо сказала Тамара. – И что это ты выдумал? Откуда ты их взял? Я их вынесу отсюда.

– Нет, нет, – торопливо возразил отец и сделал движение, будто хотел защитить свои герани. – Ну зачем же? Ведь они тебе не мешают!.. А...

Он смутился, умолк, налил из графина воды в стакан, выпил. Тамара подозрительно глядела на него:

– Кто принес тебе эти цветы? Кто эта мещанка?

– Ну почему же мещанка? – Отец вспыхнул и нахмурился. – Разве цветы любят только мещане? Живой цветок – это красота. Почему же только мещанам дано любить эту красоту? Уж если говорить о мещанстве – то мещане те, кто презирает живую природу и ставит в свои вазочки шелковые розы и радуется, что эти тряпочные цветы совсем как настоящие!

Тамара немного оторопела, но тут же спохватилась и холодно сказала:

– А чего ты так рассердился? Ну и ладно, ну и любуйся, пожалуйста, на свои герани!

– И вообще хватит об этом!

– Только я ни поливать, ни ухаживать за ними не буду!

– Я сказал – хватит. Без тебя польют. Умойся, и пойдем в столовую.

– В столовую? А дома?

– Дома будем обедать, когда ты приготовишь обед.

– Я?!

Тамара во всю ширь раскрыла свои большие темно-синие глаза. Отец усмехнулся:

– А чего ж ты так испугалась, будто тебя на Луну посылают! Любая девчонка из совхоза сумеет суп сварить. А ты что же?

Тамара обиделась:

– А то, что я умею, твои девчонки из совхоза не умеют и не сумеют никогда!

В столовую Тамара пришла нарядная, в пестром шелковом платье, в белых туфельках и с белыми бусами на шее. Пускай эти девчонки из совхоза посмотрят, какая она, Тамара!

И на Тамару смотрели. Смотрели трактористы в замасленных спецовках, шоферы, смотрели и совхозские девчонки, птичницы и огородницы, кто искоса, кто прямо в глаза, откровенно удивляясь и любуясь. А Тамара, гордая и счастливая, будто и не видела никого. Она давно ждала этого часа, она предвидела его; она, в этой деревенской столовой с длинными столами и скамейками и голубыми занавесочками на окнах, чувствовала себя райской птицей, нечаянно залетевшей из каких-то счастливых краев. И, чувствуя, как ею любуются, встряхивала своими тугими каштановыми кудрями, скучающе глядела в окно, рассеянно катала хлебные шарики своими белыми пальцами.

– Это откуда же такая?

– Директорова дочка!

– Ух ты, какая красавица!

– И гладкая какая – словно ядром кормленная!

Тамара слышала этот негромкий разговор, но делала вид, что ничего не слышит. Что красавица – так это правильно. Но что такое «ядром кормленная»?

Тамара с сомнением придвинула тарелку с супом, взяла алюминиевую ложку и, сделав гримаску, повертела ее в руках. Отец заметил это:

– Ешь и не кривляйся.

– Но я не могу такой ложкой...

– Люди едят, а ты не можешь?

– Но они же...

– Они не хуже тебя.

Тамара нахмурилась и стала есть суп. Суп был вкусный, однако Тамара делала вид, что ест через силу. Подняв от тарелки глаза, она встретила суровый взгляд отца, устремлен-

ный на нее.

– Брось фокусы, – негромко, но грозно сказал он, и Тамара с удивлением поняла, что отца надо слушаться.

«Смотри, какой стал! – подумала она, украдкой поглядывая на него. – А дома тихий был».

И снова, как при первой встрече, Тамара увидела, что отец стал совсем другим. Бывало, он, безмолвный, словно чужой, появлялся после работы в их богатой московской квартире и утром неслышно уходил на работу без завтрака. Мать спала, Тамара спала, а работница Ирина (противная насмешница) ленилась приготовить ему завтрак. И он никогда не сердился, никогда. Правда, как-то раз попробовал он поучить Тамару – пусть она сама за собой убирает да пусть пойдет к подружке Зине помочь вымыть пол, потому что у Зины нет матери. Но Антонина Андроновна так задала ему тогда, что он чуть из дома не убежал. А теперь вот как покрикивает на Тамару!

«Возьму да уеду обратно, – подумала Тамара, болтая ложкой в тарелке, – если будет так командовать да обрывать».

Но тут перед глазами встала душная, набитая подушками и коврами квартира. Пропадающая от тоски и безделья мать, которая ходит по этим коврам, шлепая зелеными туфлями. Вспомнился и он, Ян Рогозин, пьяный, страшный. Такой страшный! Вот он идет, шатаясь, по улице, глядит на нее страшными глазами, кричит, смеется, издевается... Ой, как забыть это все, как забыть? И как вернуться туда?

К их столу подошла молодая женщина, круглолицая, с гладко зачесанными светлыми волосами и тугой косой, свернутой на затылке. У нее были чуть припухшие веки и серые, несколько утомленные глаза. Слегка изогнутые тонкие брови придавали ее простому загорелому лицу выражение печали. Женщина улыбнулась, в уголках ее обветренных губ появились маленькие ямочки, но и улыбка не согнала печали с ее бровей.

– Кто эта молодая особа? – спросила она, как-то особенно лучезарно взглянув на отца. – Неужели дочь?

– Дочь, – мягко ответил отец, и Тамара увидела, что его черные глаза так же лучезарно сияют в ответ. – Познакомьтесь. Дочь Тамара. Агроном совхоза Евгения Николаевна.

Евгения Николаевна протянула Тамаре руку. Тамара почувствовала, что рука у «агрономши», как она тотчас окрестила Евгению Николаевну, крепкая и немного шершавая.

«Агрономша» внимательно поглядела Тамаре в глаза, словно хотела найти в них ответ на свой тайный, очень важный для нее вопрос. Тамара ответила ей холодным, немного враждебным взглядом. Она сама не знала, почему не понравилась ей эта «агрономша». Может, потому, что отец так приветливо глядит на нее?

Евгения Николаевна опустила тяжелые ресницы, улыбка ее пропала, и ямочки исчезли.

– Были на седьмом участке? – спросил отец. – Как там?

– Блоха, – ответила Евгения Николаевна и отошла к сво-

ему столу.

Тамара подметила, что отец тянется за ней взглядом и не может оторваться, и взгляд у него задумчивый и счастливый.

– Какая блоха? – резко спросила Тамара. – Вы разве блох разводите в поле?

– А? Что? – Отец словно удивился, что Тамара сидит рядом с ним, за столом, в совхозной столовой. – Ах, да... блоха. На свеклу напала блоха. Надо принимать меры. Да. А ты знаешь, кто подарил мне эти герани? – Отец улыбнулся. – Она!

Тамара испытующе поглядела на него:

– А дальше?

Отец вдруг заторопился, собрал в кучу тарелки, сложил вилки и ножи, встал из-за стола.

– Ну, а что же дальше? – повторила Тамара, выходя вслед за отцом из столовой.

Отец пожал плечами.

– Какое «дальше»? Просто она очень хороший человек.

И снова повторил, словно стараясь, чтобы Тамара поняла это и запомнила:

– Она хороший человек. Она хороший, добрый человек, Умница.

– А когда ты поедешь к маме? – спросила Тамара, не глядя на отца.

Они шли по белой тропочке, пролежавшей среди густой гусиной травки и мохнатой ромашки; ступишь в сторону с

тропочки – и словно в мягкий ковер. Над головой шелестели ветки берез, пели птицы. Небо дышало ласковой солнечной теплотой, ветерок нежно пошевеливал золотисто-каштановые Тамарины кудри. Но она не видела ни берез, ни неба, она не слышала пения птиц. Тяжелое подозрение заполнило ее сердце.

– Когда ты поедешь к маме? – упрямо и требовательно повторила она.

– Как хорошо! Как хорошо на свете! – сказал отец, шурясь от солнца. – Все растет, все цветет, все радуется... Когда я поеду? Не знаю. Может быть, никогда. Ты чувствуешь, как зеленый цвет успокаивает глаза? Такой чистый зеленый цвет!

– Никогда?! А как же мама?

Но отец больше не хотел говорить об этом.

– Оставим этот разговор, – сказал он. – Когда-нибудь после. Сейчас мне некогда. Надо съездить на седьмой участок!

– А я?

– А ты иди домой, приберись, осмотришься. И ложись спать.

Отец свернул на грейдер.

– Папа, подожди, – остановила его Тамара. – А что это такое «как ядром кормленная»? Как это – кормленная ядром? Каким ядром?

– А это индюшек откармливают орехами, чтобы жирными были. Ты разве не знала об этом?

– А...

Тамара направилась к тихому, окруженному акацией домику директора. Она обиделась – значит, она похожа на индюшку, которую откормили орехами? Фу, какая же глупая эта баба, которая могла так сказать о Тамаре! Глупая и злая – вот и все!

Нарядная, белокожая, синеглазая Тамара шла по дорожке упругой походкой. Ну как же это посмели сравнить ее с индюшкой! Слепые они, что ли?

– Фу – деревенщина!

А сердце невольно заныло от печальных предчувствий. Почему ей казалось, что она найдет здесь свое счастье?

«А где же тогда, а где же?» – чуть не плача, возражала своему сердцу Тамара.

Она вошла в тихие белые комнаты с красными геранями на окнах. Полки с книгами, лампа в изголовье отцовской кровати, голубое покрывало на узенькой тахте, приготовленной для Тамары...

«Неужели ты думаешь, что здесь можно найти счастье?» – снова коварно спросило ее сердце.

Тамара села на тахту и, ударя кулаком по голубому покрывалу, залилась слезами.

– Ну, а где же оно тогда? Ну, а где же?

СТОЛКНОВЕНИЕ

Тамара шла по зеленой опушке березовой рощицы. Справа – светлая зелень листвы и шелковистое сияние белых стволов. Слева – широкая, неоглядная даль и ровные, как туго натянутый зеленый шнурок, свекловичные рядки. Тамара шла и рассеянно срывала по пути головки ромашек и желтых купальниц, пускала по ветру их тонкие лепестки.

Воспоминания о Москве куда-то отошли, стусевались. Тамара с тревогой и радостью ждала чего-то, каких-то необыкновенных встреч, каких-то счастливых событий. Просыпаясь, она с замирающим сердцем думала, что, может быть, «это» случится сегодня. Ложась вечером, она думала, что, если «это» не случилось сегодня – значит, случится завтра. Оно обязательно должно случиться: ведь не может же Тамара так и остаться на всю жизнь здесь в совхозе или в их унылой московской квартире!

Что именно должно случиться, Тамара и сама не знала. Ну, может быть, вот сейчас, когда она идет здесь по зеленой опушке в своем белом платье и отблески солнца сияют в ее золотисто-каштановых кудрях, по дороге идет машина, и в ней сидит кинорежиссер. Он увидит Тамару и, пораженный ее красотой, остановит машину и скажет:

«Вот такую девушку я искал для своей главной героини!»

И тотчас предложит ей ехать в Москву, чтобы сниматься в

кино. Разве так не бывает? Вот, например, одна киноактриса... Была просто студенткой, а увидел ее режиссер – и она стала актрисой. Самой настоящей. Так почему же с Тamarой не может случиться то же самое?

Но по дороге проходили подводы, мчались грузовики, поднимая пыль, с тяжким рокотом прошел трактор... И никаких машин с режиссерами не появлялось.

А может еще быть и так. Вот она идет сейчас по зеленой опушке, по желто-лиловой траве иван-да-марья, а где-то на бугорке под березой сидит художник и пишет картину. Но вот он увидел Тamarу и, пораженный ее красотой, подходит к ней, низко кланяется и умоляет позволить написать ее портрет, Тaмaрa снисходительно улыбается, пожимает плечами. Ну что ж? Пусть пишет, ей не жалко. А художник, оказывается, знаменитый и прославленный. Он пишет Тaмaрин портрет – вот она в белом платье, с искрами солнца в каштановых кудрях идет по желто-лиловой траве. И вся Москва, все, кто придут на выставку, будут спрашивать – чей это портрет? Какой замечательный портрет – кто же это? И потом прочтут: портрет Тaмaры Белокуровой!.. И все будут думать: кто же, кто же эта красавица, эта счастливица? Где она живет? Неужели в совхозе? Нет! Надо выволить ее оттуда, надо...

Тут мечты ее прервала песня. Пели девушки, которые шли по тропинке навстречу. Они шли вереницей, в светлых и пестрых платьях, в платочках, надвинутых от солнца на глаза, шли и пели, и голоса их, словно ручейки, сливались вме-

сте и текли звонкой рекой:

Сирень цветет, Не плачь – придет, Твой милый, подружка,
вернется!..

Девушки быстро приближались.

«Свернуть? Не свернуть? – торопливо решала Тамара. –
Может, все-таки свернуть, их много, а я одна».

Но, когда девушки уже появились перед ней, Тамара шла
прямо на них: а зачем это она, директорова дочь, будет усту-
пать дорогу работницам?

Но девушки, ясноглазые, загорелые, такие же молодень-
кие, как Тамара, а некоторые чуть постарше, даже и не заме-
тили ее надменного вида. Они окружили Тамару, приветли-
во улыбаясь:

– Здравствуй, Тамара!

– Добрый день, Тамара!

– Здравствуйте, – не скрывая удивления, ответила Тамара.

В чем дело? Почему они здороваются с ней, если она их
не знает?

Девушка, которая шла впереди и запевала песню, высо-
кая, с густым румянцем на тугих щеках, с веселыми светлы-
ми глазами и почти безбровая – так выгорели у нее брови на
солнце, – дружелюбно сказала:

– Скучно одной-то?

– Нисколько, – отрезала Тамара.

– Ну уж не говори! – сказала другая, черненькая, веселая,
с ярко-красным ртом и веснушками на носу. – Человеку без

людей всегда скучно.

– Пойдем-ка с нами на свеклу! – подхватила и третья. – Блоху будем ловить! А чего одной-то бродить по лесу? Оди-чать можно!

Тамара гордо посмотрела на эту маленькую, худенькую, живую, как пичужка, девчонку.

– Я не умею ловить блох, – сказала она, – нас этому в школе не учили.

– Не умеешь – так научим! – весело закричала эта «пичужка». – Нас тоже этому в школе не учили, а мы вот умеем же!

Тамара сделала движение, желая показать, что хочет идти дальше. Но девушки будто не заметили этого.

– Да ты не стесняйся, ты у нас не чужая!

– Ты комсомолка? В нашу организацию будешь вступать?

– А надолго приехала? На все лето? Или насовсем?

– У нас разные кружки есть, весело!

– Мы спектакли очень часто ставим...

– Данте мне пройти! – холодно, с неподвижным лицом сказала Тамара.

Девушки удивленно переглянулись.

– Дайте ей пройти, – обратилась к подругам та, что шла впереди, и Тамара заметила, как мгновенно у нее пропала улыбка.

Девушки молча расступились, и Тамара, не оглядываясь, ровным шагом пошла дальше.

– Это, оказывается, барышня, – насмешливо протянула «пичужка», – а я думала – человек!

Все дружно рассмеялись. Этот смех еще долго был слышен Тамаре, все в ней кипело.

«Противные, грубые! – шептала она про себя дрожащими губами. – Как они смеют! От зависти всё, я знаю!»

Настроение было испорчено. Солнце по-прежнему грело и озаряло землю, янтарные купальницы по-прежнему светились в высокой траве, березовые ветки по-прежнему ласково шелестели над головой... Но Тамара уже не видела во всем этом ни красоты, ни радости. Она вышла на грейдер и направилась домой. Вот она расскажет обо всем отцу, пускай он их накажет хорошенько. Тогда они узнают, человек она или не человек!

В квартире было пусто и как-то особенно тихо. Над букетом полевых цветов жужжала залетевшая в открытое окно пчела. Где-то далеко звучал голос виолончели – верно, в клубе включено радио. Герани на окнах радовались солнцу. Тамару охватила отчаянная скука.

– Ну что мне делать? Ну что мне делать? – со слезами сказала Тамара. – Ну что мне тут делать?

Взяла книжку, улеглась на тахту. Через десять минут она отбросила ее – Тамара никогда особенно не любила читать, она не способна была увлечься вымыслом, как бы ни был он правдив и прекрасен, ее не могли взволновать судьбы людей, о которых рассказывает писатель. Все выдумки, все пустяки.

«Войну и мир» она ни разу не раскрыла – ну ее, толстая какая, когда ее прочтешь? Шекспир тоже... Да и кто же читает пьесы? Их можно посмотреть в театре или в кино. Девчонки, се подруги, плакали над Оводом – непонятно, как это можно плакать над книгой? Ведь Овода выдумала Войнич, он же но живой человек, чтобы над ним плакать! Да и мало ли над чем плачут девчонки. Смотрели «Балладу о солдате» – плакали. «Летят журавли» – тоже плакали. А Зина Стрешнева – так та даже и на «Чапаеве» плакала; а что плакать, когда известно, что Чапаев умер давным-давно, а на экране вовсе и не Чапаев, а Бабочкин!

И вот теперь взяла книгу с отцовской полки. Чехов. Отец читает Чехова! Но ведь он же давно прочел всего Чехова – и вот почему-то читает снова. Тамара вообще не могла понять, как можно читать Чехова. Такая скука! А вот отец не только читает, он перечитывает! Непонятный человек ее отец, старомодный какой-то.

Тамара закинула руки за голову. Однако что же ей все-таки делать?

Вспомнились веселые дни на даче у Олечки. Как интересно там было, сколько народу приезжало туда, как они там дурачились, играли, танцевали!.. И снова встал перед ней Ян Рогозин, красивый, любезный, с затаенной грустью в глазах. Гамлет!

И тут же опять – пьяная фигура, косматые волосы, отвратительный, мерзкий хохот...

О нет, нет! Не надо, не надо! Хоть бы поскорей пришел отец и они бы наконец поговорили. Тамара совсем не видит его: все занят, все занят, все занят!

Занят, а, однако, успел собрать букет цветов и поставить в кринке на свой письменный стол. Желтые лютики и лиловые колокольчики светились под солнечным лучом. Желтое и лиловое – ишь ты, ее отец, оказывается, понимает, какие цвета идут друг к другу!

И вдруг неожиданная догадка заставила Тамару нахмуриться. Да уж сам ли он собрал такой букет? Не женщина ли рвала для него эти цветы? Сероглазая «агрономша» с обветренным лицом и печально изогнутыми бровями. «Хороший, хороший человек, умница!..» Хоть бы раз в жизни он сказал так о ее матери!

Соседка истопила плиту, приготовила обед. Надо бы накрыть на стол к приходу отца. Но как узнаешь, когда он придет? Тамаре лень было возиться с кастрюлями и тарелками. Притом же кастрюли горячие, только руки портить.

Тамара встала с тахты. Расхаживая по комнате, она то и дело подходила к прелестному желто-лиловому букету.

– Конечно, она, – твердила Тамара с нарастающей неприязнью. – Подумаешь, цветочки дарит! Травы какой-то набрала... Очень красиво – трава в кринке! Мало ей гераней!

Тамара схватила кринку и выплеснула за окно воду вместе с лютиками и колокольчиками. Она никому не позволит хозяйничать в их доме!

Отец пришел вечером. Свежесть полей, росы, теплоту вечерней зари, радость большого труда – все это принес он с собой в белые комнатки.

– Дочка, есть хочу! – закричал он еще с порога. – Скорей накрывай на стол!

Тамара сидела с вышиванием, которое привезла с собой. Она смущенно посмотрела на отца.

– А что накрывать? Обед же холодный. Плита остыла.

– Вот тебе раз! – засмеялся отец. – Обед холодный!

– Да, холодный. Пришел бы раньше, так теплый был бы.

Но хорошее настроение отца нельзя было испортить ни холодным обедом, ни холодным тоном, каким говорила с ним Тамара.

– Раньше не мог, дочка. Так поставь же поскорей на керосинку наш холодный суп, а я пока умоюсь.

Тамара, не отрываясь от вышивания, чуть пожала плечами.

– Вот еще – с керосинкой возиться! У нас же всегда был газ, ты забыл, папа!

Отец с любопытством посмотрел на нее, как на диковину.

– Шестнадцать скоро – и тебе трудно зажечь керосинку? Или ты вообще не желаешь ничего делать?

– Но, папа, она же керосином пахнет. Все руки...

– Ах, руки! – вспыхнул отец. – Белые руки нельзя запачкать! Да для чего это ты их бережешь, интересно? Ее руки! Что же, ты собираешься всю жизнь дела чужими руками де-

лать?

– А почему же тебе агрономша не разогревает? – не глядя на отца, спросила Тамара. – Букеты дарит, а...

Отец стукнул ладонью по столу:

– Молчать!

Тамара вскинула на него потемневшие глаза. Она хотела еще сказать что-нибудь пообиднее, но, увидев лицо отца, испугалась. Так он однажды, доведенный до ярости, закричал на ее мать, а потом молчал несколько дней, не в силах победить свое отвращение к ней. Неужели отец так же поступит и с Тамарой?

Побледневший, с горящими черными глазами, он с минуту молча и как-то странно, словно не узнавая ее, глядел на Тамару. Потом, не сказав ни слова, надел свою серую выгоревшую кепку и ушел.

– А что ж обедать? – крикнула ему вслед Тамара.

Но дверь уже захлопнулась. Тамара подбежала к окну:

– Папа! Обедать...

– В столовой пообедаю, – ответил отец не обернувшись.

Тамара вытащила из-под кровати чемодан и принялась кидать в него свои платья, шарфики, чулки... Домой! Лучше самой кричать на кого-то, чем будут кричать на тебя!

...Поздно вечером, когда затихло село и только гармонь и песни бродили по улицам, Николай Сергеевич и Тамара сидели и разговаривали, мучительно стараясь понять друг друга.

– Что ты думаешь делать дальше? – пытливо взглядываясь в красивое хмурое лицо Тамары, спросил отец.

– А что мне делать? Учиться буду, – ответила Тамара, перебирая оборку на платье.

– Ты хочешь получить специальность? А какую?

Тамара высоко подняла брови:

– Откуда я знаю – какую? Какой ты странный, папа!

– А разве ты никогда не думала об этом? Ведь вы даже в школе писали сочинения: «Кем я хочу быть». Ну вот что же ты тогда написала?

– Ну, я написала... балериной.

– Почему?!

– Ну, папа!.. Неужели ты сам не понимаешь? Потому что это красиво. И все любят.

Николай Сергеевич встал и нетерпеливо прошелся по комнате.

– Я надеюсь, ты теперь-то понимаешь, что это детские мечты, – сказал он, снова садясь. – Но ты уже взрослая, и ты уже знаешь, что для этого надо много работать и талант нужен!

– Тогда я не знала.

– Но что же делать, Тамара? Ведь пора уже думать о своей будущей профессии, пора готовиться к ней. Ведь я же не буду тебя содержать всю жизнь – каждый человек должен работать. Может, тебе стоит поступить в техникум?

– А кого же ты будешь содержать?

Сказала и тут же съежилась, испугавшись, что отец опять хлопнет по столу. Но отец только нахмурился.

– Антонину Андроновну придется мне содержать, – сказал он: – этот человек может жить только за счет чужого труда. Вся жизнь, до гроба. Но ты не можешь быть такою же. Не смеешь. Ты не имеешь права быть захребетником!

Наступило молчание. Где-то пели нежную песню про милую тропинку, чьи-то согласные голоса спрашивали, куда она ведет и куда зовет... Светло-зеленые пушистые ветки акации, освещенные лампой, чуть шевелились у открытого окна.

Тамара собралась с духом.

– Ты не любишь маму? – спросила она.

Она глядела на отца, предвидя, что он сейчас смутится и будет возражать. Но отец ответил просто и спокойно.

– Да. У нас с ней нет ничего общего. Мы давно оказались чужими людьми. В нашей любви не было дружбы, а любовь без дружбы, без уважения – то же, что цветок без корня: она скоро увядает.

– Значит, ты не вернешься домой? Никогда?

– Никогда.

– Значит, ты и тогда... знал, что не вернешься?

– Нет. Тогда не знал. А теперь знаю.

У Тамары задрожало сердце.

– А как же... мама?

– Мама будет жить, как живет.

– А как же... ты?

– А я буду жить здесь.

– Ты женишься на агрономше, я знаю! Не думай, что я маленькая, что я ничего не понимаю! Я все понимаю! Я знаю, что ты хочешь сделать!

К удивлению Тамары, отец и теперь не смутился.

– Может быть, это и случится, – спокойно ответил он, – если согласится она.

– Если – она! Значит, ты только потому и не разводишься и не женишься на ней, что она не соглашается?

– Да. Только поэтому.

– Я уеду! Я завтра же уеду! – Тамара зарыдала, закрыв лицо руками. – Ты изменник! Ты плохой человек! Вон Зинин отец – у него жена умерла, да и то он не женится, а ты!..

Отец грустно покачал головой:

– Андрей Никанорыч не женится потому, что всем сердцем любил свою умершую жену. А я не люблю и не могу любить Антонину Андроновну. И что же, по-твоему, жить с нелюбимым человеком, лгать и притворяться, обманывать, страдать самому и заставлять страдать другого человека – это лучше? Честнее?

Тамара плакала.

– Зачем я нужен твоей матери? Лишь для того, чтобы она могла называться женой директора. И еще ей нужны мои деньги, ей нужна квартира, ей нужно безбедное существование, чтобы жить как хочется и не думать о завтрашнем

дне. Вот для чего я ей нужен! А разве когда-нибудь в жизни спросила она меня – каково мне на работе? Не трудно ли, не устаю ли я сверх сил? Это ее никогда не интересовало. Работай, работай, хоть издыхай, но добивайся высокого положения и давай ей денег, давай денег, давай денег! Хорошо, я буду давать ей деньги. Хотя и не обязан. Но уж свою жизнь я отдавать ей больше не буду. И если ты захочешь понять, ты меня поймешь. А если нет – ну что ж, расстанемся. Можешь уложить свои вещи, и завтра я отвезу тебя на станцию. Тебе тоже нельзя привыкать ко лжи и жить у отца, которого ты считаешь подлецом.

Он ушел в свою комнату и закрылся. Тамара погасила огонь, но спать не могла. Она сидела у окна, ночь глядела на нее своими теплыми звездами. Песни все еще бродили по улицам, и гармонь мягко и раздумчиво вторила им. Тамара думала, думала... Она знала, что отец прав, что он никогда не был счастлив в семье. Тамара понимала, что нельзя осуждать человека за то, что он хочет счастья, и за то, что он больше не желает лгать.

Но как же ее мать? И как же она, Тамара? Каково им будет, когда люди будут говорить: «Их бросил отец!»?

«Ну и что ж! – возражала Тамара самой себе. – Зато отец будет счастлив. И какая разница? Все равно он не живет с нами, а деньги все так же будет давать!»

Но тут же и отвергала эти доводы.

«Счастлив! Такой старый, ему уже сорок лет, а он еще сча-

стья ищет! Стыдно, позорно, он не должен уходить из семьи! Нет, не должен. Чтобы нам все в глаза смеялись! Нет, я не дам, я не допущу! Мы с мамой тоже хотим быть счастливыми. Он наш – и все. И никому мы его не отдадим. Пускай не живет с нами, но зато никто не скажет, что он нас бросил!»

И Тамара уснула с твердым решением никаким «агрономшам» не отдавать своего отца.

Пускай он любит кого хочет, но они с матерью не отпустят его, никогда не отпустят! Как жернова, повиснут на нем, но никогда не отпустят!

ЗВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Хорошо в солнечный день гулять в тенистом парке, кататься на лодке по Москве-реке или сидеть под большим зонтом кафе и есть мороженое. Солнце тогда сияет так весело, так ласково, и жизнь становится веселой и праздничной. Но совсем по-другому солнце ведет себя, когда стоит оно в зените над совхозными огородами, над бесконечными грядками огурцов и моркови, заросшими сорняком. Тут солнце жестоко и беспощадно, оно палит голову, слепит глаза, поливает жаром плечи и спину и спрятаться от него некуда!

Тамара давно уже отстала от полольщиц. Молодые девушки, женщины и даже старухи гнали грядки так быстро и проворно, что Тамара надивиться не могла. Тамара спешила изо всех сил, старалась так же быстро выдергивать пырей и мокричник, но ничего не получалось; руки у нее онемели, пальцы ослабли, и она, еле-еле выдергивая по травинке, полола свою гряду.

– Догоняй! Догоняй! – покрикивали ей полольщицы. – На вожжах, что ли, тебя тянуть!

– Что, ай силы нету?

– Наверно, не завтракала сегодня! Вот дай сходит пообедаст, так всех нас обгонит!

Они посмеивались и подшучивали, а Тамара злилась. Она, стиснув зубы, дергала траву и не отвечала на шутки. И зачем

только она сунулась в огород? Зачем она пошла на это мучение? И все виноват отец. Она пожаловалась на девчонок, которые оскорбили ее:

– Подумай только, они сказали, что я даже не человек! «Это барышня, а мы думали – человек!» Как они смеют?! Ты, папа, должен прогнать их из совхоза!

Тамара считала, что отец возмутится. Как? Его дочь даже за человека не считают? И, конечно, сейчас же накажет этих нахальных девчонок. Но отец только усмехнулся:

– А ты возьми и докажи им, что ты человек, а не барышня.

– Как это?

– Ну так. Докажи, что ты не хуже их. Вот они завтра идут огороды полоть – пойди и ты. Покажи им, что и ты отлично можешь сделать то, что они делают.

– Подумаешь, дело – траву дергать из грядок!

– Ну, тем более, если для тебя это даже и не дело! Я им скажу, они зайдут за тобой. Звание человека надо завоевывать!

– Значит, кто ходит огород полоть – тот и человек?

– Нет, не только. Но только тот и человек, кто трудится.

Отступать было нельзя. Утром за ней забежала маленькая Райка, та самая «пичужка», которая ее так обидела. Райка дружелюбно болтала всю дорогу, а Тамара еле отвечала. Ее коробило, что какая-то деревенская девчонка считает себя ровней ей, Тамаре.

– А гордый же у тебя характер! – сочувственно сказала ей

Райка. – Нелегко тебе с таким-то характером!

Бригадиром оказалась та самая высокая румяная девушка, что шла тогда по тропочке впереди всех. Она распределила грядки полольшницам, дала грядку и Тамаре.

– Если что не заладится, зови меня, – сказала она Тамаре. – Меня зовут Лида. Лида Черемина. Ты огурцы-то отличишь от травы?

Тамара покраснела, ей хотелось осадить эту Лиду Черемину – подумаешь, бригадир! Но она молчала, потому что и в самом деле не знала, где тут огурцы, а где трава.

– Вот эти шершавые, с зубчиками листья – это огурцы, – объяснила Лида, – остальное сорняк. Работа не мудрая.

– Да уж мудрости не вижу, – ответила Тамара.

Сначала она небрежно дергала траву. Потом, видя, что отстает, начала спешить. Но и это не помогло, она отставала катастрофически. И вот они все уже далеко, они идут ходом, будто и труда это им не доставляет, они шутят, болтают, поют. А грядки за ними остаются чистенькие, умытые, с зелененькой дорожкой вырезной и шершавой огуречной ботвы.

Особенно мучил Тамару пырей. Его корни разветвлялись в земле так глубоко, что сразу ни за что не выдернешь. И еще осот – от него руки почернели, и потом он такой колючий, что и не схватишься за него никак. Были и еще какие-то вредные травы с крепчайшими корнями – выдираешь, выдираешь их...

Вдруг Тамару осенило. А зачем выдирать с корнями, му-

читься? И она принялась рвать сорняки, оставляя в земле корни. Работа пошла быстрее.

День тянулся бесконечно. Солнце, взобравшись на середину неба, словно и забыло, что пора идти под уклон. Оно светило и жгло изо всех сил, и Тамаре казалось, что еще немного – и волосы у нее на голове вспыхнут огнем, а сама она упадет в борозду и больше не поднимется.

А девчонки все пели и чему-то смеялись на своих грядках. Они ушли далеко, они уже приближаются к речке, где кончается огород. Что они – железные, что ли?

Тамара не слышала, как к ней подошла Лида. Она вздрогнула, когда Лида окликнула ее:

– Налаживается дело?

– А почему же нет? – ответила Тамара и разогнула нестерпимо болевшую спину.

– Молодец, – сказала Лида, улыбнувшись, – нелегко в первый-то раз, а гонишь шибко!

– А что ж такого? Подумаешь, огурцы полоть! Это ведь не алгебра и не английский.

– Конечно, – согласилась Лида, – только немножко терпения...

Вдруг она замолчала, и Тамара, покраснев, увидела, что Лида с удивлением вытаскивает из ее грядки корень пырея.

– Ах, вот как ты работаешь?! – Серые глаза Лиды сердито глядели на Тамару. – А ну-ка, убирайся с поля долой!

Тамара вскочила, выпрямилась:

– Ну и уйду! Нужны мне ваши огурцы!

– Они тебе нужны будут, когда тебе их на стол подадут.

Вредитель ты – вот кто!

Тамара готова была ударить Лиду.

– Как ты смеешь?!

– А вот и смею. Всю грядку испортила. Легко, что ли, теперь после тебя корни вырывать? Ступай, ступай отсюда!

– Я папе скажу!

– И я твоему папе скажу. Убирайся!

Тамара сверкнула на нее злыми глазами и, круто повернувшись, пошла с огорода.

– Ненавижу, ненавижу!.. – повторяла она сквозь слезы. – И грядки ваши ненавижу. Да, вот и подадите мне свои огурцы на стол готовенькие. Да, вы будете их полоть да поливать, а я буду их есть! Да! Вот и буду их есть! Только руки все испортила об этот всякий молочайник ваш!

Только осенью было ударить Лягу.

Она глядела на свои нежные руки, на ладони, почерневшие от травы, на заусенцы, которые появились около розовых ногтей, и слезы текли у нее по щекам.

– Только мучат меня все! Только мучат!

Дома она бросилась было к умывальнику, чтобы мылом и щеткой отмыть руки, но вдруг раздумала. Она села у окна и стала ждать отца. Ладони у нее горели от порезов острыми краями жесткого пырея, от сока молочайника, от грубой, засохшей земли. Но она не будет их мыть, пока не придет отец.

Пусть он посмотрит, во что превратились ее руки!

В беленых комнатах было прохладно, знакомо пахло какими-то цветами. Тамара понемногу пришла в себя. Огород, грядки, сорняки, полыхающее над головой солнце – все это миновало, как тяжкий сон. Никто больше не заставит ее пойти на эту муку. Никто, и даже отец.

Тамара отдыхала, наслаждалась прохладой комнат. Но постепенно знакомый запах цветочной свежести привлек ее внимание. Она вскочила, прошла в отцов кабинет. Так и есть! Снова золотые лютики и лиловые колокольчики стоят в кринке на его столе! Тамара решительно подошла к столу и снова тем же самым резким движением выплеснула цветы вместе с водой за окно.

– И всегда так будет, – жестко сказала она.

Отвернувшись от окна, с кринкой в руках она замерла на месте. В дверях стоял отец.

Они с минуту молча смотрели друг на друга, не спуская глаз. В эту минуту они многое сказали друг другу.

– Почему ты не вымыла руки? – спросил отец, будто ничего не случилось, хотя на щеках его загорелись два красных пятна.

Тамара знала эти пятна, она знала, что отца душит гнев и он сейчас обязательно расстегнет ворот. Отец действительно расстегнул ворот, и Тамара заметила, что рука его дрожит.

«Дрожи, дрожи, – подумала Тамара, – а я все-таки буду так делать, именно так!»

– Почему ты не моешь руки, я спрашиваю?

– Я не мыла... Я хотела, чтобы ты убедился, что я не сидела дома. Видишь – работала!

– Я знаю, как ты работала, – холодно возразил отец. – Ступай мой руки и собирай обедать.

– Ты погляди, ты погляди только... – У Тамары от жалости к себе задрожал голос. – Погляди, во что мои руки превратились!

– Я вижу только одно: что это руки бездельницы, – ответил отец и, перестав замечать Тамару, сел за свой письменный стол и стал внимательно рассматривать какой-то график.

Тамара, вздернув подбородок, удалилась в кухню. Намыливая руки, она услышала, как хлопнула дверь. Отец ушел. Тамара покосилась на кастрюлю с супом, покрытую полотенцем, на миску вишневого киселя, на тарелки, приготовленные к обеду. Все приготовила соседка, ведь Тамара с утра ушла на работу. Но для кого все это приготовлено? Отец не обедает, ну и она не будет. Заболеет от голода, пусть он тогда поплачет!

Так, в горестном раздумье, Тамара попробовала киселя – ложку, другую... И сама не заметила, как съела весь кисель. Забравшись с ногами на свою тахту, она принялась раздумывать. Что же будет дальше? Отец тоже не понимает ее. Когда она рассказала ему о своей трагедии с Яном Рогозиным, отец ничуть не расстроился, а только сказал:

– Вот и хорошо, что вовремя увидела, что это за фрукт. Забудь эту историю, и все. Мало ли хороших людей на свете! Надо лишь самой быть хорошим человеком.

А хороший человек, по мнению отца, должен непременно трудиться. Вот она попробовала сегодня трудиться, но что из этого вышло? Нет, Тамара не пойдет больше в огород, ни за что не пойдет! Хотя бы даже из-за того не пойдет, что там ее оскорбили.

И вот – отец. Ну что же он сделал, когда его собственную дочь так обидели? На Лиду он не рассердился, а рассердился опять-таки на нее, на Тамару. «Руки бездельницы»! Может, ей все-таки собраться да уехать обратно?..

ЯШКА ОБЪЯВЛЯЕТСЯ

Антон одним духом взбежал по лестнице. Зина, заслышав его шаги, открыла дверь.

– Ой, что скажу! Ой, что скажу! – повторял он задыхаясь, и Зина увидела, что в его широко раскрытых глазах застыл испуг.

Зина встревожилась, но, стараясь сохранить внешнее спокойствие, улыбнулась:

– Ну скажи, скажи. Только отдышись сначала! Что там такое – заводская труба упала?

– Нет, что ты! Не труба.

– Так что же? Слон ходит по улице?

– Какой слон? Что ты! Не слон, Яшка вернулся, его милиционер привел! Я гляжу, а это Яшка. А он на меня как цыкнет: «Чего, говорит, глядишь? Вот как дам!» И опять на меня: «Уа, уа!» И кулак потихоньку показал!

Зина перестала улыбаться:

– С милиционером?

– Ага, с милиционером. А Яшка идет, руки в карманы, будто он один идет, а милиционер – так просто.

– А ты что же, опять боишься его?

Антон потупился:

– А он же драться будет...

Зина положила ему руку на голову, пригладила белесый

чубик.

– А я? – спросила она. – Что же я-то – не заступлюсь, что ли? А ребята, твои товарищи, – не заступятся? Нас много, а он один. И мы будем его бояться?

Антон прислонился к Зине и сразу повеселел. А Зина задумалась. Она не знала – радоваться ей тому, что Яшка вернулся, или досадовать из-за того, что ей снова придется возиться с ним, уговаривать, воспитывать, искать какие-то способы, чтобы приручить его, говорить ему ласковые слова, подавляя свое раздражение, негодование, свою нелюбовь к нему.

Зина вздохнула. Ну что ж делать? Уж если она собирается стать вожатой – надо уметь бороться за человека. С хорошими-то ребятами и труда никакого, одни радости.

– Ты опять пойдешь к ним? – спросил Антон.

– Надо пойти, – ответила Зина.

Но тут же почувствовала, что не может еще раз войти в эту квартиру. Да и что она им скажет, этим людям?

– Нет, я не пойду, – сказала она. – Лучше попросим папу, пускай он сходит. Скоро гудок, хочешь пойдём встречать отца?

– Пойдем! Пойдем! – радостно закричал Антон и, подпрыгивая, побежал к двери.

Отец, выйдя из проходной, удивился и встревожился, когда увидел своих ребят.

– Что случилось?

Зина, засмеявшись, хотела пожурить отца – вот всегда он только и ждет, что случится какая-нибудь беда. И, пока Зина собиралась объяснить, почему они пришли его встречать, Антон крикнул:

– Яшку милиционер привел!

Что им всем за дело до Яшки Клетки на? У Яшки есть отец, есть мать, оба могут работать, а значат, могут хорошо жить. Кто же виноват, что они не хотят этого? Почему же это им, Стрешневым, нужно думать о том, как помочь Яшке, как вывести его с темных и кривых дорог, по которым он шатается? Но Стрешневы шли и озабоченно думали об этом. Стрешнев – коммунист, Зина – комсомолка. Как же могут они пройти мимо, если видят, что гибнет человек?

– Схожу к ним еще раз, – сказал отец, – а там видно будет, как решить это дело.

В тот же вечер Андрей Никанорович пошел к Клеткиным.

– Антон, – сказала Зина, – я пойду сбегая к тете Дариме, может, есть письмо от Фатьмы. Ты пойдешь со мной?

Но Антон уселся читать сказки, ему никуда не хотелось идти.

Июльский вечер был душный и жаркий. Стены домов, асфальт, мостовые – все дышало накопленным за день зноем. Зина страдала от этой духоты, она заметно осунулась и побледнела за последнее время. Но Зина не задумывалась над этим и не замечала этого. Ей было просто грустно сейчас. Нет никого из подруг – ни Фатьмы, ни Симы, ни Маши Реп-

киной, ни Шуры... Тамары и той нет. Все-таки молодец Тамара, вырвалась из душного мира ее мещанки-матери. Там, у отца, она дышит теперь свежим воздухом, общается с хорошими трудовыми людьми, а не с этой «плесенью» – всякими Олечками, Янами. Там отец заставит ее работать, научит что-нибудь делать, и осенью она вернется другим человеком. Да, впрочем, вернется ли? Едва ли. Там будет кончать школу и там вступит в комсомол...

Вот и знакомый зеленый заборчик, и ветки сирени свешиваются над ним. Но листья уже не сверкают свежестью, они пожухли от зноя и уличной пыли.

Зина подошла к калитке, но не успела открыть ее, как негромкий хриплый голос прошелестел за спиной:

– Стрешнева!..

Зина удивленно обернулась – чей это словно знакомый и в то же время чужой голос?

Перед ней, запустив руки в карманы, стоял Яшка. С оторванными пуговицами, косматый, немый стоял он перед ней, скосив глаза куда-то в сторону и нахмутив брови.

Зина не могла скрыть своей неприязни и брезгливости, Неряха, воришка. Ему доверяли, как человеку, а он!..

– Ты? – сурово сказала она. – Чего тебе еще?

– Ничего, – резко ответил Яшка, не поднимая глаз. – Я только хотел сказать, что... это не я стащил аппарат. Это отец его пропил.

– Что? Как? – Зина схватила его за плечо. – Что ты сказал?

– Ну, отец пропил. Стажил и пропил. Вот и все. А мне ничего не надо.

Он вывернулся из-под ее руки и пошел. Но Зина не дала ему уйти.

– А зачем же ты сбежал? Пришел бы да сказал нам!

– «Сказал бы»! Так бы вы и поверили. Схватили бы да в колонию. Да и Ялту хотел посмотреть... Ну все, сеанс окончен.

Яшка решительно перешел на другую сторону и свернул в переулок. Зина стояла и смотрела вслед на его понуренную спину, на его косматый затылок, на клетчатую рубаху, разорванную вдоль спины. И вдруг не выдержала, бросилась догонять Яшку.

– Яша, подожди! – кричала она. – Пойдем к нам! Подожди, ну!

Но Яша нырнул в какие-то ворота и исчез в темноте.

Отец вернулся от Клеткиных очень сердитый. Он молчал за чаем, думал о чем-то. После чая, когда Зина убрала посуду, отец сел на диван.

– Ребята, идите-ка сюда, – сказал он. – Давайте советовать.

Антон тотчас взобрался на диван и притулился к отцу. Зина села рядом, пытливо поглядывая на отца, – что это такое он задумал?

– Вот какое дело, – начал он, смущенно поглаживая Антона по голове, – советуют мне тебя, Антон, отдать в шко-

ду-интернат.

Оба – и Антон и Зина – встрепенулись. У Антона забежали глаза – на отца, на Зину. Опять на отца, опять на Зину. Неужели отец отдаст его в интернат? Неужели Зина на это согласится?

Зина тоже расстроилась:

– Папа, а зачем же?

– А я думал, вы обрадуетесь, – удивился отец. – Ведь уж очень там хорошо, в интернатах-то...

– Конечно, там хорошо, – согласилась Зина. – И одевают хорошо, и учат. Но, папа, ты же знаешь, туда берут из бедных семей или где дети без присмотра. А что же ты считаешь, наш Антон такой уж заброшенный?..

– Да ведь тяжело тебе, дочка, – начал было отец.

Но Зина прервала его:

– Ничего мне не тяжело. Когда маленькая была, то конечно... А сейчас – да что ты, папка, выдумал!

– А мне уже на заводе обещали. Значит, отказаться?

– Откажись! – в один голос закричали Антон и Зина.

– Ну, тогда слушайте, что я придумал, – сказал отец и порошил Антонов чубик. – Отдадим-ка мы это место в интернате Яшке Клеткину. А?

– Правильно, правильно! – живо подхватила Зина. – И почему это мы раньше не догадались, а, папка?

– Да ведь ты сама говоришь, что в интернат берут кто победнее, да за кем присмотра нет, да сирот... А он разве си-

рота? И отец есть и мать есть...

– Он сирота, папа, он сирота! – горячо сказала Зина. – Отец всегда пьяный, а мать совсем не смотрит за Яшкой.

Отец махнул рукой:

– С ними что говори, что не говори. А ведь какая хорошая работница была Ксения-то Клетки на. На Доске почета каждый раз. А вот из-за пьяницы этого будто и не человек стала, не то живет на свете, не то нет. Ну так решили – отдаем интернат Яшке?

– Отдаем! – крикнули Зина и Антон.

На этом совет закончился. Стрешнев решил хлопотать, чтобы вместо его Антона в интернат приняли Яшку Клетки на, у которого хотя и есть родители, но который живет как самый настоящий сирота.

ЖИЗНЬ ПОВОРАЧИВАЕТСЯ НЕОЖИДАННО

Светло-желтые занавески, огромные окна с цветами на подоконниках, натертый до блеска паркет в широком солнечном коридоре. Стройный ряд высоких белых дверей.

Завуч, высокая полная женщина с темно-карими веселыми глазами, с мягким румянцем на белом лице, подвела Яшку к одной из дверей, открыла ее.

– Здесь ты будешь спать.

Голос у нее был негромкий, спокойный. Имя тоже хорошее, спокойное – Марья Васильевна. Казалось, ничто не может ее рассердить или расстроить – так безмятежно она улыбалась, так мягко разговаривала.

Яшка вошел вслед за Марьей Васильевной в большую светлую комнату с белым тюлем на окнах, полную белых, аккуратно застланных кроватей. Порядок в спальне просто резал глаза: кровати стояли по линейке, ни одной брошенной вещи – забытой рубашки на спинке или книги на столике. Одеяла одинаково подвернуты, подушки одинаково поставлены на уголки, полотенца одинаково сложены в изголовье кроватей. На полу ни соринки, желтый паркет блестит так, что на него страшно ступить – поскользнешься.

Навстречу Марье Васильевне поднялся дежурный – он

протирал тряпкой батареи под окнами. Это был коренастый, серьезный парнишка с выпуклым лбом и внимательными, немного грустными глазами. Он подтянулся и вежливо поздоровался с Марьей Васильевной.

– Витя, где постель Яши Клетки на?

Витя дотронулся рукой до изголовья кровати, третьей от двери.

– Вот эта.

– Это была Костина кровать?

– Да.

– Вот здесь ты будешь спать, – обратилась Марья Васильевна к Яшке. – Тут спал очень хороший мальчик – Костя Чубуков. У него мама долго лежала в больнице, а потом выздоровела и взяла его домой. Надеюсь, Яша, ты тоже будешь хорошим мальчиком и поладишь с нашими ребятами. Витя, расскажи Яше, какие у нас порядки в спальнях. И вообще помоги ему на первых порах.

Марья Васильевна улыбнулась, кивнула им головой и вышла.

– Постели надо так застилать, чтобы ни одной морщинки, видишь? – сказал Витя. – Чтобы все как одна. Варишь головой?

Яшка, оставшись наедине с таким же парнишкой, как он сам, сразу осмелел.

– Подумаешь, без морщинки! – перебил он Витю. – А если морщинка, то что? Помрет кто от этого, что ли?

– Никто не помрет. А придет комиссия проверять, так сразу нам штраф, несколько очков долой.

– Какие там еще очки?

– Ну мы же соревнуемся с другими классами – у кого чище. Варишь? – Витя объяснял, стараясь не терять терпения и не замечать вызывающего вида Яшки. – И вот набираем очки. У кого больше – тот выходит на первое место. Варишь? А если комиссия заметит морщинку на кровати, или какую вещь бросишь, или пыль найдут – ну, сейчас несколько очков долой. Варишь?

– Ну варю. Чего тут варить-то! Не такие штуки варил.

– А рубашки и брюки – в шкаф, – продолжал Витя. Яшкина грубость раздражала его, но он терпел. Не так давно, всего год назад, здесь так же терпели его, Витину грубость, когда его приняли сюда, уличного, разболтанного сироту, жившего у бабушки. Нелегко ему было привыкать к такому строгому порядку, но он скоро понял, что и с ним самим людям нелегко. Но Витя-то понял, а поймет ли этот рыжий, грубый, с дерзкими глазами и с широким носом, похожим на шалаш?

Витя нахмыснул свергу: Яшка...

– И чтобы воротничками все в одну сторону, – продолжал Витя. – Видишь, как висят наши куртки?

Куртки Яшке понравились – шерстяные, с хлястиками.

– А мне тоже такую дадут?

– Конечно, дадут.

Яшка вдруг завалился на свою кровать:

– Ясно. Сеанс окончен.

Витя пришел в отчаяние:

– Да разве можно днем на постели лежать? Днем вообще

сюда нельзя приходить, спальня для спанья только! Вставай, поправь живо одеяло, а то еще нагрянет комиссия, а тут...

– Подумаешь, комиссия! – небрежно отозвался Яшка продолжая лежать. – Моя кровать – когда хочу, тогда и лежу!

Витя, услышав шаги в коридоре, принялся стаскивать Яшку с постели. Тот упирался, со смехом подзадоривая Витю.

– А ну тyani, тyani! Может, осилишь? Тyani!

Витя наконец сдернул Яшку, и тот упал, с хохотом стаскивая за собой одеяло и простыни. В это время открылась дверь и в спальню вошла комиссия. Витя со слезами на глазах бросил Яшку и вышел на середину спальни.

В комиссии не было ни учителей, ни воспитателей, туч были только ученики, воспитанники интерната. Яшка слегка испугался, но, увидев, что вошли одни ребята, без взрослых, успокоился. Он, весело улыбаясь, поднялся с пола и сел на свою разворошенную постель.

Но Яшка напрасно успокоился. Он не знал, что эти комиссии из одних учеников гораздо более суровы и непримиримы. Они взыскательно и придирчиво следят за порядком в спальнях и классах товарищей, зная, что и товарищи будут так же взыскательны и придирчивы в их собственных спальнях и классах.

А Витя знал это, он стоял злой, со злыми искрами в глазах и не пытался оправдаться. Комиссия застала такое безобразие в спальне, что и говорить было нечего.

– Здорово! – сказала рослая девочка, шестиклассница, как

видно, председатель комиссии. – Ребята, сколько очков им долой?

Витя покраснел и опустил глаза. Им ничего не стоит загнать пятый класс почти на последнее место. Они имеют право. Но каково будет Вите отвечать перед своим классом?

– Откуда такой взялся? – спросил вихрастый парнишка в очках и тут же закричал на Яшку: – Ну чего там уселся? Вставай!

– Эх, Витя! – со вздохом сказала другая девочка с белокурой челкой. – Так ты хорошо выправился. И вот – опять! Дерешься!

– Таня, честное слово! – жалобно сказал Витя. – Я и не думал драться!..

– А почему же этот на полу валялся? Значит, ты его сбил с ног? – строго сказала старшая.

Пока они разговаривали, другие мальчики и девочки, члены комиссии, проверяли, нет ли где пыли, все ли в порядке в шкафу, нет ли сора под кроватями.

Наконец один худенький, с широкими черными бровями, доложил:

– Все в порядке.

Но старшая иронически улыбнулась:

– Все, кроме драки в спальне и разбросанной постели. Я предлагаю сто очков долой!

– Ну, Клаша... – запротестовала Таня.

– Может, все-таки разобраться, кто тут виноват? – под-

держал парнишка в очках.

Однако старшая – председатель комиссии Клаша Бочарова – грубовато оборвала их:

– Никаких поблажек. Порядок надо соблюдать. Мы не где-нибудь. Мы в школе-интернате.

– А чего случилось-то? – подал голос Яшка. – Подумаешь, простынку своротили. Поправить, что ли, нельзя!

Но комиссия ушла, не ответив ему ни слова. Клаша записала в журнал о том, что обнаружено в спальне пятого класса. Сколько очков пропадет теперь! Очков, заработанных такими стараниями.

Витя с презрением посмотрел на Яшку и прошипел сквозь зубы:

– Червоточина, вот ты кто. Стели постель, чтобы как у всех была!

– Ну и постелю, подумаешь! – огрызнулся Яшка. Он поднял одеяло и простыню, кое-как застлал постель, положил подушку.

– Как постелил? Погляди, какие у людей постели и какая у тебя? Эх ты, принцесса, привык, чтобы мамушка стелила, сам не умеет!

Он ловко встряхнул Яшкино одеяло, постелил, разгладил морщинки, подровнял края.

– «Принцесса»... – проворчал Яшка с обидой. – А может, у меня никогда и кровати-то не было? Была бы, так и я не хуже стелил бы.

Яшка не ожидал, что из-за такого пустяка поднимется столько шума. Ребята-пятиклассники, чью спальню так опозорил Яшка, услышав об этом, вознегодовали. Они так берегли свое второе место по чистоте в спальне (первое было у девочек седьмого класса «А»), они так следили, чтобы у них все было в порядке, и вот!..

– Этот Виктор – простофиля! – расстроено говорил староста спальни Сережа Коржииков. – Неужели не мог объяснить человеку по-хорошему?

– Ну что я мог сделать, что я мог с ним сделать! – чуть не со слезами, весь красный, защищался Витя. – Ему говоришь, а он все на смех!

– Это несправедливо! Мы не виноваты! – возмущенно кричал белокурый бледный парнишка. – Ведь это новенький нарушил! А уж они скорей очки снимать!

Комиссия, в лице Клаши, была тут же.

– А нас не касается – кто, – непреклонно сказала она. – В спальне была драка и постель разбросана.

– Да не драка, не драка! – уверял Витя. – Просто я хотел отнять одеяло, а он...

– Если новенький хулиганил, то при чем наши очки? – снова начал убеждать ее Сережа Коржииков. – Это же несправедливо. Этот Клеткин еще не наш, он еще ничего не понимает!

– Факт есть факт, – стояла на своем Клаша.

Ребята шумели, волновались. Яшке было не по себе – вот-

то натворил кутерьмы! И в то же время почему-то было приятно, что о нем говорят, что из-за него волнуются. Вот какой он, не успел прийти, а уже столько разговора! Правда, разговор получился не особенно лестный, но у Яшки был свой принцип – пусть ругают, но говорят: он любил быть в центре внимания.

Собрание это вспыхнуло внизу, около раздевалки, когда ребята только что вернулись с работы. Они убирали двор, готовясь к учебному году. Запыленные, с грязными руками, с размазанными полосами на вспотевших лицах, они кричали, спорили, доказывали.

Кругом, шумные, веселые, разгоряченные работой ребята мчались в умывальные комнаты, скакали по лестницам вверх, чтобы переодеться к обеду. Из столовой уже доносились вкусные запахи горячего супа и свежих булочек. А огорченные ребята из пятого класса «А» все еще доискивались справедливости.

В дверях учительской комнаты давно уже стояла и слушала ребят воспитательница пятого класса «А» Татьяна Даниловна. Спор все разгорался, напор целого класса не мог поколебать Клашу, она упорно стояла на своем. И тогда вступила Татьяна Даниловна.

– Весь спор идет из-за новенького, из-за Яши Клетки на. – Тут она обернулась и посмотрела на Яшку, приподняв одну бровь, над которой сразу возникла морщинка. – А почему же ты, Яша, молчишь, да еще, как я вижу, стоишь и тихонько

посмеиваешься? Разве тебя это не касается?

Ребята затихли и все повернулись к Яшке. Они глядели на Яшку молча и ждали, что он скажет.

И, может быть, первый раз в своей жизни Яшка смутился. Он покраснел, засопел, опустил голову.

– Ну, а чего я! Знал я, что ли?

– Он, конечно, не знал, – сказала Татьяна Даниловна. – А когда будет знать, этого не случится. И я думаю, Клаша, на этот раз не будем снижать пятому классу оценку, ведь ребята не виноваты.

Ребята закричали «ура», все сразу пришли в движение, еще пытались что-то доказать...

– Марш умываться! – сказала Татьяна Даниловна, и ребята гурьбой бросились в умывальную.

– А я? – растерялся Яшка.

– И ты иди... – Татьяна Даниловна пригладила его подстриженный вихор и легонько толкнула в плечо. – Обедай, а потом – работать. Староста скажет, что делать.

– Ворота красить бы, – сказал Яшка. – Я видел, ребята красили. Очень краска хорошая, зеленая такая. Я сумел бы.

– Вот и хорошо, – ответила Татьяна Даниловна. – Я попрошу старосту, чтобы он тебя назначил на эту работу.

Яшка удивился ее сговорчивости.

– И потом, я бы деревца окапывал – я видел, ребята окапывали яблоньки, что ли...

– Работы сколько хочешь. Красить так красить, окапывать

так окапывать. Беги скорей в столовую.

– А вот это... – Яшка не мог уйти, не узнав еще одного, что его волновало. – А у вас тут фотоаппарат есть?

– Ну еще бы! У нас фотографический кружок работает.

– А мне можно?

– Конечно, можно.

– А поснимать дадите?

– Ну еще бы! Ну беги же скорей.

Яшка оглянулся: в вестибюле они с Татьяной Даниловной были одни.

– А я ведь тот аппарат не крал, – сказал он доверительно, – это отец у меня стащил да пропил, а я...

– Я всё знаю, – прервала Татьяна Даниловна, – и пойдешь ты в конце концов обедать?

– Ну, если знаете, тогда всё... – Яшка удержался, чтобы не сказать «сеанс окончен». Сеанс только начинался.

РАДОСТНЫЕ ВСТРЕЧИ

Где-то в лесах вышел из чащи олень и ступил копытом в теплую летнюю реку. И как только ступил – заглодела вода по всем рекам и озерам.

Этой легендой отмечает народ начало последнего летнего месяца – августа.

И в самом деле, еще как будто лето сияет и зеленеет на земле, и ребятишки бегают в одних рубашонках, и солнце блестит в оконных стеклах, и ни один лист еще не упал с дерева, но уже нет-нет, и пролетит по улицам холодный ветерок и напомним о том, что осень близко.

Зину всегда, неизвестно почему, волновало наступление осени, какая-то непонятная грусть возникала в душе, какое-то светлое раздумье заставляло ее подолгу стоять у открытого окна, в которое заглядывали широкие ветки клена.

Как-то утром, медленно расчесывая свою белокурую косу, Зина подошла к окну и увидела среди зеленых ветвей тронутый оранжевым отсветом лист.

– Здравствуй, осень, – прошептала она.

И тут же радостно подумалось, что скоро должны вернуться из похода ее товарищи.

– Надо сходить к Дариме, узнать, – решила Зина.

Антон позавтракал и убежал в пионерский лагерь – он теперь никого не боялся: Яшка Клеткин исчез с его горизонта.

Зина проводила его, взялась было за щетку и тряпку, чтобы прибрать квартиру, и вдруг почувствовала, что не может оставаться дома ни на одну минуту. Она сунула щетку в угол, бросила тряпку, сняла передник – ну может же она хоть раз не убрать квартиру вовремя!

Зина почти бежала по улице. Она сознавала, что уже не маленькая, чтобы так вот бегать по улице, но проворные ноги бежали сами, и остановить их было нельзя. Непременно, непременно у Даримы есть письмо от Фатьмы и Дарима знает, когда они приедут!

Дом номер пять совсем недалеко. Вот уже начался его зеленый забор, вот и калитка, закрытая на щеколду. Но лишь Зина протянула руку, чтобы нажать на щеколду, как зеленая калитка порывисто распахнулась и перед Зиной появилась Фатьма.

– Ой, Зина!

– Фатьма!

Они бросились друг к другу и крепко обнялись.

– Я так и знала! Так и знала! – кричала Зина, прижимаясь щекой к плечу Фатьмы. – Я с утра чувствовала!

– А я сразу как приехала – к тебе! Гляди-ка, и не умылась даже! Пойдем к нам, я хоть умоюсь!

Подруги, смеясь от радости, не разнимая рук, вошли во двор. По двору шла Дарима с метлой и ящичком для мусора в руках.

– А, встретились! – улыбнулась она, и белые крупные зубы

ее так и засияли. – дождалась, белый преник! Эй, Фатъма, сколько она тут бегала без тебя туда-сюда!

Подруги уселись на лавочке под сиреневыми кустами. Сколько разговоров, сколько рассказов тут началось!

– Иди умойся, руки грезные! – крикнула Дарима Фатъме.

Но Фатъма только отмахнулась. Она должна была немедленно, тут же, не сходя с места, рассказать Зине все, все, что они видели, что делали, что пережили за эти два месяца далекого похода.

Фатъма не умела рассказывать по порядку. Тут, конечно, были и ночные костры в лесу на полянах, когда красные искры летели в звездное небо. И белые тропки, убегающие все вдаль и вдаль через цветущие луга. И приключения на речных переправах, и песни, которые сами сочиняли и пели, и шумные сенокосы в колхозах, встретившихся на пути...

– До чего хорошо сено убирать! Я раньше думала – а как это в колхозе работать? Артемий говорит: «Если понадобится где наша помощь – конечно, поможем». А я говорю: «Ни

за что я не буду, я не умею ничего, только на смех!» А Сима: «Мы все не умеем!» А этот Гришка свое: «Зато пообедать дадут, а то надоел этот ваш кулеш с дымом, с углями, со всякими ветками».

И вот идем, видим, туча заходит – ну прямо так и встает над лесом. Как гора, да такая черная, страшная! А впереди – колхоз, крыши видны. Мы бегом, прятаться от дождя. А тут луг. Огромный, даже краев не видно. И колхозники все на лугу – спешат скорей сено убрать, работают без оглядки, сгребают, на машины грузят и тут же в стог складывают. А сена столько... Тут Артемий нас останавливает: «Куда бежите? Поворачивай на луг!» А в это время Андрюшка: «А если дождик?» Тут все на него: «Подумаешь, мятный пряник, дождя испугался!» Колхозники нам обрадовались! Бригадир у них такая румяная тетка, глазастая. Сразу нам грабли в руки, показала, как подгрести, а сама – к машине. Я думаю: ни за что не сумею! И знаешь – сумела! И все сумели!

– И... Артемий тоже?

– А то как же! Как взялись, как взялись, подгретаем, охапки таскаем – запалились прямо! А сена набилось всюду – и в волосы, и за шиворот, колется, кусается! А туча все ниже, все ближе... Ох, и не помню даже, как мы это сено убрали. И потом бежали под дождем, мокрые до нитки! Ну зато дождик с нас всю пылицу смыл!

– А... что Артемий?

– Ну и он бежал! Всех перегнал. Он же длинноногий! А у

самой деревни как шлепнется! Мы чуть со смеху не умерли. На глине поскользнулся. Разозлился сначала. А потом – мы смеемся, ну и он начал смеяться. Он хороший, очень хороший!

Зина ласковыми глазами глядела на Фатьму. Как она загорела, какой земляничный румянец у нее на смуглых щеках, как ярко блестят ее черные, чуть раскосые глаза!

– А потом уж и накормили нас – ух ты! Мы, наверное, молока целое ведро выпили. Гришка ел-ел! А потом в школу натаскали сена – классы-то пустые – и спали на сене. Ух и спали же! Дождик в окна стучит, а мы спим себе, уж очень устали. А наутро...

– Так я и знала!

Калитка распахнулась, влетела Сима Агатова, загорелая, похудевшая, белозубая.

– Я так и знала, что Зина здесь! Захожу к Зинке – никого! Думаю, у Фатьмы. Ну так и есть! Ну как ты здесь поживала без нас?

Симу, несколько чопорную, строгую и не улыбкувую, нельзя было узнать. Словно растаял внутренний ледок, который раньше сковывал ее.

– Ну как жалко, как жалко, что ты не пошла с нами, Зина!

– Я не могла, – напомнила Зина.

– Ну тогда очень жалко, что ты не могла. Смотри, какая ты бледная и не загорела нисколько!

– Ничего. Когда-нибудь загорю.

– Если бы ты искупалась, а потом полежала бы на песке... – начала Фатьма.

Сима подхватила:

– Ой, как мы купались в Днепре! В самом Днепре, подумай! А потом лежали на песочке...

Грубоватый, ломкий голос вдруг вмешался в разговор:

– Ага! Вы только и знали, что на песочке лежать, а мы...

– Васька! Откуда ты взялся?

– Зина, смотри на кого он похож!..

Вася Горшков вышел из-за угла дома: он не пошел в дальний путь – в калитку, а перелез прямо через забор. На щеке у него краснел шрам от еще не зажившей большой царапины.

– Где ты так разукрасился, Васька? – засмеялась Зина, всплеснув руками. – Дрался с мельницами, что ли?

– Ну он же у нас строитель! – важно сообщила Сима. – Телятник строить помогал! Крышу крыть полез, да сорвался и вот... Красавчик!

– А ты чего дома не сидишь? – накинулся он на Зину. – Я тебе орехов принес. И ребятам вашим. Прихожу, а она бежит где-то...

– И ты был у меня?

– Не веришь – ступай погляди. Целую наволочку орехов приволок!

Зина чувствовала, как радость согревает ее. Чувствовала, что щеки ее розовеют и к глазам подступают слезы. Она поморгала своими темными ресницами, чтобы ребята не заме-

тили, что она готова заплакать, – так она была признательна за их внимание, за их теплоту к ней, за их дружбу.

– Ой, ребята... спасибо...

– Пускай смеются, – Вася кивнул на Фатьму и Симу, – а я могу сказать – я имею право сказать: в колхозе «Дружба», в области Воронежской, в новом телятнике дворца сделана собственными руками комсомольца Василия Горшкова и этими же руками на крыше проложено пять рядов дранки. Плохо?

Зина, смеясь, глядела на него:

– Васенька! Да когда же ты научился строить телятники?

Калитка снова открылась, и во дворе появились Андрей Бурмистров и Зыбина Шура.

– Она здесь! Ну так я и знала – здесь! – закричала Шура и, протянув обе руки, бросилась к Зине. – Здравствуй, здравствуй!

– А мы у тебя были! – сообщил Андрей неожиданно хриплым голосом.

– И вы были! – засмеялась Зина, снова чувствуя, что ресницы у нее намокают. – И вы!.. Андрей, почему ты охрип? Шура, здравствуй! Ну и загорела, нос-то совсем облупился!..

Зина обняла Шуру. Она так рада была увидеть снова милую подругу! Как Шура изменилась за лето! Белое лицо ее потемнело от румяного загара, голубые глаза стали светлее, будто немного выцвели от солнца, сама она похудела, и Зине показалось, что Шура еще никогда не была такой красивой.

– Ой, как же хорошо, что вы вернулись, ребята! – сказала Зина волнуясь. – Я и не знала, что так соскучилась о вас. Ой, как хорошо, что вы приехали! Андрюшка, почему ты хрипишь?

– Он заблудился! Целую ночь по лесу проходил!

– Весь мокрый, и тапочку потерял!

– В стогу в каком-то ночевал – вот и хрипит теперь!

Рассказывали наперерыв, но главным рассказчиком была Сима.

– А я телят поила, – начала было Шура.

Но Сима тут же перебила ее:

– Там девушки – телятницы, все комсомолки, хорошие такие девчата. Говорят – давайте и нам помощь! А я тогда говорю – дадим! И говорю – ребята, кто желающие? И никого желающих. Тогда я говорю Шуре – ты иди. Ты самая смиренная, как теленок, – ты с ними отлично поладишь!

– И пошла?

– Пошла, – с улыбкой сказала Шура своим ровным, спокойным голосом.

– Ну и как? Не забодали они тебя?

– Нет. Они хорошие. Лижутся. Я их все время поила, семь дней.

– Семь дней мы в этом колхозе жили, – пояснил Вася. – И я там телятник строил, а Андрюшка в лесу под дождем блукал!

Андрей схватил Васю за плечи и опрокинул его с лавочки.

Поднялся хохот.

– А потом мы пришли в Киев, – начала Фатьма.

Но Сима тотчас захотела рассказать об этом сама:

– Я... то есть мы с Артемием сразу пошли в обком комсомола, нас устроили в общежитие. И потом ходили везде, ездили.

– Памятник Шевченко видели! – подхватила Фатьма, которой никак не удавалось вставить словечко.

И опять зашумели рассказы о том, какой красивый Киев, какой широкий Днепр, как ездили по Днепру на пароходке и как ходили в музей...

Вдруг вышла из своего дворничьего домика Дарима и прервала все это необычайное, пестрое, озаренное весельем и смехом повествование.

– Картошка сварилась, идите картошку есть! – сказала она. – Целый таган, на всех хватит!

Ребята гурьбой ввалились в тесную квартирку Даримы и, увидев дымящуюся на столе гору картошки да красную гору помидоров, да горку зеленых огурцов, захлопали в ладоши и запели громкую песню, которую пели у костра в лесу:

Ах ты, милая картошка-тошка-тошка!

И бросились занимать места у стола.

Зина слушала рассказы, все было ей интересно. Этот невиданный мир, в котором побывали ребята, пахнул на нее

теплыми запахами лесов и полей, он немного ошеломил ее. Зина была счастлива, что все ее друзья привязаны к ней так же крепко, как и до разлуки, и даже крепче, – они почувствовали ее отсутствие, она была нужна им и там, в тех заманчивых, полных неожиданностей и открытий краях.

– Ты все время была с нами, – сказала Фатьма, обжигаясь картошкой, – все время!

– Да, правда, – подтвердила Шура, – ты бы нарисовала моих телят.

– И мой телятник, – добавил Вася.

– И молочка попила бы с нами парного, – сказал Гришка Брянцев, – прямо тепленького!

– И у костра с нами поночевала бы, – отозвался Андрей. – Эх, хорошо, костер пригаснет, а ты лежишь и смотришь на небо, а там звезды, звезды мигают, переливаются...

– А крупа из мешка в это время рассыпается, – сказал Вася.

– Почему крупа?

Оказывается, Андрей, заглядевшись на звезды, вытянул свои длинные ноги и опрокинул корзинку, в которой лежала приготовленная к утру крупа. И снова воспоминания, рассказы, смех...

И все-таки Зине чего-то не хватало в этих рассказах. Почему-то имя Артемия звучало не так часто, как ей хотелось бы. Вспоминал ли он о ней? Ну хоть изредка? Ей хотелось знать о нем все, все: и как он идет с рюкзаком за спиной, и

как он узнает дорогу по азимуту, и как он учит ребят разжигать костры, и как он разговаривает с колхозниками. И уже она сама еще раз хотела спросить – а что же Артемий, как он отнесся к тому, что крупа рассыпалась? – как открылась дверь и сам Артемий, коричневый, светловолосый и темноглазый, со знакомым светлым шрамчиком над бровью, появился в комнате.

Ребята заорали «ура». Сейчас же задвигались, гремя стульями, чтобы освободить ему место, начали придвигать ему картошку, помидоры, огурцы...

– Спасибо, ребята, – сказал Артемий и подсел к столу. – А я ведь, по совести сказать, пришел узнать, как жила тут без нас вот эта беленькая девочка, – он указал глазами на Зину, – и как она выполняла свой долг.

Зина так и загорелась румянцем; она не знала, куда ей деться, от смущения картошка выпала у нее из руки и свалилась под стол. Ребята подняли смех.

Но Артемий повторил свой вопрос, серьезно глядя в ее светло-серые, очерченные черными короткими ресничками глаза:

– Ты сделала то, для чего осталась, Зина?

Зина ответила не сразу. Она хотела ответить так, чтобы это было по-настоящему правдой. И, мгновенно перебрав в уме недавнее прошлое – выздоровевшая Изюмка, пионерский двор, успокоившийся Антон, Яшка, устроенный в интернат, – она ответила спокойно и твердо:

– Да. Сделала.

Вернувшись домой, она застала Антона около наволочки с орехами. Он в восторге вынимал орехи горстями и клал их на стол – он никогда не видел, чтобы они были в таких хорошеньких шершавых оберточках с мохнатой бахромой.

– Зина, Зина, иди сюда скорей, гляди-ка, кто это принес нам орехов?!

Зина взъерошила его светлый чубик.

– Это наши ребята принесли. Прямо из леса, из самого настоящего леса, – ответила она. – У нас с тобой, оказывается, очень много друзей, Антон! И знаешь что? Возьми-ка побольше орехов да отнеси своим товарищам, угости их.

Антон живо набил карманы орехами и умчался. Зина закрыла дверь. Ей необходимо было остаться одной, чтобы разобраться в своих чувствах, чтобы хоть как-то справиться со своей радостью, которая не умещалась в сердце. Он пришел узнать, как она жила! Он помнил, он не забывал! Он пришел, чтобы узнать!

Зина ходила по комнате, прижимая руки к своим горячим щекам. Ей хотелось смеяться, скакать, петь!

Неожиданно припомнилась песенка, которую они пели с мамой, когда Зина была еще совсем-совсем маленькой:

Отчего мне весело?

Потому что солнышко, Потому что солнышко Глянуло в оконушко!

Отчего мне весело?

Оттого что песенка, Оттого что песенка Села к нам на лесенку!

Почему мне весело?

Улица вся светится, А на этой улице Кто-нибудь да встретится!

Мама! Грустная милая улыбка ее, светлые ласковые глаза... Она умерла, и лишь немногим больше двух лет прошло с тех пор, а вот Зина уже и веселится и поет!.. А ведь она так отчаивалась тогда, думала, что после такого горя она уже никогда и не улыбнется больше. Какая страшная это была ночь, когда пришла «скорая помощь» и увезла маму в больницу. И еще страшнее было утро, когда пришел из больницы отец с почерневшим от горя лицом и сказал, что мама умерла... Как они все плакали, какой беспросветной казалась им жизнь!

А нынче?!

Зина омрачилась, притихла, задумалась... Она подошла к маленькому портрету мамы, висевшему в спальне. Мамины глаза улыбались Зине, они все видели, эти глаза, все понимали.

И снова мама стояла здесь, около Зины, и снова ласково говорила с ней.

«Не надо так омрачать свою жизнь, Зина, – говорила она. – Живым надо жить. Надо работать, веселиться, любить друг друга. Это закон природы. Я знаю, что я, твоя мама, у тебя всегда и в сердце и в памяти. Но неужели ты думаешь,

что мне было бы приятно, если бы ты всегда грустила и никогда бы ничему не радовалась? Любимые мои, меня нет с вами, но я всегда была счастлива вашим счастьем и радостна вашей радостью. Радуйся, дочка, жизни, не упрекай себя...»

«Хорошо, мамочка, хорошо, – мысленно ответила Зина своей маме. – Только ты знай одно, что я никогда не забываю о тебе, и никогда я тебя не забуду, и никогда не перестану тебя любить, и всегда-всегда ты будешь нам нужна... И если я веселюсь, то не думай, что я про тебя уже забыла! Но я сегодня так счастлива, мамочка, так счастлива!»

КРУПНЫЙ РАЗГОВОР

Начало учебного года чувствовалось всюду. Ученики запасались учебниками, матери покупали девочкам черные и белые школьные фартуки, а мальчикам – пиджачки и фуражки.

В выходной день у прилавка магазина стоял вальцовщик Стрешнев со своей старшей дочерью Зиной, расправляя крупной, загрубевшей от работы красивой рукой маленький нежно-белый передник с плечиками, похожими на крылья мотылька.

– Как думаешь, Зина, не мала эта вещица? А? Напрялим мы на Изюмку?

– Да что ты, папа, еще и велик будет. Ведь она же не в пятый класс идет, а в первый!

– А это – для первого? А годится ли для первого-то?

Зина не сдержала усмешки:

– Папка, какой же ты простоватый! А для кого же такие фартуки? Ведь дошкольникам не шьют школьной формы! Покупай, покупай скорее, нам еще Антону надо новые брюки купить, старые коротки совсем!

Отец и дочь ходили из магазина в магазин, искали, выбрали, покупали разные вещи для своих маленьких школьников...

Стрешнев после смерти жены почти два года ходил с по-

черневшим лицом, не поднимая головы. Сейчас он немного выпрямился, стал улыбаться, глаза его посветлели и потеплели – жизнь шла вперед, дети росли, требовали забот и ласки. Но над его бровями как залегли горькие складки в ту страшную ночь, так и остались навсегда – печать того, что не забывается до конца дней. Теперь вся радость жизни его была в работе и в детях. Он удивлялся, глядя на них, что они так быстро, так неудержимо растут. Даже вот эта малявка, которая не так давно кричала умирающей матери: «Мамочка, открой глазки, я не буду больше баловаться!» – и которая месяц тому назад отыскивала эльфов в цветах, нынче идет в школу! Ей уже нужны сумка, тетради, карандаши... Удивительно!

А глазастый простак Антон – он уже в третьем, его уже скоро будут принимать в пионеры. Батюшки мои, сплошь партийные люди в моей семье, – ведь вот-вот и эта малявка Изюмка нацепит себе на грудь октябрятскую звездочку!

«А Зина... Ну уж Зина...» – Отец шел от кассы с оплаченным чеком и смотрел на Зину, стоявшую у прилавка. Тоненькая, стройная, с белокурой косой, подвязанной крендельком на затылке... Что напоминала она? Молоденькую березку весной, свежесть лесного ветерка, чистую утреннюю зарю, распукольку дикого шиповника на тонкой росистой ветке... Что-то далекое и волнующе прекрасное, являвшееся ему в раннем деревенском детстве.

– Папа, папа, послушай! – подозвала его Зина. – Посмот-

ри, какие хорошие рубашки. И как раз твой размер. Давай купим, а?

Отец пожал плечами.

– А на что мне такая рубашка? Жениться мне, что ли?

У Зины на секунду глаза стали неподвижными. Жениться, жениться... Мгновенно представилась какая-то неведомая женщина, вторгнувшаяся в их маленькую, полную воспоминаний о маме квартиру. Но Зина тотчас отогнала это тревожное видение.

– А если не жениться, то и хорошие рубашки носить не надо? Что ты, люмпен-пролетарий, что ли?

– Да видишь ли... – Отец смущенно опустил глаза. – Денег-то у нас не очень...

Продавец, больше не интересуясь покупателями, уложил голубую, до блеска отутюженную рубашку в большую коробку.

– Подожди, папа, пускай денег не очень. Мы потом сэко-

номим, я тебе обещаю. Скоро праздник, Антона будут в пионеры принимать. Ведь должен же ты к нам в школу прийти. А в чем ты пойдешь, ну-ка?

– Так уж у меня и рубашек нет?

– Но, папа, они же старые, тебе надо новую рубашку. Ну-ка, давай деньги, я заплачу. Думаешь, маме приятно было бы, если бы ты в старой рубашке пришел на праздник, а?

Отец вынул деньги из кармана и молча отдал Зине.

Через десять минут голубая рубашка, аккуратно завернутая, была в руках Зины.

Они шли по гладким плитам богатых товарами рядов ГУ-Ма. Сквозь стеклянный гумовский небосвод просеивалось нежаркое августовское солнце, зажигая блестками большой фонтан. Из-за широких витрин заманчиво глядели расписные ларцы, резные тарелки, фаянсовые горшки, отливающие желтым и красным хохломские ковши и братины, разливались сияющими потоками шелка, манили пестротой свежих красок ситцы, штапели, маркизеты, кокетливо выставляли узкие носы светлые туфельки, облаками нейлона и капрона дымилось розовое и голубое дамское белье...

Зина с трудом отводила глаза от этих витрин, она не могла налюбоваться красотой вещей, созданных для радости. Ей хотелось бы взять с собой всего – и шелку на платье, и туфельки, и широкого тюля на окна, и ковер для спальни, и ночную рубашку, всю в оборочках и кружевах, и хорошенькое платьице для Изюмки, и матросский костюм для Анто-

на, и габардиновый плащ, который как раз годился бы отцу, и дорогие акварельные краски, и прекрасный альбом слоновой бумаги для рисования...

– Вот видишь, – сказал отец, – все растратили мы с тобой, всем закупили подарков. А что же для тебя? Для тебя-то и не купили ничего.

– Ну, – с улыбкой отмахнулась Зина, – а мне-то и не нужно ничего.

И вдруг, сказав это, она почувствовала, что и в самом деле ей ничего не нужно. Неужели она могла бы надеть эти узконосые туфли с уродливым каблучком или эту пышную прозрачную ночную рубашку? А занавески у них еще хорошие, и к тому же их сшила из полотна мама. Неужели Зина снимет мамины скромные красивые полотняные шторы и повесит какой-то дрянной тюль!

– Нет, нет, – повторила она, – ничего, ничего мне не нужно. И даже не хочется ничего!

– Ну уж новые краски-то, наверное, хочется, – сказал отец, покосившись на нее. – Вот тут у меня еще кой-какая мелочь. Может, купим? И потом будем экономить. А?

Против этого соблазна Зина устоять не могла, и ящичек с красками перешел в ее сумку.

Дома Зина все покупки любовно разложила по местам. И в этот вечер все – то отец, то Зина, то Антон – не раз доставали из комода и из шкафа обновки и снова любовались ими.

После чая Зина села рисовать новыми красками. Поче-

му-то вспомнился далекий-далекий день, когда она с подружками шла по лесу, собирая букеты из желтой и оранжевой осенней листвы. Вот и встал этот лес на кремовом листе слоновой бумаги, встал далекий, волшебный, счастливый – ведь это было в то время, когда еще была жива ее мама. А вот и девочки идут. И впереди их дорогая учительница Елена Петровна. И вот четыре девочки делят дубовую ветку: как крепка дубовая ветка, так крепка будет их дружба. Вот они четверо – Зина, Маша, Тамара... А четвертая отошла. Она не хочет давать никаких обещаний, она любит – пока любит. А перестанет любить – никакие обещания ее не удержат. Это Фатьма. Это она, с длинными косами, огорченная и расстроенная, идет одна, в стороне... Глупые детские клятвы! Зачем они были? Фатьма и сейчас с ней, с Зиной, она самый верный ее друг. А где Тамара, которая всех горячее клялась? Тамара стала совсем чужой им всем, она идет по каким-то своим дорогам, ищет какого-то своего счастья, неведомого им всем.

В дверях кто-то позвонил. И, будто вызванная магической силой воспоминания, в комнату вошла Тамара Белокурова.

Зина выпустила из рук папку с рисунком, в глазах ее были изумление, растерянность.

– Тамара! Откуда ты взялась? Ты же уехала!

– Ну уехала. А вот и приехала. Здравствуйте.

Тамара непринужденно поздоровалась со Стрешневым, который сидел с Антоном на диване и рассказывал ему про водолазов. Антону в последнее время что-то грезилось во-

долазы, может, после картины, которую он видел по телевизору. Вот была картина! Там люди, надев ласты и акваланги, разгуливали вместе с рыбами в глубинах моря, и сколько чудес они там видели!

– Ну что тебе водолазы? – смеялся отец. – Ты ведь водолазом не станешь?

– А почему не стану? – нерешительно возражал Антон.

– Ясно почему – потому что трус.

Но Антон не сдавался.

– А ты рассказывай, не отвиливай! Все только трус да трус. А может, осмелею?

– И в затонувший корабль полезешь?

– А может, и полезу. Ты давай рассказывай!

Тамара сразу разрушила спокойную теплую атмосферу. Отец замолчал, он не мог так непринужденно болтать с Антоном при чужом человеке. Антон тоже умолк и, раскрыв во всю ширь свои круглые голубые глаза, уставился на Тамару.

А Тамара, делая вид, что ничего не замечает, прошла к столу и села рядом с Зиной.

– Вот и я. Здравствуй. Ты уж думала, наверное, что больше меня не увидишь? А я вот приехала. И вот пришла – рада или не рада, а я пришла.

Зина покраснела. Она хотела сказать, что очень рада, но не могла. Зина совсем не обрадовалась Тамаре, наоборот, ей было неприятно, что Тамара со своим громким голосом и небрежным разговором нарушила течение их мирного вече-

ра.

Зина что-то пролепетала, но Тамара не слушала ее.

– Пойдем пройдемся, – сказала она, занятая какими-то своими мыслями. – На улице очень хорошо. Мне надо поговорить с тобой.

Зине не хотелось уходить из дому, не хотелось идти с Тамарой.

– А почему же надо идти на улицу? Здесь тоже можно.

– Но мне нужно поговорить с тобой... а не со всеми...

Она покосилась в сторону Андрея Никаноровича. Тот почувствовал себя неловко. Он не знал, как ему обратиться к Тамаре, сказать ли ей «ты» – ведь она подруга его дочери, – или уже нужно говорить «вы» – вон она какая нарядная, на высоких каблуках, с лакированной сумочкой, да еще и в перчатках.

– А чего ж вам убежать? Мы и сами можем уйти.

И они вместе с Антоном поднялись и ушли в спальню. Зина стала убирать свое рисование. Тамара взяла в руки картинку.

– Что это? Лес какой-то. За грибами, что ли, ходят?

– Это так... – сказала Зина, – одно воспоминание. Как мы ходили в лес с Еленой Петровной...

– А! Это когда мы клялись веткой дуба? Вот-то смешные были!

Зина взяла у нее рисунок и положила в папку.

– А что ж? – продолжала Тамара. – Все-таки эта ветка сыг-

рала свою роль, не правда ли? Вот, например, мы с тобой так ведь и остались друзьями! Ну кто твой лучший друг – разве не я?

Зина, немного растерявшись от такой явной неправды, с недоумением посмотрела на нее. Тамара – ее лучший друг!

Мгновенно вспомнились те страшные, никогда не забываемые дни, когда у нее не стало мамы. Как трудно было опомниться от этого внезапного горя, невозможно казалось вынести то, что случилось! Друзья, подруги окружили ее тогда, помогли устоять, утешали как умели. Кто же являлся к ней каждый день и развлечь, и помочь, и присмотреть за младшими ребятами? Фатьма, в первую очередь Фатьма, которая вовсе не клялась никакими громкими клятвами. И Шура была тогда с Зиной, и Сима Агатова, и Маша Репкина, и Вася, и Андрюшка...

Только не Тамара Белокурова. Ни разу за все то время она не зашла к Зине, никогда Зинино горе не трогало ее. У Тамары всегда были только свои личные дела, и сейчас так же – всегда только свои беды и радости, из-за которых она не видит других людей. И это она, Тамара, оказывается, ее лучший друг!

В молчании Зины Тамара почувствовала упрек.

– А разве нет? Не так? – продолжала она. – Разве не к тебе первой я пришла тогда со своим горем, не к тебе?

– Со своим горем – да, – сдержанно сказала Зина.

Тамаре не понравился ее тон, но ей было не до того, чтобы

раздумывать о Зининых настроениях.

– И вот теперь – опять я к тебе же пришла! Не к Симке Агатовой, не к Фатьме же!

– Могла бы и к ним пойти.

– Как это – к ним? Ведь я же твоя подруга!

Зина не хотела ссориться, не хотела ворошить все те горькие минуты, которые ей пришлось пережить из-за Тамары. Ей вспомнилась рука Тамары, белая рука в кружевном нарукавничке, поднятая за исключение Зины из пионеров. Почти единственная рука во всем классе!

– Да! – сказала она с горечью и принялась прибирать на столе свои книги и тетради. – Да, да, конечно!

– Я пришла посоветоваться с тобой, – продолжала Тамара, – сядь, пожалуйста, и выслушай как человек. Ведь это очень серьезно!

Конечно, потому и пришла, что у нее опять что-то случилось.

Зина села. В окнах уже засинело, Зина включила лампу.

Но Тамара тотчас погасила ее:

– Не надо. Мне как-то спокойней в сумерках!

Наступило молчание. Тамара сидела нахмурившись. Из спальни слышались негромкие голоса – Антон читал отцу сказку. Зина молча ждала. Она видела, что Тамаре трудно начать свой разговор, но Зина не могла заставить себя помочь ей.

– Я уехала от отца совсем, – начала Тамара. – Я больше ни

за что не поеду туда! Как они живут! Разве можно так жить? Работа, работа, каждый день с утра до ночи работа и работа! И все в земле, в грязи... Нет, это совсем невозможно!

Тамара вспомнила, как ее осмеяли в совхозе девушки-раб-отницы, – это воспоминание ее больно укололо.

– А народ какой – грубый, неразвитый! Ну ты подумай – начали смеяться над моими платьями. Будто в шелковых платьях и ходить нельзя! Ну ты понимаешь теперь? Им это дико!

– Конечно, если полоть или снопы вязать, то в шелковых платьях и вправду дико, – чуть-чуть улыбнулась Зина. – А по-твоему, нет?

– Нет, по-моему, нет! – Тамара рассердилась. – И вообще я не за тем туда поехала, чтобы им снопы вязать!

– Ты – им. А они – тебе.

– Ты смеешься надо мной? – Тамара вспыхнула и, вскочив со стула, раза два прошлась по комнате. – Неужели я только того и стою, что снопы вязать?

Зина хотела спросить – а чего же она стоит? Но сдержалась.

– Так разве в совхозе только снопы вяжут? Там небось и клуб есть и читальня. Могла бы, наверное, в клубе работать.

Тамара фыркнула:

– Как же! Антирелигиозные лекции, что ли, читать?

– А хотя бы!

– Нет, ты просто меня нарочно злишь, – крикнула Тамара,

и в ее голосе послышались слезы, – ты просто назло!

Зина не хотела злить ее, она искренне думала, что в совхозе можно найти множество интересных дел, если захотеть. Но она не знала, что Тамара пыталась браться за эти дела.

...Отец не сразу отпустил Тамару. После одной пылкой ссоры, когда Тамара уже собрала чемодан, отец глубоко задумался.

– Мы с тобой оба слишком вспыльчивы, – сказал он примиряюще. – Давай разберемся, давай поищем путей.

– Ты же нашел мне путь – техникум, – обиженно ответила Тамара. – Интересно, какой? Малярный, может быть? Или электричество проводить? Или, может, телят воспитывать?

Николай Сергеевич опять глядел на нее недоумевающими глазами, он опять не мог понять ее горечи и возмущения.

– Ну подожди, ты не горячись. И маляр, и электрик, и телятница – все это люди уважаемых и очень нужных профессий. И, если хочешь знать мое мнение, будь ты сейчас маляром и работай на какой-нибудь стройке, я бы гордился тобой. А уж если бы ты зоотехником пришла к нам на молочную ферму, я бы не только гордился, но и счастлив был бы!

Тамара, пожав плечами, отвернулась. Это движение начисто зачеркивало разговор.

– Ну хорошо, ну давай подумаем о другом, – терпеливо продолжал отец. – Ты как-то сказала, что умеешь делать то, чего никогда не сумеют наши девчата. Может, ты мне объяснишь, что же такое это «то»? Может, в этом и есть твое

призвание?

Тамара молчала. Отец ждал.

– Вот у нас клуб есть, – опять начал он. – Может, ты могла бы какой-нибудь доклад сделать? Или беседу провести?

– Какую беседу? О чем?

– Ну мало ли на свете сейчас интересного творится! Вот поди в Космосе побывали – собери материал, да и расскажи поподробнее. Или можно хотя бы поговорить о химии – ты, конечно, читала, какие чудеса – полимеры – открывают и создают нынче химики? Или, например, что делает химия для сельского хозяйства. Это же страшно интересно!

Тамара вполглаза читала о полете в Космос Гагарина и Титова, по телевизору видела их и слышала. Но кто же не видел и не слышал? А химию она учила в школе, но интересного ничего в ней не заметила, лишь бы сдать. И снова Тамара молчала, а отец ждал.

– Может, ты еще скажешь, антирелигиозную лекцию прочесть? – наконец спросила она с усмешкой.

Отец обрадовался:

– Правильно! Вот нужный разговор, Тамара! Ты все-таки не глупый у меня человек!

Тамара сказала это, чтобы задеть отца, а он обрадовался. Он совсем не понимает ее!

– Вот так и решили, – заключил отец, – договорись с заведующей клубом, там у нас хорошая деваха работает, Таня Голубкина, она тебе поможет. Ты только попробуй, только

начни что-нибудь делать и увидишь, как интересно тебе станет жить!

– Ну хорошо, – согласилась Тамара, – только я не буду читать антирелигиозную лекцию. Я лучше расскажу о Третьяковской галерее. Я же там была два раза!

– Два раза! – Николай Сергеевич снова был обескуражен. – Да что же ты узнала там за два-то раза?!

– А что особенного? Я очень многое помню.

– Ну хорошо, – сдался отец, – если тебе нравится – подготовься как следует и расскажи о Третьяковской галерее. Все-таки, конечно, ты многое видела своими глазами, а это очень дорого. Съезди в район, у нас там хорошая библиотека, подбери материал. Там, помнится, и о самом Третьякове есть книга. Вот если ты хотя бы рассказала, кто такой был Третьяков. Впрочем, нет, об этом наши ребята знают, учительница в кружке культуры лекцию читала. Ну ты можешь рассказать о картинах, которые тебе особенно запомнились, и рассказать о них поподробнее. Это может получиться очень интересно.

«Зине бы это, – подумалось тогда Тамаре, – она бы сумела. – Но тотчас же самолюбиво возразила себе самой: – Зина сумела бы, а я не сумею? Подумаешь! Вот съезжу в район...»

Но ни в какой район она не поехала – вот еще, таскаться по жаре. Да и что особенно готовиться? Картины и так будто живые стоят у нее перед глазами: Репин, Шишкин, Левитан...

Ах, если бы Тамара смогла навсегда забыть этот злосчастный вечер – столько позора, столько унижения она тогда вынесла!

Сначала как будто пошло неплохо. Она рассказала про Васнецовскую «Аленушку», про «Трех богатырей»... А потом что-то пошло вкривь и вкось. Она спутала Поленова с Левитаном. «Боярыню Морозову» приписала Репину... Почему так случилось? Ведь у нее даже была в руках репродукция «Боярыни Морозовой», Тамара сняла ее у отца со стены. Ведь там же ясно было написано имя художника! Но Тамара верила своей памяти, она твердо помнила, что «Боярыню Морозову» написал Репин...

– «Боярыня Морозова» художника Репина...

Смех, прокатившийся по залу, остановил Тамару. Почему они смеются?

– Вы маленько ошиблись! – Молодой тракторист Ярослав Григорьев, Ярошка, которого она не раз видела в поле чумазого, в замасленной спецовке, этот Ярошка выскочил на сцену и встал рядом с Тамарой. – Надо нашего лектора маленько поправить!

Он взял из рук Тамары репродукцию и обратился к залу:

– Мы в нашем кружке культуры рассматривали картины русских мастеров. Кто занимался, тот, конечно, знает. А кто не знает, тому скажу. Картину эту написал не Репин, а Суриков.

И, обернувшись к Тамаре, со своим вздернутым носом и

веснушками, сказал с упреком:

– А уж если таких вещей не знать, то не надо бы и браться.

Зачем же голову морочить!

Тамара повернулась и ушла с подмостков. Народ с шутками, со смехом начал расходиться.

– Вот это прослушали лекцию!

– Пополнили образование!

Тамара, спрятавшись за занавес, слушала эти насмешливые слова.

– Ну и ладно, ну и смейтесь. Подумаешь! – твердила она про себя. – Испугалась я... Нужны вы мне!

Вдруг кто-то негромко, совсем близко от нее, сказал в раздумье:

– Вот и в столице живут, а ничем-то по-хорошему не интересуются. Удивительно! Так, живут пустоцветы какие-то.

Это замечание большее всего задело Тамару. Она незаметно отодвинула занавес – кто это так уничтожил ее?

Мимо медленно проходил пожилой человек, с бородой, с нависшими по-стариковски бровями. Тамара узнала его, это был пастух Трофим Иванович. Трофим Иванович пригладил ладонью черные с сединой волосы и, надев кепку, пошел вместе с народом из зала... Напрасно отец уверял Тамару, что ничего страшного не случилось, что Тамара может снова выступить, только хорошенько подготовившись.

– Помнишь в шестом классе свою выставку? – сказал он. – Ведь тогда то же самое случилось. Как же ты могла поступить

опять точно так же? Неужели ты могла подумать, что у нас здесь такой народ, что примет любую чепуху и не заметит ничего? Эх, ты! Вот они, наши телятницы да трактористы, оказывается, далеко тебе до них!

Тут отец спохватился, что он уже не успокаивает ее, а упрекает, и снова начал уверять, что все можно поправить, только потрудиться над этим нужно.

Но для Тамары уже все было кончено.

Тамара провела рукой по лбу, стараясь отогнать это воспоминание. Обида, негодование снова охватили ее сердце. Она с упреком взглянула на Зину.

– Неужели ты думаешь, что мне только и места, что в совхозе! Неужели я уж такая никудышная!

Зине становилось тяжело слушать эти непонятные злые жалобы.

– А разве в совхозе живут никудышные? – холодно сказала она. – Разве там люди не такие, как везде? И разве отец твой никудышный, если он там живет?

– Ты не хочешь понять, как мне тяжело... – В голосе Тамары слышались слезы. – Ты... ты не можешь найти для меня доброго слова.

– Я не хотела тебя обидеть, – возразила Зина, смягчаясь, – только я привыкла уважать рабочих людей – и тех, кто в городе, и тех, кто в деревне. Я никогда не забываю, что ем хлеб, который эти люди вырастили. Так меня мама учила, так и отец учит, так и комсомол учит. Вот я и не пойму тебя ни-

как, я не пойму, за что ты так сердишься на них, и на их работу, и вообще на всё. Ну не понравилось в совхозе – живи в Москве. Только почему же так свысока ты говоришь о совхозе? Совхоз тебя недостоин, что ли?

– «Живи в Москве»... – Тамара будто не слышала последних слов. – Да, конечно. Буду жить в Москве.

Лицо ее опять стало хмурым, в больших почерневших глазах зажглись недобрые огоньки.

– И если отец нас бросит – пускай. Мама сказала, что потребует квартиру, и чтобы деньги давал, и чтобы мы каждый год на курорт ездили. Вот и пускай повертится.

– Тамара! – Зина возмущенно прервала ее. – Кто «пускай повертится»? Это ты о своем отце так говоришь?!

– Ну и говорю! – Тамара вызывающе посмотрела на нее. – А если бы твой отец привел тебе другую мать – как бы ты о нем говорила?

Зина побледнела.

– Мой отец?..

– Да. Твой отец.

– Ну что ж... Если бы он захотел жениться... Я как-то не думала об этом. Я знаю только одно, что никогда, никогда не обидела бы нашего отца. Никогда! Если бы он женился... ну что ж, значит, ему так было бы лучше. А я только и хочу, чтобы ему было лучше.

– Ах, ему? А тебе?

– А если лучше ему, то лучше и мне. Разве я не хочу, что-

бы мой папа был счастлив? И разве наш папа не хочет, чтобы мы все были счастливы? Разве он сделает что-нибудь для себя, а о нас не подумает? Никогда, никогда он так не сделает! И я никогда не обижу нашего папочку, а если его кто-нибудь обидит, так я тому человеку буду навеки врагом!

Тамара устало вздохнула:

– Что говорить с тобой? Ты всегда была чудная. Наивная. А я уже многое поняла и скажу прямо – я хочу сама съесть конфетку, смешно отдать ее другому, да еще и радоваться, что кому-то сладко!

Зина встала. Снова эти подлые слова! Она с затаенным страхом глядела на Тамару и ждала, что та еще скажет, и боялась того, что она скажет.

– И надо вещи называть своими именами и смотреть правде в глаза, – жестко продолжала Тамара. – Отец уходит, а мать что? Что она должна сказать ему: «Иди и живи и будь счастлив, пожалуйста»? Так, что ли?

– Да, так, – сказала Зина. – Раз он любит другую, он должен уйти... А где же тогда у твоей мамы гордость?

– Ах, так? Хорошо. Пускай уходит. Но пускай он дает нам деньги. Мама так и сказала: «Оставлю ему на хлеб и на воду. Вот и пускай повернется! А иначе развода не дам».

– Я больше не могу, я больше не хочу тебя слушать! – остановила ее Зина. – Зачем ты пришла ко мне? Я не хочу... я не могу...

– Ну ладно, ладно. – Тамара опять притихла. – Ты никогда

не понимала, что такое личное счастье.

– А ты понимаешь? А у тебя оно есть?

– Да, я понимаю. Только у меня его нет. Но когда-нибудь будет же. Я найду его, добьюсь!

– Вот ты все говоришь – «счастье, личное счастье». Ну а в чем ты его видишь? – спросила Зина, внимательно глядя Тамаре в глаза. Она искренне хотела понять ее, понять, чего она хочет, чего добивается. – Ну как бы тебе хотелось жить, чтобы чувствовать себя счастливой?

– Правду?

– Конечно, правду.

– Ну так вот, я никогда не была так счастлива, как в то лето на даче у Олечки... – Взгляд Тамары стал влажным, мечтательным и далеким. – Как весело они живут, как хорошо там, всегда накрытый стол, всегда гости, музыка, танцы, молодежь... Ой, как хорошо мы там жили! Встанем, искупаемся, а на веранде уже стол накрыт. Отец у них уезжал рано, приезжал поздно, мы его и не видели никогда.

– Но ведь это же дача, отдых... Нельзя же всю жизнь только отдыхать! – начала было Зина.

Но Тамара не дала ей продолжать.

– Позавтракаем, оденемся... Я люблю красивые платья, – ну что ж, сознаюсь, люблю. А потом идем гулять, катаемся на лодке, танцуем... Пластинки у них заграничные. Уже к обеду в доме полно. Молодые люди, такие все любезные, хорошо одетые. Иногда, правда, чуть-чуть выпивали лишнего... Но

они же не дети, в конце концов! И так у них каждый день, каждый день! Дача? Отдых? Пустяки. У них и в Москве так же. Счастливые!

– Значит, отец с утра до ночи работает, а они...

– Ну и что же? Он же не возражает!

– А эти... ну, молодые люди – вроде Яна?

– Ну а что, в конце концов, Ян? – Тамара пожалала плечами. – Я сама не знаю, зачем-то устроила истерику. Ну выпил, даже напился. Жалко, что я его увидела тогда... Не видела бы и не знала бы ничего. А теперь вот – сиди одна. И Олечка не зовет к себе...

– Но ты ведь знаешь, какой он! – с изумлением воскликнула Зина. – И все-таки сожалеешь? Да ведь это же подонок, Тамара, хорошо одетый подонок, его же судить надо за его жизнь, за его поведение в жизни. У нас же судят таких! Как же ты не видишь этого, не понимаешь?

– Да, не понимаю, – надменно ответила Тамара. – Он же не вор? Нет. И вообще не понимаю, что это за суды такие. Кто имеет право вмешиваться в личную жизнь человека? Как хочу, так и живу – вам-то какое дело? Я ведь не ворую, не убиваю, документов не подделываю? При чем тут суд? Никто не имеет права!

– Нет, барышня, мы имеем право, – вдруг негромко, но сурово сказал, выходя из спальни, Андрей Никанорович. – Вон у нас слесарь Клеткин тоже не вор и документов не подделывает. Однако судили мы его на заводе, да еще как суди-

ли. Всем коллективом судили. С песком продрали, да еще как, до живого! Со слезами за свою пьяную подлость прощения просил. И в личную жизнь вмешались, сына отдали в интернат. Ничего! Вмешиваемся и будем вмешиваться.

Тамара немножко оробела, уж очень суровый был вид у Зининого отца, уж очень гневно глядели на нее его глаза. Она хотела что-то возразить, но не нашлась.

– А таких вот субчиков, как этот ваш Ванька Рогозин, – продолжал Андрей Никанорович, – грязной метлой из Москвы погоним. Пускай пойдет поработает, как люди работают. А то, ишь ты, дармоеды какие развелись тут, словно клопы. Наши лучшие ребята целинные земли распахивают, стройки огромные строят, пути через тайгу прокладывают, всю самую тяжелую работу на своих плечах поднимают, а эти расхаживают тут по ресторанчикам, коптят небо да еще мнят о себе что-то, дрянь всякая. А почему бы им тоже не попробовать, как эти все наши стройки нам достаются? А то люди сделают, а они пользуются этим, да еще на тех же самых людей и плюют.

– А если человек не захочет, то и не поедет. – Тамара справилась со своим мимолетным смущением и уже с вызовом смотрела на Стрешнева. – И не пошлете насильно.

– Пошлем, не беспокойтесь! У нас государство рабоче-крестьянское, и лозунг наш – «Кто не работает, тот не ест» – еще в архив не сдан!

– Папа, успокойся, – негромко сказала Зина, – не волнуй-

ся так. Ты спать не будешь.

– Да как же не волноваться? Ведь болит душа-то!

– До свидания. – Тамара круто повернулась и вышла из комнаты.

Зина поспешила проводить ее. Запирая дверь за Тамарой, она сказала:

– Ты просила у меня рекомендацию в комсомол, Тамара.

– Да, и ты обещала.

– Так вот я хочу сказать, что не могу дать тебе рекомендацию. И, если ты подашь заявление, я выступлю против.

– Выступай. Тебе никто не поверит. И потом, – Тамара усмехнулась, – ты же должна людей привлекать в комсомол, воспитывать! А ты отталкиваешь.

– Да зачем тебе в комсомол, ну зачем? – Зина чуть не плакала от возмущения. – Ты же...

– Правду?

– Конечно, правду, правду!

– Затем же, зачем и тебе. Чтобы легче жить. Чтобы легче устраиваться. Чтобы поступить в вуз. Вот тебе правда.

– Затем же, зачем и мне?!.

Зине хотелось ударить Тамару. Она просто ослепла от гнева, у нее перехватило дыхание.

– Я выступлю, – продолжала она, задыхаясь от ярости, – я выступлю... Потому что такие, такие подлые не должны... не должны быть в комсомоле. И такие, как ты, не смеют брать в руки билет, где имя Ленина...

– Ты для этого вызвала меня на откровенный разговор? Чтобы выпытать и воспользоваться? Вот это подружка!

Но Зина справилась со своим гневом.

– Уходи, – сказала она почти спокойно. – Я тебе не подружка.

Тамара вышла. Зина молча закрыла дверь и повернула ключ.

За ужином разговаривал один Антон. Отец и Зина были задумчивы и молчаливы.

– Ну что же, – сказал наконец Андрей Никанорович. – Мы же с тобой и виноваты, кажется?

Зина подняла на него опечаленные глаза:

– Папа, я, кажется, неправа. Комсомол должен таких воспитывать, правда? А я ее прогнала!

– Не знаю, не думаю... – Отец покачал головой. – Антонина Андроновна уже воспитала ее. Комсомолу тут не справиться. Что сделаешь с человеком, который всюду видит только подлецов, а все честное и доброе считает фальшью и притворством? Это больные люди. Это уроды. И думаю я, что прежде всего надо спрашивать с отцов и матерей, которые дают нам вот таких уродов. Это прежде всего их вина. А наша – беда.

– А что же все-таки нам-то делать теперь?! Ведь она наша ученица, нам с ней рядом жить. Мы же не можем закрыть глаза...

– Надо бы ее куда-нибудь на работу послать – вот самое

верное дело. Да на такую работу, чтобы некогда было кудерьки завивать да раздумывать, на какую вершину свою особу вознести.

– Папа, ты забываешь, у нас трудом не наказывают.

– А я и не говорю, чтобы наказать трудом. Я говорю – чтобы вылечить! Надо поговорить в нашей парторганизации. Отца нет, мать никудышная. А как она, эта твоя Тамара, учится? Хорошо?

– Что ты, папа! На тройках едет все время.

– Так чего же она в вуз пялится? Все равно экзаменов не выдержит. Да и делать ей там нечего со своими тройками. Ремеслу ей надо учиться, чтобы дело какое-нибудь в руках было. В парткоме надо поговорить, с учителями, с матерью.

– С матерью! – Зина невесело усмехнулась. – А разве с ней можно говорить? Она же ничего не понимает! Разве с ней учителя не говорили? О, еще сколько раз! А она только грубит им – и все.

– Ну, не договоримся с матерью – вызовем отца. А то и без них решим. Не пропадать же человеку! Поступит в техникум, выучится, будет работать. Ведь ей жизнь жить!

Зина задумчиво покачала головой:

– Она не будет работать. Никогда не будет.

Зина долго не могла уснуть, расстроенная тяжелым разговором с Тамарой. Опять вылезла тень Рогозина с этой его конфеткой, которую он хочет есть сам.

Но потом вспомнила, что сказала на это Елена Петровна.

«Настоящему человеку, – сказала она, – так же радостно сделать что-нибудь хорошее для других, как если бы он сделал это для себя. А так, как говорит этот человек, делают только узколобые эгоисты. Это не настоящие люди».

И тут же в мыслях ее возникли милые лица друзей, которые все с ней рядом, которые думают так же, как она, и чувствуют так же. Их много, они вместе, они сильны тем, что вместе. А такие, как Тамара, всегда одиноки. В вечной погоне за своим личным счастьем они всегда несчастливы, потому что, не видя ничего в жизни, кроме себя, считают, что жизнь пуста и неинтересна. И не замечают, что пусты и неинтересны только они сами.

А потом откуда-то издалека, из той страны, где рождаются мечты и сияют радуги, выступил неясный облик светловолового человека, у которого шрамчик около левой брови... Он улыбнулся Зине теплыми карими глазами и сказал:

«Это ты, беленькая? Я так же думаю, как и ты. Ты права!»

Сердце сразу согрелось, и Зина уснула успокоенная и счастливая.

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Лето было очень жаркое, с ливнями, с грозами. И столько тепла было в этом году, что хватило его и на первое сентября.

Первое сентября – особенный день, значительный и волнующий. В календаре стоит черное число рабочих будней. Тысячи, миллионы маленьких людей в этот день после летнего отдыха идут в школу, принимаются за работу.

И все-таки это не будни – слишком много волнений, радостных встреч, новостей и цветов в день первого сентября! Это ошибка, что он ничем не отмечен в наших календарях.

Утро наступило свежее, ясное, украшенное зарумянившимися листьями клена и по-летнему белыми облаками. По всем улицам ребята шли в школу – и маленькие, цепляющиеся за матерей, и взрослые, встречающие свою юность.

Шла в школу и Зина. Рядом с ней солидно шагал Антон с большим желтым портфелем. И, крепко держась за ее руку, семенила Изюмка. Они шли с букетами осенних цветов, с красными георгинами, с белыми и розовыми гладиолусами, которые высоко поднимались над головой, прямые как стрелы.

Зина крепко, но бережно сжимала маленькую шершавую руку Изюмки. Вот и она здесь, с ними, их маленькая сестренка, вот и она шагает рядом своими крепкими ножками в тупоносых башмаках. Жалко, что не мама ведет ее сегодня

в школу, но что ж делать, мамы у них нет. В этот радостный и тревожный день ведет Изюмку Зина, старшая сестра.

Зина пожимает руку Изюмки – не волнуйся, я здесь, с тобой. И поглядывает на Антона со скрытой лаской, радостью и гордостью. Сколько горя и тревог причинил ей этот голубоглазый парень, но вот выбрался, выправился, идет, как большой, чуть-чуть наморщив светлые брови. В этом году его будут принимать в пионеры.

И вдруг Зина внезапно, словно только что увидела их, поняла, что ее младшие брат и сестра уже совсем большие, уже школьники! Чувство счастья и гордости наполнило ее сердце. Ведь это она помогла им вырасти, ведь это она варила для них обед, одевала их, укладывала спать, находила для них радости, выручала из беды, она, их старшая сестра!

Фатьма уже ждала их у своей калитки. В руках она держала желтую охапку золотых шаров, которыми ее мать, дворничиха Дарима, заполнила весь двор дома номер пять.

– У! Школьники! – закричала Фатьма и, подбежав к Изюмке, хотела подхватить ее на руки.

Но Изюмка сурово отстранилась:

– Сумку испортишь. И цветы.

– Ой, извини! – засмеялась Фатьма. – Я и забыла, что ты уже большая!

Стайка школьников, оживленная, шумная, с портфелями и цветами, шла по той стороне. Вдруг один из ребят, коренастый, с широким лбом и густыми бровями, остановился.

– Зина Стрешнева! – сказал он и заулыбался. – Зина, здравствуй!

Зина оглянулась:

– А, Кондрат! Здравствуй, как поживаешь?

Кондрат перебежал дорогу и пошел рядом с Антоном.

– А правда, что ты у нас будешь пионервожатой? – спросил он, заглядывая Зине в глаза. – А? Правда?

Зина улыbnулась, порозовела:

– Не знаю, Кондрат. Может быть. Если дадут такое поручение, не откажусь!

– Дадут! Дадут! Ты скажи, чтобы дали!

Из ворот дома восемь выбежала маленькая Полянка в красном пальто и синей шапочке.

– Зина, я с тобой, я с тобой! – закричала она, размахивая оранжевым букетиком ноготков. – Я тоже с тобой!

Полянка подбежала, оттолкнула Антона и схватила Зину за рукав – рука у Зины была занята портфелем и цветами. Антон рассердился:

– Чего толкаешься? Она моя сестра, а не твоя!

– Нет, моя. Все равно – моя!

И чем дальше шли по улице, тем больше ребятишек оказывалось около Зины. Вот Юля прибежала, а вот и Витя Апрельев. А вот и еще какие-то ребята цепляются к Зине; может, они были на площадке пионерского лагеря, а может, просто товарищи тех, что были там.

– С тобой невозможно ходить по улицам! – возмутилась наконец Фатьма. – Что у тебя, магнит есть, что ли, для этих малявок?!

– Магнит, магнит! – ответила Зина. – Очень простой магнит – я их очень люблю! Такие ребята хорошие!

Но тут вспомнился Яшка Клеткин. Как-то он? Тоже садится сегодня за парту. Будет ли учиться как следует, как обещал?

Зина недавно навестила его. Она увидела Яшку во дворе. С бадейкой и кистью в руке он азартно красил ярко-зеленой краской железные прутья изгороди, окружающей интернатский сад. Зина подошла к нему, поздоровалась. Яшка вытер

рукавом вспотевший лоб, поднял голову, слегка улыбнулся.

Зине показалось, что веснушки на его широком носу побледнели, да и сам он, чисто умытый, подстриженный, подтянутый ремешком, выглядел неплохим парнем.

– Как живется? – спросила Зина.

– Ничего, живем, – ответил Яшка и снова принялся красить изгородь. – Работа есть, скучать некогда.

Он оглянулся на других ребят, тоже с ведерочками в руках красивших изгородь.

– Э, малявки, отстают. Я сейчас закончу свой участок – и все. Сеанс окончен.

– А потом гулять?

– Гулять? Что я, маленький? Там у меня... проявлять надо. У нашей Татьяны Даниловны день рождения – фотографию хотим ей подарить.

– Ну и хорошо. До свидания, – сказала Зина и пошла со двора.

Яшка с недоумением посмотрел ей вслед – почему же она пришла, постояла у изгороди и пошла обратно? Зачем же она тогда приходила?

– А тебя навестить приходила, – обернувшись, улыбнулась Зина.

Яшка недоверчиво хмыкнул:

– Ну да еще! Кто это будет из-за меня приходиться?

– Я буду приходиться.

Яшка опустил глаза, сквозь веснушки на его щеках про-

ступил румянец, и он принялся усердно работать кистью.

– Ну... Коли делать нечего... тогда, конечно.

– Эх, ты! – с упреком сказала Зина. – А когда это бывает, чтобы человеку делать было нечего? И потом, что же ты думаешь – дела важнее человека?..

...А сегодня рано утром вместе с газетами Зина получила от Яшки открытку с яркими настурциями. На открытке накорябано поздравление:

«Поздравляю с первым школьным днем. Я тоже обещаю хорошо учиться. Мне только взяться. Яков Клеткин».

И в уголке мелкими буквами приписано: «Спасибо». Эта открытка лежала сейчас в школьной Зининой сумке. Это скупое «спасибо» было для нее дороже, чем самый дорогой подарок.

Около школы уже толпились ребята – и маленькие и большие. Встречались, здоровались, окликали друг друга, смеялись.

– Вон Васька Горшков машет нам, – сказала Фатьма и сама начала махать своим букетом. – А вон и Сима и Андрюшка... Эй, здравствуйте! Здравствуйте!

Фатьма побежала им навстречу. Зина тоже рванулась было за ней. Но ребяташки, ухватившись кто за рукав, кто за фартук, завопили на разные голоса:

– Ты с нами! Мы тебя не пустим! Зина остановилась, поглядела в их встревоженные глаза и усмехнулась:

– С вами, с вами. Куда же я без вас?

Зина шла окруженная ребяташками, и в сердце ее росла горячая добрая радость.

«Личное счастье! – думалось ей. – Разве вот это не личное счастье? И разве можно быть счастливым, если увидишь чужую беду и пройдешь мимо? Нет, видно, тогда по-настоящему может радоваться человек, когда и все вокруг него радуются. Вот это, видно, и есть настоящее личное счастье».

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.